

ЛЕНА ОБУХОВА
НАТАЛЬЯ ТИМОШЕНКО

ИЛЛЮЗИИ ЧИСТОГО ХОЛСТА

НОРМАЛЬНОЕ АНОМАЛЬНОЕ

Annotation

Молодая петербургская художница всегда писала яркие картины, наполненные радостью и светом, но теперь в ее мастерской все больше полотен, на которые она сама боится смотреть. Она не помнит, как работала с ними, и все чаще ей кажется, что рядом с ней поселился кто-то чужой. В чем причина: в психическом заболевании или чем-то дурном влиянии? Или же в ее квартире действительно завелось что-то потустороннее? В этом предстоит разобраться Войтеху и его друзьям. На этот раз ставки очень высоки: или они спасут девушку, или погибнут вместе с ней.

- [Лена Обухова, Наталья Тимошенко](#)

- [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Эпилог](#)
-

Лена Обухова, Наталья Тимошенко
Иллюзии чистого холста

Пролог

*24 января 2015 года, 00.25
пр. Кима, Васильевский остров
г. Санкт-Петербург*

– Что, даже на кофе не позовешь? – молодой человек обиженно надул губы.

Катя мысленно скривилась. Она и у женщин-то подобную мимику переносила с трудом, а человеку, называющему себя мужчиной, и вовсе не могла простить такого. Даже если бы она собиралась пригласить своего сегодняшнего ухажера в гости, то уже передумала бы.

– Я не пью кофе на ночь, – стараясь, чтобы в голосе не прорезалась брезгливость, ответила она. – Потом уснуть тяжело.

– Так я и не предлагаю тебе спать. – Молодой человек тут же перестал изображать обиду и игриво подмигнул ей.

– Все, спокойной ночи!

Не давая ему опомниться, Катя захлопнула дверь прямо перед его носом, порадовавшись, что, несмотря на солидный возраст дома, в парадной все же установлен кодовый замок, и навязчивый ухажер не последует за ней.

Вечеринка по поводу выхода из творческого кризиса скульптора Володьки Гарина неприлично затянулась, и время давно перевалило за полночь. Катя уехала одной из первых, а народ остался праздновать. Как бы после такой тусовки Володька не ушел в другой, гораздо более затяжной кризис. Впрочем, едва ли это как-то повлияет на него, с позволения сказать, творчество. Гарин был из тех, кто только языком трепать горазд, а на деле никто уже не помнил, когда он заканчивал хоть одно свое гениальное творение. Зато у него от бабки осталась огромная квартира в самом центре города, где было удобно устраивать разнообразные творческие и не очень вечеринки, поэтому его хвастовство и абсолютную бездарность ему прощали. Катя каждый раз клялась себе отказаться от очередного приглашения, но каждый раз его принимала. Не потому что ей нравились все эти пьяные люди, мнящие себя гениями, а потому что не хотела прослыть «дочкой богатого папы, забившей на своих закадычных друзей, с которыми когда-то приехала в Питер искать вдохновения и признания». Правда, с тех пор прошло почти десять лет, а закадычные друзья, в отличие

от нее, так и не повзрослели, да и признания особого не снискали.

Лифт поднимался на предпоследний этаж так долго и так протяжно при этом скрипел всеми несмазанными частями, словно высказывал ей все, что думает о таких поздних возвращениях домой, напоминая в этот момент соседку из квартиры напротив. Выйдя из лифта, Катя остановилась на секунду, прислушиваясь к звукам в той самой квартире, но за дверью стояла гробовая тишина. Либо старая сплетница уже легла спать, либо затаилась, понимая, что Катя давно заметила ее наблюдения за собственной персоной.

Дом, в котором Катя купила квартиру всего полгода назад, был довольно старым, построенным где-то в начале шестидесятых годов прошлого века. Хотя некоторые и утверждали, что по меркам этого города он еще достаточно молод. Большинство жильцов здесь родились и выросли, давно друг друга знали, и к каждому новичку относились настороженно. Для всей парадной, застывшей в прошлом веке, Катя была как бельмо на глазу: молодая, незамужняя, с горящим в окне по ночам светом и, прости господи, кошкой без шерсти. Или наркоманка, или проститутка – к гадалке не ходи. Пожалуй, с одной только соседкой с последнего этажа у нее и сложились более или менее дружеские отношения.

На всякий случай показав «глазку» неприличный жест, Катя направилась к своей квартире.

Резкий запах гари ударил в нос, едва только она открыла дверь. Катя остановилась, и не проходя в квартиру, и не отступая обратно. Между прихожей и просторной гостиной, соединенной с кухней, не было двери, а потому она хорошо видела желтую полоску света, протянувшуюся по полу от окна к стене, и никакого дыма в ее свете не заметила. Значит, в квартире ничего не горит. Опять кто-то жег бумагу перед вытяжкой, которая в старом доме работала неправильно. Такое уже случалось, поэтому Катя даже не удивилась. В этом доме постоянно что-то случалось.

Она осторожно вошла внутрь, прикрывая лицо теплым шарфом, и закрыла за собой дверь. В квартире стояла полная тишина, даже Анхе, чертовка лысая, не бежала ее встречать. Впрочем, это ленивое животное так и не признало в ней свою хозяйку, а потому никогда не встречало у порога, не мурчало у нее на руках и не приходило в поисках ласки, как делают все нормальные кошки.

Щелчок выключателем не привел к нужному эффекту: прихожая так и осталась погруженной в темноту. Катя тяжело вздохнула, принявшись раздеваться, но тоже не удивилась. Свет в этой квартире часто ни с того ни

с сего переставал включаться, а иногда зажигался среди ночи, поначалу доводя ее до нервной икоты. Дому сто лет в обед, чего от него ожидать? Но за большую двухуровневую квартиру, весь верхний этаж которой был оборудован под мастерскую, она простила бы ему что угодно. Дом был построен таким образом, что верхний этаж как будто делился пополам. Квартиры, выходившие окнами во двор, были самыми обычными, а те, которые смотрели на парк, выглядели как огромные студии без внутренних стен с окнами от пола до потолка. Когда-то их сдавали в аренду художникам, но теперь почти все помещения были выкуплены. Кто-то из предыдущих владельцев объединил верхнюю и нижнюю квартиры в одну, которая потом и досталась Кате.

Разувшись и скинув пальто, девушка наощупь прошла в ванную, вымыла руки и тут же направилась наверх. Даже без кофе спать еще не хотелось, и если свет все же включится, она сможет немного поработать, однако уже на верхней ступеньке она остановилась. Здесь запах гари стал меньше, зато заметно тянуло холодом. Она точно помнила, что не открывала сегодня окна, и уж тем более не оставила бы их незапертыми в мастерской. Неконтролируемая влажность картинам вредна, а в этом городе за ее контроль не могут отвечать даже синоптики. Тем более с самого утра шел снег, а старое окно во всю стену открывалось либо полностью, либо никак.

Катя быстро вошла в мастерскую и увидела распахнутое настежь окно. Если теперь старая задвижка не удерживает его, то, возможно, ей все же стоит пересмотреть свою любовь к этой квартире. Или же поменять окна на современные, как давно советовал отец. Кате очень нравились эти старые деревянные рамы с потрескавшейся краской, поэтому следовать его совету она не спешила.

Захлопнув раму и вернув задвижку на место, она вдруг замерла, подсознательно отмечая нечто странное. Медленно опустила голову и в желтом свете фонаря увидела на узком пороге под окном как будто выжженные следы чьих-то рук. Тонкие длинные пальцы хватались за край деревяшки снаружи, словно кто-то, раскаленный добела, влезал в ее квартиру. Не входил, а именно вползал. Сердце пропустило удар и тут же усиленно застучало в животе, а ноги подогнулись от слабости. Катя поняла, что на первом этаже пахло именно жженой древесиной, а не бумагой. Еще медленнее, чем до этого, она обернулась, разглядывая другие следы от ладоней. Незвестное существо влезло через окно и, видимо, на четвереньках поползло по комнате в дальний угол, где стоял мольберт с натянутым на подрамник холстом, еще чистым, но уже подготовленным к

написанию картины.

Катя вскрикнула и дернулась в сторону, увидев, как на полу появляются новые следы. Невидимое существо все еще находилось в студии и неторопливо ползло к мольберту, оставляя за собой выжженный паркет. Снова запахло гарью. Нужно было бежать, но Катя не могла сдвинуться с места. Ноги приросли к полу, а руки судорожно скребли по стеклу за спиной. Она чувствовала, как по щекам текут слезы ужаса, а сердце колотится так сильно, что сотрясает ударами все тело. Спящая в кресле Анже вдруг подскочила с места, выгнула спину и зашипела, но убегать тоже не торопилась.

Существо наконец добралось до мольберта, ухватило длинными пальцами за ножки и начало подниматься вверх. Почернел и оплавился край холста, а затем на нем начали появляться непонятные линии. Они вспыхивали на мгновение искристым огнем, но тут же гасли, оставляя после себя все те же выжженные следы. Катя вдруг поняла, что существо... рисует?

Наверное, она все-таки умерла бы от ужаса, если бы в этот момент не услышала знакомый голос:

– Катюша?

Линии на картине мгновенно остановились. Катя обернулась и увидела на пороге комнаты Антонину Семеновну, ту самую соседку, с которой поддерживала дружеские отношения. Квартира Антонины Семеновны находилась на том же этаже, что и Катина мастерская, но выходила окнами во двор.

– С вами все в порядке? Я вышла мусор вынести, а у вас дверь распахнута.

Катя торопливо огляделась, пытаясь понять, какой именно мусор выносила соседка в первом часу ночи и как дверь в мастерскую, которую она не открывала, может быть распахнута, и вдруг обнаружила, что через большое окно комнату заливают яркий солнечный свет. Она взглянула на часы, обнаруживая, что те показывают девять утра.

– Все... в порядке, – выдавила она из себя.

Соседка неодобрительно покачала головой.

– Вы бы прогулялись, сегодня такая хорошая погода: морозно, но солнышко светит. Совсем себя изведете своей работой.

Катя судорожно кивнула, с трудом понимая, о чем она говорит, а затем увидела разбросанные по полу краски. Ее ладони оказались измазаны чем-то черным. Она поднесла руки к лицу и принялась. Это определенно была акварель. Катя торопливо подбежала к холсту и наклонилась к нему.

Черные линии тоже пахли акварелью. Так что же это – она сама нарисовала? И не кистью, а руками?

Она посмотрела на порожек под окном, но на старой облупившейся белой краске не было никаких следов. Как не было их и на полу, и на ножках мольберта. Она шумно выдохнула и снова повернулась к застывшей столбом соседке, но стоило ей сделать шаг в сторону, как спящая в кресле Анже подскочила, выгнула спину и зашипела. Не то на нее, не то в пространство. Катя дернулась обратно к мольберту, но тут же остановила себя. Чертова кошка просто испугалась ее резкого движения. Никого, кроме нее и соседки, в комнате не было и быть не могло.

Глава 1

28 апреля 2015 года, 12.45

г. Москва

– Нас прислали за господином Дворжаком. Вам ничего не грозит. Вам просто нужно пойти с нами...

Когда подобную фразу говорит накачанный мужчина под два метра ростом, рядом с которым стоит еще один такой же, похожий на него как брат-близнец, трудно сохранять спокойствие и самообладание. Однако Войтех знал, что мужчина не врет. Обострившаяся до неприличия интуиция подсказывала, что ему действительно нечего опасаться. По крайней мере, пока.

Он видел, как Нев соединил кончики пальцев и вопросительно посмотрел на него. Войтех понимал, что тому хватит секунды, чтобы избавить их от проблемы в виде черного Гелендвагена и двух внушительных близнецов с короткими стрижками и в строгих костюмах. Однако в ответ на взгляд Нева он только едва заметно качнул головой и медленно поднялся из-за стола.

– Я к вашим услугам, господа.

– Войтех?..

От внимания Лили не укрылся его обмен взглядами с Невом, в голосе ее звучала тревога, но стоило ему остановить ее жестом, как она тут же замолчала, признавая за ним право решать, как поступить.

А вот Саша, конечно, тут же вскочила на ноги и спросила, может ли она поехать с ним. Наверное, ему было не суждено понять эту женщину и ее логику. По крайней мере, он не представлял, зачем ей ехать с ним. Чем она в случае чего сможет помочь?

К счастью, ей не разрешили. Войтех видел волнение в ее взгляде и чувствовал ее страх, поэтому постарался уверенно улыбнуться, коснувшись ее руки.

– Все будет хорошо, – заверил он. – Оставайся с остальными.

Он не любил обещать то, в чем сам не был уверен, но сейчас почти не сомневался, что все действительно будет хорошо. Или хотя бы правильно.

Его проводили к машине и предложили сесть на заднее сиденье. Именно предложили, а не заставили – его сопровождающие вели себя с ним строго, но вежливо.

И все же когда дверца машины захлопнулась, отгородив его железом и тонированным стеклом от оставшихся на летней веранде кафе друзей, Войтеху снова стало не по себе. Он не любил терять контроль над ситуацией, а на заднем сиденье чужой машины, один против троих крепких мужчин, к тому же без оружия, он ничего не мог контролировать.

Они ехали довольно долго. Войтех жил в Москве уже не первый год, но совсем в другом районе, поэтому не ориентировался и не понимал, куда его везут. Сопровождавшие его мужчины молчали, не переговариваясь даже между собой, и он сам тоже не задавал вопросов, понимая, что не получит ни одного конкретного ответа. Ему оставалось уповать на интуицию, которая убеждала его, что эти люди никак не связаны с ЗАО «Прогрессивные технологии», на которое он работал последние три года. Об этом говорил и тот факт, что его сопровождающие не взяли с ними Ивана, который взломал счета ЗАО и вычистил с них деньги. К тому же они явно ничего не знали о Неве, иначе вели бы себя с ним по-другому. Стало быть, их послал не Директор, убить которого Войтеху не хватило духу.

Когда машина наконец сбросила скорость и припарковалась, Войтех не имел ни малейшего понятия о том, где находится. Он даже не был уверен, что они все еще в Москве. Несколько раз он слишком глубоко погружался в свои мысли, прислушиваясь к внутренним ощущениям, поэтому вполне мог пропустить момент, когда они выехали за МКАД.

Место, в котором они оказались, походило на городской лесопарк: деревья здесь росли довольно хаотично, но при этом между ними петляли ухоженные дорожки, по краям которых стояли скамейки и мусорные урны. Парк казался пустынным, несмотря на солнечный теплый день. Вероятно, они все же оказались на какой-то окраине, не в самом популярном месте. Выйдя из машины, Войтех быстро оглянулся, но ближайшие жилые дома виднелись слишком далеко. Рядом с их Гелендвагеном было припарковано всего две машины: точно такая же, как та, на которой привезли его, и еще один Мерседес – черный Майбах. На обеих машинах стояло по «мигалке», в каждой сидел только водитель.

Двое мужчин, с которыми он приехал, попросили его – снова строго, но вежливо – следовать за ними. При этом вперед пошел только один, второй предпочел идти за Войтехом, словно боялся, что тот сбежит. Почему-то это предположение насмешило его: следовало быть совсем уж отчаянным, чтобы попытаться сбежать в такой ситуации.

Они прошли по тропинке около сотни метров и свернули в сторону, оказавшись на такой же пустынной алее. Здесь тоже через каждые пятьдесят метров стояли аккуратные лавочки, но только на одной из них

сидел мужчина. Вокруг его лавки, то убегая в лес, то возвращаясь обратно, радостно носился рыжий кокер-спаниель.

Один из охранников жестом предложил Войтеху пройти к лавке, что он и сделал, но уже в полном одиночестве. Когда он подошел, сел и снова оглянулся по сторонам, никого из охраны уже не было видно: они словно растворились в воздухе, бесшумно и не привлекая лишнего внимания. Хотя едва ли здесь можно было привлечь чье-то внимание, кроме снующих по стволам деревьев белок. Войтех понимал, что охрана никуда не делась, и стоит ему повести себя неправильно, он с этой лавки может и не встать.

– Добрый день, господин Дворжак, – поздоровался с ним мужчина, не поворачивая к нему головы, вместо этого глядя снова подбежавшую к нему и вставшую лапами на лавку собаку.

– Добрый, – согласился Войтех. – Не считите за грубость, но я не знаю, как к вам обращаться.

Его голос прозвучал ровно, ни грамма волнения в нем не отразилось. Наверное, потому что с того момента, как Войтех увидел собаку, он окончательно успокоился. Хозяин рыжего кокер-спаниеля не внушал угрозы.

– Можете никак не обращаться, – разрешил мужчина.

На вид ему было около пятидесяти, но могло быть и ощутимо больше: незнакомец относился к тем людям, которые следят за собой – и за внешностью, и за здоровьем. У него были густые и очень светлые волосы, седина в таких терялась, скрадывая несколько лет, гладко выбритое лицо, ухоженные руки. Любые недостатки фигуры прятал великолепно сидящий на нем костюм, а дорогие ботинки не подходили для прогулок по лесу. От мужчины веяло уверенностью и властью, что было неудивительным для человека с двумя машинами охраны.

– Хорошо, обойдемся без имен, – легко согласился Войтех. – Зачем я вам понадобился? Вы, очевидно, хорошо меня знаете, но я не представляю, чем я могу быть полезен человеку вроде вас.

Собака, громко залаяв, вновь унеслась прочь за очередной белкой, а мужчина наконец посмотрел на Войтеху. И даже улыбнулся. По крайней мере, его губы скривились в улыбке. Мутно-серые глаза оставались при этом холодными.

– Да, я хорошо вас знаю, – подтвердил он. – Я знаю, что некоторое время вы были тесно связаны с одной организацией, которая занималась... нестандартными задачами. Я знаю, что вы проводили для них расследования с определенной спецификой. Вы ловили некроманта в Санкт-Петербурге, искали пропавших на год людей в Красном Яре, нашли

древний портал в другой мир в Научном городке в Тверской области. Вы даже засветились в родной Праге, когда в Староновой синагоге произошло весьма brutальное убийство археологов, изучавших подземный лабиринт. Наверняка у вас была еще масса эпизодов, но это те, о которых известно мне.

Внешне Войтех никак не изменился, как минимум, он на это очень надеялся, но внутри пробежал неприятный холодок. Интуиция ошиблась: его привезли сюда из-за ситуации с ЗАО.

Однако паниковать было поздно, поэтому он постарался проигнорировать надвигающийся страх, мерзкой волной поднимавшийся по спине к затылку. Сейчас ему это удалось достаточно хорошо.

– Я также знаю и то, что с той организацией ваши пути разошлись, – продолжил мужчина, когда Войтех промолчал на его первые заявления. – И как ни странно, хуже от этого стало не вам, а им... что уже само по себе заставляет вас уважать.

Это было настолько неожиданно, что Войтех, до сих предпочитавший смотреть вперед, скользя взглядом по деревьям, покрытым свежей листвой, резко повернул голову к собеседнику. Если его сюда привезли наказать за то, что он сделал, то мужчина определенно начал очень уж издалека и вел разговор странным путем.

Незнакомец усмехнулся, заметив его реакцию, и покачал головой.

– Расслабьтесь, Дворжак. Мне нет дела до того, что вы натворили. Пока нет. Я пригласил вас сюда, чтобы попросить вашей помощи.

– Пригласили? – с нервной насмешкой переспросил Войтех.

– Как мог – так и пригласил, – ничуть не смутился мужчина.

– Так какая помощь вам нужна?

Его собеседник на время снова отвернулся, уделив внимание подбежавшей к ним собаке. По тому, как долго он с ней возился, не желая отпускать, Войтех понял, что грядущий разговор его угнетает, и он просто тянет время, чтобы как можно дольше его не начинать.

Однако чрезмерно активное животное в конце концов снова унеслось прочь. Мужчина вздохнул и сказал:

– У меня есть дочь. Уже взрослая, ей двадцать восемь, живет в Питере. И в последнее время ее что-то преследует. Я хочу, чтобы вы выяснили, что это.

Он произнес это так быстро и четко, что сразу стало понятно: эту фразу он готовил заранее, формулировал и оттачивал в голове.

Войтех вопросительно приподнял брови, давая понять, что ему нужно немного больше информации, но собеседник, бросив на него мимолетный

взгляд, покачал головой.

– Это все, что я могу вам сказать. Остальное вы должны выяснить сами.

Даже Директор давал ему больше информации. Войтех помолчал немного, но все же решился уточнить:

– Что именно вы имеете в виду, говоря, что вашу дочь преследует «что-то»?

– Мне кажется, в таких вещах вы должны понимать больше меня, – недовольно процедил мужчина.

– Хотя бы как это выглядит?

Он пожал плечами.

– Я это не видел. Да и дочь заикнулась всего один раз. Давно, еще зимой. Больше не рассказывала. Я сначала понадеялся, что это прошло, а потом понял: нет, все стало только хуже, но она боится говорить об этом.

– Что именно она рассказала в тот раз? – не унимался Войтех. Ему нужно было получить хотя бы минимальные сведения. Пока слова мужчины выглядели несколько... странно, и как начинать расследование с такими вводными данными, он не представлял.

Мужчина нахмурился, поджав губы. Было видно, что ему нелегко дается эта тема, но он все-таки рассказал:

– Она говорила, что ей мерещится какое-то существо, поселившееся у нее дома. Сверхъестественное существо. Говорит, оно заставляет ее рисовать страшные картины.

– Рисовать картины? – удивился Войтех.

– Моя дочь – художница. И последнее время она действительно стала рисовать несвойственные ей картины. Все в черном цвете, мрачные, депрессивные. Она стала грустной и замкнутой. Почти перестала общаться с друзьями. И с нами.

– Замкнутость, видения, странные картины... – подытожил Войтех. – Это может быть психическое расстройство. Или наркотики. Почему вы обратились ко мне?

Мужчина снова посмотрел на него, на этот раз взгляд его казался вполне свирепым. Ему определенно не понравилось предположение Войтеха.

– Я обратился к вам, потому что другие тоже твердили про психику и наркотики, – отчеканил он. – Но мои люди следили за ней: никаких наркотиков, никаких странных знакомств, а причин сходить с ума у нее нет. Я обратился к вам, потому что человек, утверждавший, что видел НЛО, должен уметь искать другие объяснения подобным видениям. И вы его

найдете, потому что в противном случае и вы, и ваши друзья ответите за все свои художества с ЗАО «Прогрессивные технологии». А если найдете, то я навсегда избавлю вас от возможных проблем, с ними связанных. Такая вот сделка, господин Дворжак. Я могу как спасти вас и ваших людей, так и уничтожить. Выбор за вами.

Наверное, ему стоило испугаться, но Войтех почему-то только улыбнулся. Немного грустно, потому что в этот момент отчаянно позавидовал неизвестной девушке: если бы его отец в свое время так отреагировал на рассказ об НЛО, вся его дальнейшая жизнь могла сложиться совершенно иначе.

– Знаете, совершенно необязательно угрожать человеку, чтобы чего-то добиться от него, – заметил Войтех. – Необязательно запугивать его охраной и встречаться в пустынном парке как в дурном фильме про шпионов. Необязательно пытаться его купить. Но я принимаю условия вашей сделки. И с удовольствием займусь делом вашей дочери. Только мне потребуется от вас все возможное содействие.

– У вас будет все, что вы попросите, – заверил мужчина, заметно смягчившись. – Деньги не имеют значения. Все, что можно на них купить, будет вам предоставлено. И любая имеющаяся у меня информация тоже.

– Хорошо. Тогда для начала попросите своих ребят вернуть меня в кафе к друзьям.

Мужчина снова покачал головой.

– Нет, ребята отвезут вас сразу на вокзал. У вас поезд скоро. Позвоните друзьям, пусть захватят ваши вещи и присоединяются к вам. На сборы у них не больше часа. Кое-какую информацию о моей дочери я вам сейчас пришлю на почту, будет время изучить в поезде.

С этими словами он поднялся со скамейки, неожиданно пронзительным свистом подозвал к себе собаку и пошел прочь.

28 апреля 2015 года, 15.22

Ленинградский вокзал

– Какой вагон он сказал? – на ходу спросил Ваня, быстро шагая по платформе, на которой толпилась куча не менее спешащих в разных направлениях людей.

– Первый, – подсказала Лиля, с трудом поспевающая за ним на высоких каблуках.

– Да блин, это через всю платформу пилить, – простонал Ваня. – Меньше десяти минут до отправления... Погоди, – он внезапно

остановился как вкопанный, отчего Лиля, бегущая по его пятам, не успела затормозить и налетела на него, ударившись плечом в объемный рюкзак за его спиной и зацепившись длинными белокурыми волосами за застежку.

– Блин, Ваня!..

– Первый вагон? – повторил тот, не обратив на нее внимания. – Это же первый класс. Шикует парниша.

– Помнится, всего несколько часов назад вы и сами планировали заказать самое дорогое шампанское в ресторане, – хмыкнул Нев, обгоняя его. Он вез только Лилин чемодан, поскольку все его вещи и так находились в Питере, откуда его так внезапно «увезли», а попросту говоря – похитили – одиннадцать дней назад.

– Справедливо, – кивнул Ваня, снова ускорившись. Им предстояло преодолеть сквозь толпу еще половину состава.

Саша, тащившая за собой неудобный чемодан на колесиках, найденный в глубинных недрах Ваниного шкафа, только молча отбросила со лба влажную кудрявую прядь волос. Она прилично запыхалась и участвовать в разговоре не могла физически. Большая часть ее вещей тоже находилась в Питере, поскольку родной город она покинула тогда же и таким же путем, как и Нев, но Ваня нагрузил свой рюкзак и большую сумку немислимым количеством техники, поэтому помочь ей с немногочисленными вещами Войтеха не мог. По крайней мере, чемодан можно было везти по перрону, а не тащить в руках.

Кроме неудобного чемодана, ее волновал вопрос, как они попадут в вагон. Паспорта имелись только у Сидоровых, да из квартиры Войтеха Саша прихватила его. Паспорт Нева остался в Санкт-Петербурге, где был ее собственный – оставалось только гадать. За несколько дней до похищения она положила его в сумку, хотя обычно, как и Лиля, из документов предпочитала носить с собой только водительское удостоверение. Но она ждала посылку, для получения которой нужен был паспорт, а потому решила на время взять его. Куда похитители дели ее сумку, она не знала, но подозревала, что едва ли еще когда-нибудь увидит ее.

К нужной двери они подошли за пять минут до отправления. Конечно, в вагон первого класса не толпилась очередь опаздывающих, как в другие вагоны, поэтому Лиля и Ваня сразу сунули проводнику в форме свои паспорта, внутренне немного нервничая. Еще утром никто из них никуда не собирался, билеты они в глаза не видели и в первом классе никогда не ездили. Не то чтобы не могли себе этого позволить, просто в голову не приходило переплачивать.

Проводник взглянул на фамилии, но номера паспортов, как делается обычно, вбивать не стал, а сразу пригласил их войти. Нев и Саша только рты открыли, чтобы сказать, что у них паспортов нет, как проводник уже махнул рукой и им, предложив Саше помощь с чемоданом.

Все еще разгоряченные спешкой, они торопливо ввалились в вагон, но тут же удивленно замерли: тот был абсолютно пуст. Все девятнадцать мест первого класса. Только через несколько секунд Ваня заметил макушку Дворжака, торчащую из-за спинки одного из кресел. Он сидел почти в самой середине вагона, в одиночном кресле у окна. На пластиковом столике перед ним стояла чашка кофе.

Поставив на пол тяжелую сумку с ноутбуками и сняв с плеча рюкзак, Ваня пошел по широкому проходу, на ходу интересуясь:

– А что, больше никто не поехал первым классом?

Войтех обернулся, убедился, что все его друзья в вагоне, и улыбнулся.

– Те, кто собирались поехать здесь, поедут на поезде, который отправится через десять минут. С извинениями от РЖД и полным возмещением стоимости купленного билета.

Ваня остановился, так и не добравшись до намеченного кресла, и удивленно уставился на Войтеха.

– Слушай, если мы будем так казенные бабки разбазаривать, нам их надолго не хватит.

– Я бы сказал, что меня оскорбляет твое предположение, если бы не знал наверняка, что тебе это доставит удовольствие, – хмыкнул тот. – Поэтому просто уточню: не я это придумал, не я это оплачиваю. Так что вы проходите, располагайтесь. А можем сразу пройти в переговорную, – он указал рукой вперед по ходу поезда на стеклянную перегородку, которая отделяла небольшое купе от остального вагона. Кофе кто-нибудь хочет? Еще предлагали вино и пиво, но вы знаете мое отношение к местному пиву.

Ваня презрительно фыркнул на это заявление и сразу же направился в сторону переговорной. Остальные потянулись за ним. Вагон первого класса был оборудован для удобства и уединения пассажиров, кресла здесь располагались таким образом, что собраться группой в пять человек оказалось сложно. Зато четыре кресла и диван вокруг столика в переговорной позволяли обсудить предстоящее дело с не меньшим комфортом, но всем вместе.

Саша заняла место у окна, Ваня пристроился рядом, Нев и Лиля сели напротив них, оставив Войтеху диван. Теперь, когда суматоха быстрых сборов и поездка на вокзал наперегонки с красными светофорами и московскими пробками остались позади, они смогли наконец расслабиться

и удивиться еще сильнее. Все же ни разу за три года их расследования не начинались с таких... условий.

Телефонный звонок практически похищенного из кафе Войтеха заставил их напрячься. Они ожидали чего угодно: от требований вернуть все украденные деньги ЗАО до указания места, где по частям смогут собрать как пазл своего любимого чеха, но никак не известия о новом расследовании.

Когда стюард принес всем по чашке кофе – от вина и пива все же пришлось отказаться, – поезд уже тронулся, и за окном замелькали опоры мостов, унылый забор, которым были отгорожены железнодорожные пути, станции пригородного сообщения, какие-то низкие постройки неизвестного никому назначения. Ваня наконец не выдержал:

– Давай, рассказывай все поскорее, – велел он Войтеху. – Потому что я, конечно, наказал Костику поливать в моей квартире цветы, но нутром чую, что он такой же бестолковый, как и ты, погубит все мои фиалки.

Лиля фыркнула, прекрасно зная, что никаких фиалок у Вани дома никогда не было, а Долгов остался в его квартире, потому что никто из них не был уверен в безопасности друг друга, но тоже добавила:

– В первую очередь меня интересует, что это за таинственный заказчик, оплативший нам весь вагон первого класса.

– Это один из тех вопросов, на которые я не могу дать ответ, – спокойно сообщил Войтех и, заметив напряжение на их лицах, пояснил: – Я сам пока не знаю. Но дочь этого человека зовут Катерина Ляшина, она художник, живет в Санкт-Петербурге, и ее якобы преследует сверхъестественная сущность. Нас настоятельно попросили выяснить, что за сущность и как от нее избавиться. Как вы понимаете, – он обвел выразительным взглядом переговорную в вагоне первого класса, – я не смог отказать человеку с двумя Гелендвагенами охраны.

– Ну, положим, зная имя дочурки, всю подноготную о папеньке я вам еще до приезда в Питер выясню, – махнул рукой Ваня, откинувшись на спинку удобного кресла.

– Никто в тебе не сомневается, – выразительно посмотрела на него сестра. – Только ты бы поосторожнее сейчас, и так вляпались по самую макушку.

– Во что вы нас опять втянули, Войтех? – Нев улыбнулся настороженно, но дружески.

– Этот человек все знал про ЗАО, – Войтех пожал плечами. – Так что, к сожалению, мы все еще расхлебываем последствия моей ошибки трехлетней давности. Но он сказал, что если мы поможем его дочери,

вопрос с ЗАО для нас будет закрыт навсегда.

– А если нет? – поинтересовался Ваня.

Выразительный взгляд Войтеха стал лучшим ответом. Все и так поняли, что с ними будет, если они не помогут неизвестной пока девушке. В переговорной повисла напряженная тишина, которую снова прервал Войтех.

– Зато мы можем ни в чем себя не ограничивать, – нарочито бодрым тоном сказал он. – Где предпочитаете поселиться? Хилтон? Four Seasons? Что из этого есть в Питере? Я не очень в курсе.

– В Питере надо селиться в «Астории», неуч, – таким же искусственно веселым тоном поддел Ваня. – Если опять придется сбегать через окно, там ковры длинные.

– Лично у меня в этом городе есть квартира, – напомнила Саша. – Там я и предпочту остановиться. И у меня в гостиной есть диван, если кому-то нужно. – Последнюю фразу она постаралась произнести равнодушно, ни на кого не глядя.

– У меня, как ни странно, в Питере тоже есть квартира, – присоединился к ней Нев и посмотрел на Лилю.

– И я как-то уже привыкла в ней останавливаться, когда бываю там, – та улыбнулась ему, испытывая непривычное облегчение от того, что у нее больше не осталось от этих людей никаких тайн.

Ваня скрипнул зубами, смерив сестру недовольным взглядом, потом перевел его на Нева.

– Что, в вашей гостиной тоже есть диван? – язвительно поинтересовался он.

– В моей спальне есть широкая кровать, – с ледяным спокойствием парировал тот.

То ли Ваня вспомнил утренние угрозы Нева, то ли ему просто надоела эта тема, но он предпочел ничего не отвечать, вместо этого снова повернувшись к Войтеху.

– Ты на Сашкин диван претендуешь или я могу его занять, если в «Астории» мест не найдется?

На Сашином лице не дрогнул ни один мускул, и едва ли кто-то в переговорной догадывался о том, каких усилий ей это стоило. Тем не менее она спокойно посмотрела на Войтеху, ожидая его ответа.

– Я думаю о том, чтобы снять квартиру поближе к дому, где живет эта Катерина, – ровно и безэмоционально сообщил Войтех, не глядя на Сашу. – В идеале – в том же доме, но можно и в соседнем. Я уже попросил заняться поисками, – он неопределенно кивнул в сторону пустого вагона. – Так

будет удобнее всем, я полагаю. И я бы предпочел, чтобы ты жил со мной, квартира будет двухкомнатной. Скорее всего, нам придется установить видеонаблюдение, ты будешь мне нужен.

Ваня перевел взгляд на Сашу.

– Извини, Айболит, но я не могу отказать Дворжаку, когда он так просит.

Та лишь молча пожала плечами, делая вид, что ей все равно. Впрочем, видеть на своем диване Ваню она действительно не жаждала и предлагала квартиру не ему.

– Ты не можешь отказать только младшему Дворжаку, я полагаю? – не удержалась вместо нее Лиля. Ваня полоснул ее взглядом, но она только усмехнулась. – Катерина нас ждет? Она готова к сотрудничеству? Какая информация об этом существе уже есть? И вообще, какой у нас план?

– Пока неизвестно, существо это или сущность, – педантично уточнил Войтех. – И Катерина о нашем расследовании ничего не знает. Она даже с собственным отцом об этом говорить не хочет. Поэтому работаем опять под прикрытием. Только не изображаем из себя большую дружную семью, – он криво улыбнулся, вспоминая их расследование в Нижегородской области год назад.

– А кого же мы будем изображать? – нахмурился Нев. – Кому девушка расскажет о сверхъестественных событиях в ее жизни?

– Я надеюсь, что нам поможет «синдром попутчика», – предположил Войтех. – Познакомлюсь с ней, постараюсь вызвать на откровенность. Случайным компаньонам в баре порой рассказывают куда больше, чем родителям.

– А ты ей еще про НЛО расскажи, это сразу к тебе расположит, – посоветовал Ваня.

– А остальным что делать? – поинтересовалась Саша. – Пока ты будешь с ней знакомиться.

– Наверное, стоит узнать о ней подробнее, – предложила Лиля. – Чем увлекается, с кем общается. Войтех прав, родителям не рассказывают много, и не только о неведомых сущностях. Я могу взять это на себя.

– Для начала надо будет изучить ее образ жизни, чтобы понять, где и как мы сможем познакомиться. Я постараюсь попасть к ней в квартиру и... – Войтех неопределенно махнул рукой в тонкой матерчатой перчатке, – что-нибудь почувствовать. Как я уже говорил, попытаемся установить за ней видеонаблюдение, но для этого мне нужно будет увести ее из квартиры, чтобы она внезапно не вернулась и не застала нас за этим делом. А потом уже будем думать, что делать дальше.

– Вот и отлично! Тогда у нас есть еще, – Ваня посмотрел на часы, – больше трех часов дороги. Я успею и инфу о папеньке нарыть, и вздремнуть. Я немного переволновался. – Он поднялся, чтобы выйти из переговорной, но остановился у двери, оглянулся на Войтеха и добавил: – Не за тебя, конечно.

– Едва ли тебя в этом кто-то мог подозревать, – усмехнулась Саша.

– Кстати, а пожрать в первом классе дают ту же дрянь, что и для холопов?

– Обещали комплексный обед, – Войтех сдержанно улыбнулся. – Думаю, скоро должны подать. Но что там, я не знаю. Никогда не ездил первым классом.

Ваня потянулся, придирчиво оглядываясь по сторонам, и улыбнулся.

– А что? Мне нравится. Если еще покормят нормально, предлагаю так и ездить. Денег у ЗАО было много, сейчас художницу спасем, папенька ее нас прикроет. Заживем, наконец!

– Или можно завести собственный поезд, – улыбнулся Нев. – Раз уж мы теперь крутые.

– Лучше сразу самолет, – фыркнула Лиля. – На поезде ездить дольше. И не везде есть рельсы.

– Не хочу тебя расстраивать, сестренка, но аэродромы тоже есть не везде, – заметил Ваня.

– Я подумываю о мобильной лаборатории, как у... – Войтех вовремя прикусил язык, поймав взгляд Нева. – Кхм, я в кино такую видел.

– М-да, тратить деньги – не зарабатывать, – Ваня снова потянулся и открыл дверь переговорной. – Ладно, развлекайтесь, у меня дела. Кстати, в мобильной лаборатории обязана быть койка, спроектируйте ее там.

– И кофемашина, – добавила Лиля, с грустью глядя в давно опустевшую чашку.

– И шкафчик для хранения шоколадок, – продолжил список Войтех.

– Лучше сразу большой холодильник! – крикнул из вагона Ваня.

– Я требую хороший медицинский шкаф! – рассмеялась Саша. – А лучше целый отсек. Кстати, туда же можно поместить койку и шкафчик с шоколадками.

– Я, пожалуй, начну записывать, – улыбнулась Лиля. – А то забудем потом половину.

– Думаю, нам нужен еще кофе, – Войтех пересел на место Вани рядом с Сашей и нажал кнопку вызова стюарда. – Проектирование мобильной лаборатории – дело ответственное. Лиля, ты записываешь?

Под насмешливым взглядом Войтеха Лиля достала смартфон и

открыла приложение для заметок.

Глава 2

29 апреля 2015 года, 16.28

г. Санкт-Петербург

В родном городе Саша первым делом заехала к родителям, чтобы взять запасные ключи от своей квартиры. Ее связка осталась в сумке, которая исчезла в момент похищения. Саша подозревала, что сумку вместе с ней доставили в лабораторию, где она и закончила жизнь в момент взрыва. Вместе с ключами от квартиры, машины и всеми документами.

Саша предпочла бы взять ключи у Максима. Он жил ближе, и от него у нее всегда было меньше тайн, чем от родителей, но он не брал трубку. Ей повезло хотя бы в том, что мама была дома одна.

– Настя купила новую мебель, поэтому отец вместе с Максимом и его отцом уже второй вечер там. Собирают, – пояснила по телефону мама немного раздраженно, из чего Саша сделала вывод, что она недовольна таким положением вещей.

Муж Насти, младшей сестры Макса, был человеком совершенно непригодным к хозяйству, поэтому она даже не удивилась.

– А где твои ключи? – спросила мама, когда Саша вошла в прихожую.

– Потеряла.

– Потеряла? В девятом часу вечера?

Саша поняла, что быстро забрать ключи и уйти не получится.

– Я не знаю, когда их потеряла, просто я только что из Москвы.

Мама несколько секунд разглядывала ее внимательным взглядом, а затем захлопнула дверь и потянула ее к шкафу, где хранилась верхняя одежда.

– Ну-ка, раздевайся и рассказывай. У тебя новый номер телефона, новая куртка, и ты потеряла ключи. Саша, что происходит?

– Да ничего не происходит, – как можно легкомысленней отмахнулась та. – Я потеряла телефон вместе с ключами. А куртку давно купила, просто ты ее не видела.

На самом деле куртку она действительно купила всего лишь на прошлой неделе. Из лаборатории Саша, как и Нев, сбежала в одной только больничной пижаме, поэтому им пришлось заняться шопингом еще до возвращения в Москву. Но говорить об этом маме, она, конечно же, не собиралась.

Вера Николаевна, видимо, поняла, что правды от дочери не добьется, поэтому только тяжело вздохнула и вытащила из ящика маленькой тумбочки связку ключей.

– Может, хоть еды возьмешь? – предложила она. – Если ты только из Москвы, едва ли у тебя дома что-то есть.

От еды Саша отказываться не стала. Все, что могло быть дома, за полторы недели наверняка пришло в негодность, а заезжать в магазин у нее не было ни сил, ни желания. Пришлось все же раздеться и пройти на кухню, чтобы помочь маме упаковать ужин в контейнеры.

– Когда ты окончательно переезжаешь в эту свою Москву? – поинтересовалась Вера Николаевна, вытаскивая из холодильника многочисленные кастрюльки и миски и выставляя их на стол.

Саша преувеличенно внимательно перекладывала все это в контейнеры, поэтому равнодушно пожала плечами.

– Я больше не переезжаю в Москву.

Она приняла это решение импульсивно час назад, выйдя из Сапсана на перрон Московского вокзала, и за этот час поняла, что оно единственно правильное. Как бы ни сложились дальше их отношения с Войтехом, найдет он слова и время поговорить с ней или же предпочтет молча уйти от разговора, Саша в Москву не переедет. Она родилась в Петербурге, здесь вся ее жизнь, и она отсюда не уедет. Как и не начнет этот разговор первой. Хватит. За три года она сделала сто первых шагов, давно перешла середину на их пути друг к другу, пора и ему хоть как-то проявить себя.

В глубине души она понимала, что несправедлива к нему. Он первым поцеловал ее два года назад, когда она еще даже не осознавала своих чувств к нему. И тот вечер не продолжился лишь потому, что она сама остановила его. Он молча принял ее решение не ездить больше на расследования, но бросил все дела и примчался к ней, когда ей потребовалась помощь. Терпеливо оберегал ее, не спал ночами, пока ей грозила опасность. Был ей другом, пока она разбиралась в себе и со своим браком. Миллион раз признавался ей в любви не словами, а действиями. Сдерживал ее импульсивные порывы не потому, что не хотел отношений с ней, а потому что знал, что порой ее эмоции бегут впереди мыслей, и о своих необдуманных поступках она пожалеет.

Саша все это понимала и всегда была благодарна ему за это. Но почему-то именно сейчас так хотелось, чтобы он пришел к ней первым с уже готовым решением их проблемы, и у нее не осталось бы выбора, кроме как согласиться с ним. Возможно, в ней говорила обида за его ложь, возможно, усталость от всего произошедшего. Так хотелось знать, что она

все еще нужна ему и он не готов так просто смириться с ее потерей.

Мама снова смотрела на нее некоторое время, прежде чем задать следующий вопрос. Саша чувствовала на себе ее взгляд, но продолжала упорно заниматься едой.

– Ты поругалась с Войтехом?

– Что-то типа того.

Вера Николаевна внезапно с силой захлопнула дверцу холодильника, подошла к дочери, развернула ее к себе и включила дополнительное освещение над столом. Саша не сразу поняла, что она ищет на ее лице.

– Он тебя ударил?

– Мама! – Она оттолкнула руки матери от себя и сделала шаг назад. – Ты что говоришь?

– А что я могла подумать? Телефон, ключи. Выглядит так, как будто ты сбежала впопыхах.

– Господи, да что угодно ты могла подумать! Что у меня украли сумку, что я напилась и потеряла ее, что меня похитили и я сбежала от похитителя, бросив вещи, в конце концов!

Вера Николаевна снисходительно улыбнулась, давая понять, что она думает о подобных версиях.

– Знаешь, как часто я вижу таких женщин на приеме? Внешне благополучных, обеспеченных, способных заплатить за лечение в частной клинике, но стоит приглядеться получше...

– Что ж ты про Максима никогда такого не думала?

– Максима я знаю двадцать лет, а твоего Войтеха видела два раза в жизни.

Саша закрыла лицо ладонями, радуясь лишь тому, что синяк от укола на шее окончательно сошел еще позавчера, иначе она бы не смогла убедить маму в том, что это все лишь ее фантазии. Она опустила руки и постаралась улыбнуться.

– Ничего такого не было, – заверила она. – Ключи и телефон я действительно потеряла, а с Войтехом у нас просто возникли некоторые разногласия, только и всего. И я поняла, насколько сильно люблю Питер, и не хочу уезжать отсюда.

Мама если и не поверила, то как минимум согласилась с таким объяснением. Они быстро расправились с едой, уложили все в объемный пакет, и Саша принялась одеваться. Лишь у самой двери Вера Николаевна снова вернулась к этой теме.

– Я недавно разговаривала с мамой Максима, она говорит, что у него пока никого серьезного нет.

– Было бы странно, если бы он собрался жениться всего через несколько месяцев после нашего развода, – хмыкнула Саша, завязывая шнурки на ботинках.

– Ну, тебе это не помешало собраться переехать к другому мужчине в Москву. Спасибо, что не сразу в Прагу.

Саша пропустила колкость мимо ушей, поэтому Вера Николаевна продолжила:

– Ты бы помирилась с ним. Максим, конечно, мальчик обидчивый, и ему есть за что обижаться, скажем прямо, но он тебя так давно любит. Возможно, простит.

Саша наконец расправилась со шнурками, взяла с пола пакет с едой и выпрямилась, посмотрев на маму.

– Мы развелись по двум причинам: потому что я не могла родить ему детей и потому что другого любила больше. С тех пор ни одна из этих причин не потеряла актуальность. Ты считаешь, возвращаться на тех же условиях, на которых уходила, не лицемерие?

Вера Николаевна ничего не ответила. Все это было вчера, а сегодня Саше с самого утра пришлось заняться другими важными делами: утерянными документами и работой, которую она прогуливала уже полторы недели без внятной причины. Если она не собирается уезжать из Питера, хорошую работу терять не следовало.

Пока остальные изучали образ жизни Катерины Ляшиной и пытались придумать, где и как с ней познакомиться, Саша навестила бывшую однокурсницу и свою хорошую подругу, которая выписала ей липовый больничный задним числом на две недели, заплатила пошлину за новый паспорт и отогнала машину на платную стоянку. Запасной ключ от Ауди нашелся дома, но права и свидетельство о регистрации остались в той же многострадальной сумке. Наверное, Саша даже рискнула бы поехать несколько дней без прав, но если вдруг Ауди угонят, без документов она даже страховку не получит.

Все это отнимало время и нервы, зато позволяло отодвинуть чувства и эмоции на задний план. Как тогда, в вертолете...

Другие могли позволить себе заниматься только расследованием, а ей нужно было восстанавливать с нуля свою жизнь. По крайней мере, для начала хотя бы документально.

Саша как раз стояла в очереди, чтобы подать заявление об утере старого паспорта и выдаче нового, когда позвонил Ваня.

– Айболит, ну ты где ходишь? Наш экстрасенс сейчас уходит художницу соблазнять, самое интересное пропустишь.

Саша посмотрела на очередь, которая двигалась удушающе медленно, на бумажки в руках. Наверное, не случится ничего страшного, если она займется этим чуть позже?

– Сейчас буду, – пообещала она.

– И купи еды какой-нибудь. У нас, кроме корицы, и пожрать нечего. Дворжак задолбал уже своей корицей, скоро из ушей полезет. Откуда он ее только на съемной квартире взял, ума не приложу!

29 апреля 2015 года, 17.35

паб «КвакИнн»

Большой проспект В.О.

В бельгийской пивной на Большом проспекте в среду, несмотря на еще довольно ранний вечер, оказался аншлаг. На больших телевизорах, развешанных на стенах, шла прямая трансляция игры российской сборной по хоккею, и все столики были заняты болельщиками. Даже у длинной барной стойки свободное место оказалось только одно: его Катя заняла для приятеля, с которым договорилась тут встретиться.

Войтех точно знал, что ее приятель не придет. Иван взломал несколько аккаунтов Кати в соцсетях, и из ее личной переписки они узнали об этой встрече. Лиле было поручено нейтрализовать приятеля, и Войтех ни на секунду не сомневался, что у нее это получится: редкий мужчина мог устоять перед красавицей-блондинкой, попавшей в беду. Даже если у него назначена другая встреча.

Подходить к Кате он не торопился. Молодые люди договорились встретиться в пять вечера, Катя, как истинная женщина, опоздала на двадцать минут. И заметно удивилась, не обнаружив приятеля на месте: видимо, обычно он приходил вовремя. Свободных столиков на тот момент уже не осталось, но места за стойкой еще были. Кате пришлось сесть с неудобного торца, только там она смогла занять два места, но бармен туда доходил редко и неохотно.

После того, как Катя устроилась, Войтех выждал еще пятнадцать минут, чтобы его будущая новая знакомая успела немного подождать, устать от шума, обидеться на приятеля и выпить половину первого бокала пива. А заодно чтобы место осталось только возле нее. Конечно, существовала опасность, что кто-то другой успеет подойти к ней первым и убедит отдать занятое место ему, но Войтех решил довериться интуиции и начал действовать тогда, когда она настойчиво этого потребовала.

– У вас не занято? – с обезоруживающей улыбкой поинтересовался он,

хотя сумка Кати красноречиво лежала на соседнем высоком стуле.

– Вообще-то я жду человека, – уже не очень уверенно ответила она, бросив быстрый взгляд на часы.

– Я обещаю освободить место, как только он придет, – заверил Войтех, продолжая улыбаться. – Я не собираюсь смотреть матч, хочу только выпить кружку пива.

Это был один из тех случаев, когда он и не пытался скрывать свой акцент, даже нарочно его усугублял, чтобы Катя уловила его в окружающем шуме. Он хорошо знал, когда его иностранное происхождение отталкивало людей, а когда наоборот привлекало к нему внимание и интерес.

Катя скользнула по нему оценивающим взглядом и в конце концов решила, что его компания не будет ее раздражать. Выпить в обществе симпатичного молодого брюнета с милым акцентом было всяко лучше, чем находиться в компании хоккейных болельщиков в одиночестве. Она забрала со стула маленький клатч и переложила его на стойку рядом с собой.

Войтех поблагодарил ее и сел рядом. Ему повезло достаточно быстро привлечь к себе внимание бармена и заказать заранее выбранный шотландский стаут. На Катю он старался не смотреть, точно зная, что она сама с любопытством косится на него: часто ли ей попадались мужчины, которые в конце апреля ходят в тонких матерчатых перчатках и не снимают их даже в пивной?

– Вам не жарко? – предсказуемо поинтересовалась она пару минут спустя, наклонившись к его уху, чтобы он услышал ее вопрос за гомоном болельщиков.

Войтех изобразил непонимание, и ей пришлось взглядом указать на его руки.

– А, это, – он покрутил левую кисть перед собой, словно видел ее впервые, и со вздохом признал: – Не очень удобно, конечно, но это вынужденная необходимость. – Заметив ее напряженный взгляд, он добавил: – Не беспокойтесь, никаких кожных заболеваний. Вот, – он стянул перчатку все с той же левой руки и продемонстрировал ей, – видите?

– А зачем тогда вы их носите? – немного смущенно поинтересовалась Катя. Войтех понял, что она действительно в первую очередь подумала о болезни.

– Если я вам скажу, вы испугаетесь и убежите, – Войтех снова улыбнулся ей, на этот раз тоже позволив себе скользнуть по ней взглядом, – а мне бы этого не хотелось.

Катя изменила позу: повернулась на высоком стуле немного в его

сторону. Войтех мысленно поздравил себя с тем, что ему удалось ее заинтересовать.

– Вы убийца, который боится оставлять где-либо отпечатки пальцев? – приподняв брови, поинтересовалась она.

Войтех рассмеялся. В этот момент на экране телевизоров, судя по всему, случился какой-то напряженный момент, потому что болельщики загалдели громче. Катя недовольно скривилась.

– У вас богатая фантазия, – заметил Войтех, когда галдеж сменился сначала стоном разочарования, а потом временной тишиной. Относительной. – Но я думаю, что вам ни за что не угадать, по какой причине я ношу эти перчатки.

– Умеете вы заинтриговать девушку, – одобрительно хмыкнула она. – Уж не для того ли вы их носите? Чтобы знакомиться в барах?

Войтех поморщился и посмотрел на нее с осуждением.

– Нет, эта версия так себе, мне больше нравилась предыдущая.

– А вы просто скажите, как на самом деле, – предложила она. – Обещаю не сбегать.

Войтех задумчиво посмотрел на левую ладонь, на которую так и не надел перчатку, и поэтому старался ничего не касаться. Поймать внезапное видение, которое может вызвать головную боль, а то и вовсе отправить его в нокаут и испортить вечер, ему не хотелось. Выдержав небольшую паузу, он признался:

– Я экстрасенс. Через прикосновение считываю информацию о людях и предметах. Поскольку очень тяжело постоянно проваливаться в видения, я ношу перчатки. Это создает барьер.

Он покосился на нее и заметил, что она скептически хмурится.

– Серьезно? – немного разочарованно протянула Катя. – И что, девушки ведутся на такое?

– Не верите мне? – ему удалось очень убедительно изобразить смесь удивления и возмущения. Он протянул ладонь Кате и предложил: – Коснитесь меня. Просто ладонью. Давайте, я вам покажу, как это работает.

Она пару мгновений смотрела на него с сомнением, но потом все же осторожно приложила раскрытую ладонь к его.

Изображать видение не пришлось. Ворох невнятных образов навалился как по заказу, заставив Войтеха резко втянуть ноздрями воздух и слегка вздрогнуть, закрывая глаза.

Катя тут же испуганно отдернула руку, глядя на него все с тем же недоверием, к которому теперь примешалась еще и опаска.

– Вы пишете, – уверенно заявил Войтех, с деловым видом натягивая

перчатку обратно. – Картины, не тексты. Возможно, в качестве хобби, но при этом относитесь к нему серьезно. Не на компьютере и не на салфетках, на холсте. В вашей квартире – или доме, тут трудно определить, – высокие потолки. А еще у вас есть голая кошка.

Теперь на ее лице читался испуг, но за ним проглядывался и интерес. Войтех решил закрепить успех, добавив:

– И еще: ваш приятель не придет сегодня. Поэтому как вы смотрите на то, чтобы пойти в место потише?

Катя медленно кивнула, замороженно глядя на него. Войтех дал знак бармену рассчитать их, заодно попросив включить пиво девушки в его счет. Та спокойно позволила ему заплатить за себя.

*29 апреля 2015 года, 17.56
пер. Каховского*

– Во дает! – Ваня стащил с головы наушники, откинулся на спинку кресла и восхищенно присвистнул. – А нам через сколько дней рассказал, что экстрасенс?

Саша промолчала, зато ответил Нев:

– У Войтеха всегда была хорошая интуиция, а сейчас она еще и обострилась до крайности. Видимо, он знал, что девушка ему поверит и заинтересуется.

– Еще бы! Девушки ему вечно верят и интересуются, да так, что потом никак не разинтересуются, что бы он ни натворил, – Ваня покосился на Сашу, но та сделала вид, что не поняла укола в свой адрес.

Она тоже сняла наушники, через которые слушала разговор Войтеха с Катериной, и поднялась из-за стола.

– Пойду сварю кофе, пока они идут. Вам варить?

– Если вам несложно, – вежливо улыбнулся Нев.

– И мне тоже, – кивнул Ваня.

– Тебе, конечно, без корицы?

– Чего это?

Саша хмыкнула, ничего не ответив, и отправилась на кухню.

Войтеху удалось снять небольшую двухкомнатную квартиру в соседнем с Катериной доме, где они устроили что-то вроде оперативного штаба. Отдельную спальню занял Ваня, а проходная гостиная досталась Войтеху, и в ней же они устроили штаб. На большом письменном столе, потертом от времени, стояли три ноутбука, которые Ваня притащил с собой.

Отправляя Войтеху на знакомство с художницей, он снабдил его не только микрофоном, чтобы слышать разговор, но и небольшой камерой, встроенной в пуговицу вязанного жакета. Этими шпионскими штучками их снабдил щедрый заказчик, а они решили не упускать шанс ими воспользоваться. Для этого Войтеху даже пришлось изменить своей привычке носить водолазки, в которых пуговицы не предусматривались. Правда, камера имела небольшой угол съемки, поэтому в баре они видели в основном грудь девушки, поскольку Войтех сидел очень близко к ней, а затем, когда они вышли на улицу, изображение и вовсе пропало: Войтех надел куртку.

Пользуясь паузой, пока «новые знакомые» перемещались в «место потише», Саша быстро сварила кофе, сделала с десяток бутербродов с колбасой и сыром, которые купила по дороге, поставила чашки и тарелки на поднос и вернулась в комнату, где Нев и Ваня продолжали следить за событиями.

– Ну что тут? – поинтересовалась Саша, поставив поднос на стол рядом с центральным ноутбуком, экран которого по-прежнему оставался темным.

– Пока ничего, идут, – Ваня тут же ухватил самую большую кружку, одуряюще пахнущую кофе и корицей, и сделал большой глоток. – Уф, горячо!

Саша посмотрела на него, внезапно нахмурилась и наклонилась чуть ближе.

– Что это у тебя?

– Где? – Ваня поставил кружку обратно на стол и испуганно покосился на нее.

– Вот, – она оттянула его ухо в сторону, заглядывая в слуховой канал. – Черное что-то... А, пардон, это корица лезет.

Ваня замер на мгновение, осознавая смысл ее слов, а затем легонько шлепнул по руке, которой она продолжала держать его ухо.

– Да иди ты!

Саша плюхнулась в свое кресло, едва сдерживая смех. Приглушенное хрюканье со стороны Нева дало ей понять, что он занимается тем же. Ваня тоже это услышал, покосился на старшего товарища, обиженно надулся и вернул наушники на голову.

– Ладно, не злись, – Саша ткнула его в плечо. – Расскажи лучше, что ты узнал про отца нашей девушки. Ведь наверняка узнал?

Ваня еще несколько секунд смотрел в темный монитор, а потом снова стащил наушники и откинулся на спинку кресла.

– Конечно, узнал. Папенька Ляшин у нас бывший фээсбэшник, а ныне депутат Государственной Думы. Крутой чувак, я тебе скажу, не зря мы сюда первым классом ехали. Такой реально может как избавить нас от проблем с ЗАО, так и добавить новых. Дочурка Катенька единственная, любимая, поэтому так за нее трясется. Мы с Невом сами с утра немного походили за ней, чтобы Витек на всякий случай раньше времени мордой не засветился. Девочка действительно ведет уединенный образ жизни, с друзьями почти не общается. Вон, – Ваня кивнул на все еще темный экран ноутбука, – одно свидание кое-как нашли, повезло. Могли бы неделю прождать.

– А с ее друзьями вы не разговаривали? – поинтересовалась Саша, аккуратно отхлебывая кофе из чашки. – Может, она просто поссорилась с кем-то?

– Мы что, похожи на придурков? – Ваня возмущенно посмотрел на нее. – А если кто-то из них сдаст нас ей? Мол, чуваки какие-то странные тобой интересовались. А она к папе прибежит. Ляшин нас живьем в землю закопает за провал операции. Не, будем верить ему на слово. Тем более, думаю, он послал следить за ней профессионалов получше нас, не доверять собранной ими инфе нет смысла.

– Они пришли, – внезапно перебил его молчавший до сих пор Нев.

Ваня и Саша тут же прекратили болтать, надели наушники и повернулись к монитору, с которого сошла чернота, уступив место интерьеру небольшой уютной кафешки. Войтех как раз помогал новой знакомой снять пальто. На этот раз они сели друг напротив друга через стол, поэтому девушку стало хорошо видно. Катя оказалась довольно милостивой, с длинными темными волосами и очаровательными ямочками на щеках, которые появлялись каждый раз, когда ее губы растягивались в улыбке. То есть почти постоянно. Саша ощутила острый укол ревности. Она еще накануне видела фотографию Катерины, но на ней ее ямочки не предназначались Войтеху.

29 апреля 2015 года, 19.24

пр. Кима

Они переместились в кафе на 9-ой линии, где не шло никаких трансляций, а потому действительно оказалось тише. Там они наконец представились друг другу. Катя с интересом и все еще осязаемым скепсисом расспрашивала Войтеху о его даре, а заодно и о нем самом. Тот отвечал в целом правдиво, не забывая постоянно переводить разговор на тему самой Кати и ее творчества. Чем вскоре заслужил приглашение на

поздний кофе и демонстрацию картин. Отказываться он, конечно, не стал.

В квартиру Кати он входил, внимательно прислушиваясь к своим ощущениям, но ничего особенного не почувствовал, кроме некоторого диссонанса между довольно унылым и потрепанным подъездом – то есть, парадной, мысленно поправил себя Войтех, – и шикарной внутренней отделкой квартиры. В ней не так чувствовалось, что дому уже много лет.

Кухня-гостиная, куда привела его Катя, была светлой, просторной, с минимумом мебели, зато очень дорогой техникой. На большом кожаном диване белого цвета спала лысая кошка и даже не проснулась, когда они вошли.

– Это Анхе, не обращай на нее внимания, она ленивая и глуповатая, – махнула рукой Катя, сразу направляясь к кухонному уголку.

Войтех с некоторой осторожностью посмотрел на странное создание, но приближаться к нему не рискнул.

– Интересное имя.

– По паспорту она Анхесенамон, в честь жены Тутанхамона, – пояснила Катя. – Но ни один нормальный человек, если он не древний египтянин, этого не выговорит, поэтому я зову ее просто Анхе. Правда, – девушка обернулась к нему и улыбнулась, – она все равно не отзывается. Друзья подарили на позапрошлый день рождения, даже не спросив меня.

Войтех понимающе кивнул, наконец перестал разглядывать кошку и подошел чуть ближе к кухонному уголку.

– Какой ты будешь кофе? – поинтересовалась Катя, включая навороченную кофемашину, которая тут же приветливо засветилась сенсорным дисплеем.

– Американо с молоком, – отозвался он, оглядываясь по сторонам и замечая лестницу, ведущую наверх. – А мастерская у тебя на следующем этаже?

– Да, – кивнула Катя, подставляя кофемашине чашку и нажимая на картинки на экране. – До меня в этой квартире жил фотограф, у него там была студия.

Когда кофе сварился, Катя подошла к Войтеху довольно близко – провокационно близко – и подала чашку. На лице ее при этом вновь было написано недоверие, но оно больше не касалось его способностей, как он выяснил буквально пару мгновений спустя.

– Неужели напросившись вечером к девушке выпить кофе и посмотреть картины, ты действительно интересуешься именно кофе и картинами? – спросила она, глядя ему в глаза.

Войтех пригубил кофе, не делая попытки отодвинуться от нее, но и не

предпринимая никаких действий по сближению. Его интересовала только ее квартира, но на первом этаже, в жилой части, он ничего не почувствовал, поэтому теперь стремился попасть в мастерскую. Однако он понимал, что такой интерес ее напугает, поэтому продолжал поддерживать флирт.

– А что мне остается? – он выразительно изогнул бровь. – Ты ведь явно не из тех девушек, что целуются на первом свидании. А у нас даже не свидание, а так... случайное знакомство. Так что сегодня я планирую только впервые увидеть, как выглядит мастерская настоящего художника, а все остальное... – он вздохнул, – оставлю на потом.

Судя по выражению ее лица, Катя была приятно удивлена таким ответом, как и его поведением. Войтех знал, что умеет нравиться женщинам, особенно когда хочет этого, и сейчас бессовестно этим пользовался.

– Что ж, пойдем покажу.

Она повернулась, как бы невзначай задев его плечом, и направилась к лестнице. Войтех последовал за ней.

*29 апреля 2015 года, 19.36
пер. Каховского*

Когда грудь Кати отодвинулась от экрана и показалась ее спина, Саша шумно выдохнула, только сейчас осознав, что во время их последнего разговора не дышала. В глубине души она была почти уверена, что сейчас эта грудь придвинется еще ближе, и останется только догадываться, что происходит выше, однако теперь ей стало стыдно за свои мысли и за сомнения в Войтехе. Во-первых, он на задании, во-вторых, прекрасно знает, что они все видят и слышат. Поставить камеру и микрофон было его идеей. Он хотел, чтобы они смотрели за всем со стороны на тот случай, если сам упустит что-то важное.

В этот момент в их собственной квартире хлопнула входная дверь, и на пороге комнаты показалась запыхавшаяся Лиля.

– Ну что тут у вас? – поинтересовалась она, на ходу скидывая ботинки и проходя в комнату.

– Ты на самое интересное успела, – махнул ей рукой брат. – Дворжак уже дома у художницы, идет процесс соблазнения.

Лиля удивленно приподняла брови и шагнула ближе, чтобы заглянуть в экран, но тот вдруг моргнул и погас. В наушниках у всех троих раздался треск, заставивший их поморщиться, а потом наступила тишина.

– Что за черт? – непонимающе пробормотал Ваня, наклоняясь к

клавиатуре и щелкая клавишами.

Лиля застыла на месте, Нев, уже привставший, чтобы помочь ей раздеться, сел обратно.

– Что случилось? – спросила Саша.

– Трансляция пропала. – Ваня защелкал клавишами еще активнее, открывая на темном экране одному ему понятные окна.

– Ну вот, а я так надеялась тоже поиграть в шпиона, – разочарованно протянула Лиля.

– Вот, это все ты! – не отрываясь от работы, заключил Ваня, ткнув в ее сторону пальцем. – Пришла и все испортила.

Лиля только фыркнула и принялась разматывать шарф. Нев тут же встал, коснулся ее губ в приветственном поцелуе и принялся помогать ей раздеваться. Саша видела, как Ваня покосился на них и тихо скрипнул зубами. Она наклонилась к нему и очень тихо прошептала:

– Осторожнее, а то Нев может сделать так, что у тебя и из второго уха корица полезет.

– Айболит, ты бы не выеживалась, – так же тихо посоветовал Ваня. – Я же сейчас в лепешку расшибусь, но верну трансляцию, и кто знает, что мы там увидим? Вдруг твой ненаглядный экстрасенс сам ее выключил, и нашим очам предстанет все та же грудь, только уже без одежды?

Саша откинулась на спинку кресла и улыбнулась.

– Даже если бы это было так, поверь, камера лежала бы на полу, и мы бы ничего не увидели. Войтех не занимается сексом в одежде. Уж я-то знаю.

Ваня ничего не ответил, не глядя больше ни на нее, ни на сестру с Невом, а с головой уйдя в работу. Лиля успела раздеться и наброситься на бутерброды, пояснив, что кавалер тоже отвел ее в кафе, а одним пирожным сыт не будешь, Нев – заняться более основательным ужином, а Ваня все еще продолжал мучить компьютер, но трансляция так и не восстановилась. Что бы ни происходило дома у Катерины, Войтеху придется разбираться с этим одному.

29 апреля 2015 года, 19.59

пр. Кима

Еще поднимаясь по лестнице, Войтех почувствовал изменение. Неприятный, колющий холодок пробежал по его спине вдоль позвоночника, интуиция шептала на ухо невнятные предупреждения по мере того, как они приближались к полумраку верхнего этажа.

Катя щелкнула выключателем, и темное просторное помещение залил яркий свет. По площади мастерская была равна всей квартире внизу, но здесь не было ни перегородок, ни лишней мебели. Только подставки с законченными картинами, несколько мольбертов с начатыми. Некоторые готовые полотна висели на стенах, другие стояли просто на полу, прислоненные к стенам. Войтех обратил внимание на то, что три или четыре картины были повернуты лицом к стене, а одну из картин на мольберте закрывал кусок темной непроницаемой ткани.

– Вот так это и выглядит, – Катя обвела рукой помещение, проходя к его центру. – Вот тут я работаю последние дни, – она остановилась у одного из мольбертов и присела на стоявший перед ним табурет.

Войтех прошелся по помещению, скользя заинтересованным взглядом по доступным полотнам. Непроизвольно вздрогнул, поймав собственное отражение в большом зеркале. Он ничего не понимал в живописи, но картины не казались ему странными или депрессивными, как рассказывал Ляшин. И написаны они были яркими красками. В основном на них были изображены цветы, люди, приметил Войтех и парочку пейзажей. Та, возле которой сидела Катя, обещала в будущем стать картиной с изображением невесомой, как готовый вот-вот разлететься маленькими парашютами одуванчик, балериной в светлом платье.

Войтех приблизился к занавешенному тканью мольберту, делая вид, что рассматривает совсем другие работы. И только в последний момент, когда Катя уже не могла ему помешать, спросил:

– А что здесь?

И сдернул ткань с полотна.

Он слышал протестующий голос Кати, но слов не разобрал, утонув в гипнотическом сочетании линий и оттенков от темно-серого до черного. Это не было похоже на картину в том виде, в каком привык представлять Войтех, не было похоже и на остальные работы Кати. Здесь не было четких, внятных образов, но при взгляде на холст у него появилось ощущение, которое заставляло внутренности завязываться в тугий узел.

Войтех словно наяву почувствовал, как кожи лица коснулся холод. В воздухе стало меньше кислорода, а яркий свет ламп померк. Его заслонило черное ядро, находившееся в центре картины. Оно засасывало его, прогоняя все светлые мысли и чувства, оставляя только страхи. Главный ужас его жизни, запятанный глубоко в подсознании, но все еще живущий в почти стершихся воспоминаниях, снова заявил о себе.

Некуда бежать, негде спрятаться, никто не придет на помощь, и сделать ничего нельзя...

Как сквозь сон Войтех почувствовал, что чашка выскальзывает из его руки, но в этот момент наваждение отпустило его. Он крепко сжал пальцы. Кофе пролился на пол, но саму чашку Войтех удержал.

Наконец сумев сфокусировать взгляд, он обнаружил, что Катя снова закрыла картину, которая произвела на него такое впечатление, тканью.

– Не надо смотреть, она еще не закончена, – нервно потребовала она.

– Необычная картина, – хрипло заметил Войтех.

– Да, это... эксперимент, – пробормотала Катя.

Он то ли почувствовал, то ли просто прочитал на ее лице страх. Эта картина пугала ее саму не меньше, чем его. И в ней определенно было что-то... ненормальное.

– А у тебя есть еще что-то в этом стиле? – поинтересовался он. – Я бы купил.

Она непроизвольно бросила взгляд на повернутые лицом к стене картины. Всего лишь на мгновение, но Войтех заметил.

– Нет, я же говорю, это эксперимент, – быстро ответила Катя, поевшись.

Он не стал давить. Улыбнулся как ни в чем не бывало и констатировал:

– Жаль. Ладно, – залпом допил кофе и вернул ей чашку, – мне пора. Но, может быть, мы еще как-нибудь встретимся?

Катя не возражала. И даже дала ему свой номер телефона, который у него и так был, хотя Войтеху показалось, что она делает это на автомате, желая поскорее избавиться от внезапного свидетеля ее «эксперимента». Она проводила его до двери. И уже когда он переступил порог, внезапно окликнула его:

– Войтех...

Он с готовностью обернулся, но она замялась. Было видно, что она хочет что-то сказать или спросить, но не решается. В конце концов под его внимательным взглядом она сдалась и просто улыбнулась.

– Буду ждать твоего звонка.

*29 апреля 2015 года, 20.17
пер. Каховского*

По привычке поднимаясь к съемной квартире по лестнице, Войтех все еще ощущал послевкусие липкого ужаса, испытанного при взгляде на картину в мастерской Кати. Саму картину он воспроизвести в памяти не мог, каждая попытка завершалась тем, что он проваливался в воспоминания об аварии на МКС. Видимо, эти образы будут преследовать его до конца

жизни.

Он открыл дверь квартиры своим ключом, поэтому непроизвольно вздрогнул, увидев в темной прихожей Лилю. Она стояла в проеме между прихожей и маленьким коридором, ведущим в кухню, и задумчиво жевала кусочек огурца, вторая половинка которого оставалась у нее в руке. Заметив его удивление, она объяснила:

– Услышала ключ в замке. Не думала, что ты так быстро вернешься.

– Разве вы не видели, как я ушел? – нахмурился Войтех, вешая на крючок куртку.

– Нет, трансляция умерла примерно в тот момент, когда вы поднимались в мастерскую.

– Хм, интересно, – пробормотал он задумчиво. – А где все?

– Ваня все еще надеется вернуть тебя в эфир, Сашка курит, а Нев готовит ужин. Я предлагала приготовить на ужин звонок в службу доставки, но ему нравится процесс, – она поморщилась.

– Я думал, тебе он тоже нравится, – Войтех улыбнулся, заметив эту гримасу. – По крайней мере, первое время ты готовила для группы с удовольствием.

Лиля пожала плечами. Ей нравилось, что можно больше не носить эту маску.

– Пыталась произвести на тебя впечатление. Кто же знал, что ты предпочитаешь брюнеток?

– Наверное, оно и к лучшему, да? – он едва заметно кивнул на кухню. – Сейчас между нами было бы в сто раз больше неловкости, если бы тебе удалось произвести на меня впечатление.

– Да кто знает, как бы все повернулось? – она вздохнула. – Теперь это уже не имеет значения.

Войтех согласно кивнул и жестом предложил ей присоединиться к нему и Ване в большой комнате, где последний все еще сражался с ноутбуками за письменным столом, не то не услышав прихода Войтеха, не то желая разобраться, в чем все-таки было дело.

– Так когда точно прервалась трансляция? – спросил Войтех, не здороваясь.

Ваня был настолько раздосадован неспособностью вернуть умершую трансляцию к жизни, что не отпустил ни одной шутки в сторону вернувшегося чеха. Он лишь быстро взглянул на него, тяжело вздохнул и снова повернулся к мониторам.

– Вот.

Динамики одного из ноутбуков ожили, послышался измененный,

немного невнятный голос Кати: «Что ж, пойдем покажу». Черный экран сменился видом спины девушки, изображение немного затряслось, демонстрируя лестницу: Войтех как раз поднимался по ней. Затем на мгновение экран вспыхнул ярким светом и тут же погас. Треск в динамиках тоже затих.

– Больше мы ничего не видели.

В комнату с балкона как раз вернулась Саша, молча кивнула Войтеху, когда он на нее посмотрел, и остановилась так, чтобы видеть экран.

– Что ж, это соотносится с моими ощущениями в квартире. – Войтех опустился на диван и откинулся на его спинку. – На первом этаже я ничего не чувствовал, зато на втором появились довольно неприятные ощущения. Так что, скорее всего, отец девушки прав: что-то там есть. По крайней мере, может быть.

Привлеченный их голосами, в гостиной появился и Нев. Готовящийся ужин пока не требовал его внимания, поэтому он мог поучаствовать в общем обсуждении.

– А что именно вы почувствовали? – поинтересовался он, привалившись плечом к дверному косяку и вытирая руки прихваченным на кухне полотенцем.

– Сложно описать, – Войтех нахмурился. – Тревогу. И еще там была картина...

– Всего одна? – сдохмил Ваня. Слова Войтеха о том, что на втором этаже он что-то почувствовал, немного успокоили его: поломка аппаратуры имела сверхъестественную причину, а не являлась результатом плохой настройки. Вслух Ваня, конечно же, в этом ни за что не признался бы, но такая версия после трех лет исследований аномальных явлений уже не казалась ему неправдоподобной. – Я думал, она художник и у нее там все в картинах.

– Что за картина? – перебила брата Лиля. Она села в кресло, которое ближе всех стояло ко входу в комнату и, соответственно, к Неву, почему-то вспомнив короткий разговор с Войтехом в прихожей. В начале их работы она определенно села бы на диван рядом с ним. Лия не знала, что теперь будет с ее работой на Общество, у нее еще не было времени переговорить с куратором, но она определенно больше не сможет быть такой, как раньше.

– Нет, конечно, там было много картин, – Войтех бросил на Ваню раздраженный взгляд, – но одна выделялась. Я не очень разбираюсь в живописи, но все остальное написано, как мне кажется, в плюс-минус одном стиле. Яркие краски, порой странные образы. Непонятно, но красиво. И все эти картины или выставлены на подставки, или расставлены

по стенам. Но несколько штук стоят вместе и повернуты лицом к стене. А одна была еще на мольберте, но ее закрывала ткань. Я сдернул ее, но там оказалось нечто совсем другое. Словно это рисовал другой человек. Все оттенки серого, даже, скорее, черного. Я не знаю, что там было изображено, я просто не помню этого, потому что картина меня очень... напугала.

Саша, Нев и Лиля удивленно переглянулись. Даже Ваня выглядел озабоченным, хоть и пытался не дать насмешливой ухмылке сойти с лица.

– Напугала в каком смысле? – поинтересовалась Саша. – Ты в ней увидел что-то определенное, не запомнив оригинального изображения, или это было на уровне экстрасенсорных ощущений? Потому что, знаешь, существуют ведь специальные картины, где каждый видит что-то свое. На них, к примеру, построен тест Роршаха.

– Это который с чернильными пятнами? – уточнил Войтех.

– Да, с симметричными чернильными пятнами, обычно как раз черного или серого цвета с красными вкраплениями.

– Психодиагностический тест для исследования психики и ее нарушений, – вслух прочитал Ваня, успевший быстро найти в поисковике неизвестный ему термин, а затем многозначительно хмыкнул и посмотрел на Войтеха.

– Я, конечно, псих со стажем, – саркастически отозвался тот, – но это было другое. Я не мог сосредоточиться на изображении, постоянно уплывал в воспоминания. Меня захлестывали эмоции, но только негативные: тоска, горечь, безысходность, ужас. Если бы Катя не закрыла картину, я не знаю, куда бы они меня привели. Она сказала, что картина не закончена и это эксперимент, но мне показалось, что она сама ее боится. Вероятно, рисует уже не в первый раз и ставит лицом к стене.

– Значит, ее отец сказал правду, она действительно рисует странные картины, – задумчиво пробормотала Лиля. – Жаль, мы не смогли увидеть эту картину.

– И нет никаких гарантий, что камера не сломается снова, если Войта туда вернется, – добавила Саша. – Если там действительно что-то вроде... кхм... аномального воздействия, то техника опять выйдет из строя.

– Если только мы не защитим ее, – внезапно предложил Ваня, покачиваясь на кресле. Дождавшись, когда все посмотрят на него, он продолжил: – Например, для исследования Бермудского треугольника, где, как мы помним, техника часто выходит из строя, приборы помещают в латунные корпуса. Говорят, это помогает. Наш богатенький заказчик сможет обеспечить нас такими приборами? – спросил он у Войтеха.

– Он сказал: у вас будет все, что можно купить за деньги, – хмыкнул тот. – Так что пусть обеспечивает. И камер нужно несколько, чтобы установить видеонаблюдение в ее квартире, как мы хотели. Сможешь расставить их незаметно?

– Без проблем, – пожал плечами Ваня. – Выведи ее из дома куда-нибудь, а уж я камеры и микрофоны так распихаю, в жизни не найдет. Даже квартиру открою, но будет лучше, если нас еще и ключом обеспечат.

– Я могу открыть вам квартиру, – напомнил Нев.

– Хорошо, я запрошу защищенное оборудование, потом приглашу Катю куда-нибудь, а вы с Невом установите наблюдение. Лиля, покопай немного историю дома. Я хочу понять, связан этот феномен с квартирой или с самой Катей.

– Без проблем, поищу, – кивнула Лиля.

– Саш, мне обещали прислать копии медицинских карт Кати, посмотришь их? Я бы все-таки не стал исключать вероятность того, что происходящее связано с ее ментальным состоянием.

Саша молча кивнула. Она и сама как раз раздумывала, как бы тактичнее выдвинуть версию о том, что Катя может быть просто-напросто нездорова, отсюда и странные пугающие картины.

Ваня внезапно выпрямился в кресле, принялся и посмотрел в сторону кухни.

– Нев, мне кажется, или у вас там что-то начинает пригорать? Может быть, мы переместим обсуждение на кухню? Заодно пожрем наконец?

Глава 3

30 апреля 2015 года, 10.10

пр. Науки

Этим утром Лиля позволила себе поваляться в постели несколько дольше, чем обычно. Ситуация с ЗАО и Обществом еще не разрешилась до конца, новый неприлично богатый заказчик несколько нервировал, расследование пока оставалось непонятным, но в квартире Невы она всегда чувствовала себя в безопасности. Высокие потолки, деревянные окна, старые обои на стенах, сотни книг – все это действовало на нее умиротворяюще. Ей просто необходима была маленькая передышка, чтобы затем с новыми силами взяться за расследование, которое может решить огромную кучу их общих проблем. Общих, потому что со своими ей все-таки придется разбираться самой.

Нев ушел рано, поцеловав ее на прощание и велел обязательно позавтракать (завтрак, конечно же, он оставил для нее на столе). Ему тоже нужно было решить вопрос с прогулами на работе, но Лиля не сомневалась, что это не составит труда. На ее взгляд, он был слишком ценным преподавателем, чтобы руководство университета, где он работал много лет, разбрасывалось такими кадрами.

– Только без магии, – попросила она, когда он уже стоял в дверях.

Он ответил что-то невнятное, в чем ей одновременно послышалось и «посмотрим», и «как пойдет», и «не буду обещать».

Наконец, когда часы показали начало одиннадцатого, Лиля все же поднялась с постели. Прошла по комнатам, постояла немного у дурацкого гобелена на стене в гостиной, который прикрывал дверь в тайную комнату, где Нев хранил самые редкие, старые и опасные находки. Там же лежала и Книга Темных Ангелов, которую Лиля однажды пыталась выкрасть у него.

Она машинально дернула за ручку, но дверь, конечно же, была заперта. И не только на ключ. Нев всегда запирал ее, даже от самой Лили.

– Это для твоей же безопасности, – говорил он, но иногда ей казалось, что дело не только в безопасности. Как бы то ни было, а она все еще оставалась членом тайного Общества, призванного охотиться за опасными артефактами и обезвреживать таких людей, как Нев.

Умывшись и позавтракав оставленными ей блинчиками, которые после

разогрева в микроволновке оказались ничуть не менее вкусными, чем сразу со сковороды, Лиля наконец открыла ноутбук. Пора было заняться выполнением задания Войтеха и собрать сведения о доме. Год постройки и планировку квартир она нашла быстро, но это мало что давало. Типичный дом начала шестидесятых, типичные парадные, типичные квартиры. Разве что последний этаж отличался от привычного, но и в нем не было ничего необычного. В Санкт-Петербурге она нашла не один десяток таких домов. Следовало собрать сведения о жильцах, о том, что происходило в их квартирах если не за все время существования дома, то хотя бы за последние годы. Катя могла быть не единственной жертвой неизвестной сущности: такие «гости» иногда поселяются в домах или квартирах и изводят хозяев. Тем более в городе, практически построенном на костях.

Однако добыть подобные сведения самостоятельно Лиле было не под силу, да и потребовался бы не один день. Если бы Дементьев все еще не валялся в больнице под Новосибирском с пулевым ранением, она бы обратилась к нему. Следователь часто помогал им. Но и этот вариант в данный момент был ей недоступен.

В Санкт-Петербурге жил еще один человек, который мог помочь. Лиля не общалась с ним больше года, однако почти не сомневалась, что он ее помнит и от встречи не откажется.

С журналистом Димой Решетниковым она познакомилась два с половиной года назад, когда они только начинали заниматься расследованиями аномальных явлений. Дима был человеком настырным, проницательным, нахальным, даже наглым, не принимал отказов, не знал, что такое личное пространство. Это немного раздражало, но одновременно и привлекало. Его напору сложно было противостоять. Уже во вторую встречу он предложил Лиле выйти за него замуж и не переставал предлагать каждый раз, когда они разговаривали. Поначалу Лиля не исключала вариант, что однажды согласится на небольшой роман с ним, но в тот момент она была занята «соблазнением» Войтеха, а затем в ее жизни появился Нев, и Дима так и остался не у дел.

Конечно же, он не только помнил ее, но и сразу узнал по голосу, хотя она звонила с другого номера и даже не успела представиться.

– Лилечка, я уже и не надеялся когда-нибудь услышать тебя, – заявил он, едва она успела поздороваться.

– Рада, что ты меня помнишь.

– Я тебя никогда не забуду.

Лиля хмыкнула. Да уж, за этот год он совсем не изменился, если такие люди вообще способны меняться.

– Мне нужна твоя помощь, – сразу начала она, но Дима тоже не растерялся:

– Сегодня в шесть, ресторан «Строганов» на Конногвардейском бульваре. Там и обсудим.

– Нет. Мы обсудим это сейчас, – твердо сказала Лиля. – А если ты к вечеру нароешь информацию, тогда и встретимся.

Дима весело рассмеялся.

– Идет. Что у тебя за дело?

– Мне нужно раздобыть сведения об одном доме, – Лиля назвала адрес. – Все, что там происходило странного. Вдруг какие-то нераскрытые исчезновения людей, непонятные убийства, самоубийства...

– Стук по ночам, темные фигуры в пустых квартирах, – перебил ее Дима. – Опять ищите призрака-убийцу?

Теперь пришла Лилина очередь смеяться.

– Какой ты догадливый.

– Я же журналист, любовь моя. За какой срок нужны данные?

– Лучше за все время существования дома, но можно хотя бы за последние лет пять.

– Понял. Тогда сегодня в шесть в «Строганов».

– Если добудешь сведения, – напомнила Лиля.

– В этом можешь не сомневаться. Я для тебя луну с неба достану, не то что информацию.

Попрощавшись с Димой, Лиля решила наведаться и в ТСЖ Катиного дома. Обычно управляющие там тоже ушлые люди, которые могут обладать необходимыми сведениями. Лиля не сомневалась в том, что их добудет и Дима, однако считала, что пополнить данные неподтвержденными слухами тоже будет не лишним. А кто, как не сами жильцы, знают свой дом лучше всех? Лучше всего, конечно, было бы пообщаться с соседями, но на такие вопросы не ответят постороннему человеку, а вызывать подозрения ей не хотелось. Да и опрос жильцов тоже слишком затратен по времени.

Лиля надеялась, что председателем ТСЖ окажется мужчина. Обычно они как на духу выкладывали очаровательной блондинке все. Но здесь ей не повезло: председателем являлась женщина лет пятидесяти с небольшим. Кроме того, Лиля пришла не в часы приема. Пришлось узнавать домашний адрес и идти к ней домой, отрывая от дел. Увидев на пороге ослепительно красивую блондинку-москвичку, которая хочет купить квартиру в этом доме, чтобы переехать в Петербург, управляющая и вовсе скривилась.

– Дом у нас старый, капитального ремонта сто лет не было, что вам здесь делать? – хмуро спросила она, тем не менее пригласив Лилу в

квартиру.

– Зато сквер под окнами, – улыbnулась Лиля.

– Это парк, – припечатала управляющая.

На взгляд Лили, называть парком несколько десятков еще голых деревьев было некоторым преувеличением, однако она не стала спорить.

– Торговых центров здесь нет, из больших магазинов одна «Лента». Кинотеатр – и тот один. Поискали бы вы лучше квартиру в другом районе.

– Но мне нравится этот.

– Тогда вот, – управляющая неопределенно кивнула головой в сторону окна, – через дорогу новые кварталы. Здесь все жильцы друг друга знают, живут едва ли не с самой постройки, детей вместе растили, не дадут они вам жизни. – В ее взгляде неожиданно промелькнуло что-то вроде сочувствия. – К новым людям постарше еще более или менее относятся, а молодых незамужних женщин не любят. Сначала ремонт на полгода затеете, стены снесете, потом будете шумные вечеринки устраивать. Участкового жалобами завалят.

«И тебя тоже, – мысленно хмыкнула Лиля. – А лишней головной боли ты не хочешь».

Тем не менее она сделала себе мысленную пометку рассказать об этом Войтеху. Не то чтобы в этой информации было что-то важное, но она подумала, что и Катю здесь едва ли любят. Пусть заодно выяснит, какие у нее отношения с соседями, не поступало ли жалоб. Уж на что способны вредные соседи, Лиля знала не понаслышке. Под квартирой их родителей, когда они с Ваней были еще детьми, жила такая вредная соседка. То они мешали ей топотом, то дети слишком часто плакали, то папа слишком громко включал телевизор. Доходило до маразма: она строчила жалобы участковому на то, что мама привела в дом подружку и они громко смеялись.

После общения с управляющей заходить в квартиру, которую снял Войтех, Лиля не стала. До встречи с Димой оставалось совсем немного времени, квартира Нева находилась в другом конце города, а ей стоило еще зайти хотя бы на маникюр. Сначала похищение, потом несколько дней взаперти, стремительный побег, напряженная неделя в Москве – все это время ей было не до себя, а идти с мужчиной в ресторан, пусть даже безо всяких на него планов, как минимум без приличного маникюра казалось ей неправильным.

30 апреля 2015 года, 14.45

пр. Кима

– Надо было хоть как-то загримироваться, – задумчиво протянул Ваня, когда они уже поднимались в лифте Катиного дома. – Сантехниками прикинуться. Или службой доставки.

– Зачем? – не понял Нев.

В этот момент скрипучий лифт дополз до нужного этажа и остановился. Немного подумав, он неохотно раздвинул двери, выпуская пассажиров. Нев стоял ближе к выходу, поэтому шагнул на лестничную клетку первым.

– Затем, что в таких домах всегда есть соседка, которая коротает время у дверного глазка, – хмыкнул Ваня, выходя следом и поправляя на плече объемную спортивную сумку. – Может потом и спросить у милой Катеньки, что за два мужика приходили к ней сегодня, пока ее не было.

– Нас никто не увидит, – спокойно заверил его Нев, подходя к нужной двери.

– Откуда вы...

Ваня осекся, вздрогнув от неожиданности: Нев на мгновение обернулся к нему, его глаза из серых снова стали черными, как происходило всегда, когда их старший товарищ принимался «колдовать». Сколько бы раз Ваня это ни видел, а все никак не мог привыкнуть. Сейчас он даже не заметил, когда Нев успел сомкнуть пальцы. Насколько он знал, «замкнуть контур» для использования магии Неву было необходимо.

– Вы сделали нас невидимыми? – Ваня нахмурился. – В прошлый раз это выглядело эффектнее: сеточка такая красивая переливалась.

– В прошлый раз мы могли попасть на камеры, – пояснил Нев, проводя рукой по замочной скважине в двери и ловя слухом едва заметный щелчок. – А в этот раз хватит простого отвода глаз. Нечего пожилым людям смотреть на пустой лифт, который едет без вызова, и открывающуюся дверь. Кошмары потом будут сниться. Пусть лучше телевизор в это время посмотрят.

Он нажал на ручку и толкнул дверь, впуская их обоих в квартиру Кати Ляшиной.

Как и собирался, Войтех увел ее обедать еще пятнадцать минут назад, но какое-то время Нев с Ваней выждали на всякий случай. Вдруг девушка решит вернуться, что-то забыв дома?

Нев заметно нервничал до тех пор, пока они не оказались в доме. Точнее, пока он не призвал магию Темных Ангелов. Сверхъестественная сила, шедшая откуда-то изнутри, наполнявшая тело и покалывавшая кончики пальцев, всегда придавала ему спокойствия и уверенности.

Но до того момента, как теплый, слегка щекочущий поток не разлился

по венам, Нев не мог отделаться от мысли, что с тех пор, как их отношения с Лилей перестали быть тайной, они с Ваней впервые оказались наедине.

Пока они сидели в съемной квартире и наблюдали через все ту же камеру в пуговице, как Войтех забирает Катю и увозит на свидание, Нев чувствовал взгляды, которые бросал на него Лилин брат. Каждую секунду он ждал, что тот начнет неприятный разговор, но обычно столь несдержанный в своих комментариях Ваня все это время молчал.

В квартире Кати тревога по поводу возможного разговора отпустила Нева. Ваня увлекся выискиванием укромных мест, установкой в эти места маленьких камер, их подключением и настройкой. К этому процессу он Нева не допустил, заявив, что ему проще сделать все самому, чем объяснить как, поэтому участие Нева в этом задании ограничивалось их незаметным попаданием в квартиру.

Большую часть камер было решено поставить именно в мастерской, поскольку жилая часть квартиры не вызвала у Войтеха никаких предчувствий. Здесь они ограничились лишь одной камерой «на всякий случай» в кухне-гостиной. Нев был рад этому, поскольку ему и так не очень нравилось влезать в чужую жизнь без спроса. На втором этаже он, в отличие от Войтеха, не почувствовал ничего необычного, но это не показалось ему удивительным. Все-таки Войтех экстрасенс, он чувствует и воспринимает окружающий мир гораздо острее других людей, а Нев может обнаружить нечто странное только если знает, где искать.

Пока Ваня ковырялся в углу, он с интересом разглядывал картины и в конце концов дошел до той, что стояла на мольберте, закрытая тканью. После секундного колебания Нев все-таки осторожно стянул покрывало.

И тут же услышал насмешливое предупреждение от Вани:

– Смотрите тоже не поплывите, как Дворжак.

Нев рассеянно кивнул и всмотрелся в картину. Если так можно было назвать безумное сплетение темно-серых, ближе к черным, линий. На первый взгляд казалось, что кто-то просто беспорядочно водил кистью по холсту, имея под рукой краску только одного цвета. Где-то она ложилась гуще, где-то реже, из-за чего получились разные оттенки. Но стоило приглядеться, как картина перед глазами оживала: линии как будто начинали шевелиться и перестраиваться, складываясь в нечто интуитивно понятное и почти осязаемое...

Холодок пробежал у Нева вдоль позвоночника, и то темное, что уже давно жило внутри, снова шевельнулось. На этот раз без его призыва. Оно просто ожило, встрепенулось, словно очнувшись ото сна, и принялось тихо, но настойчиво скрестись в воображаемую дверь, которую Нев приоткрывал

каждый раз, когда пользовался магией. Обычно он контролировал открытие двери и того, кто стоял за ней, но иногда случалось, что тот начинал рваться наружу сам. Совсем недавно он даже вырвался на свободу, и долгое время контролировал тело Нева, пока тому не удалось снова затолкать его за дверь и захлопнуть ее.

Вот и сейчас он принялся скрестись и что-то тревожно шептать, но Нев не мог разобрать слов.

Сигнал смартфона прогнал наваждение. Нев вздрогнул и снова увидел перед собой беспорядочную мазню черной краской. Сердце гулко билось в груди, дышать было тяжело, словно он только что пешком поднялся на пятый этаж. Противный стандартный звонок раздражал и ввинчивался в висок острым штопором.

– Может, вы ответите? – донесся из-за спины немного раздраженный голос Вани.

Нев потер лоб, отошел к окну, на ходу доставая из кармана пальто смартфон. Звонила Лиля, предупредить, что ужинает сегодня с другим. Игривый и чуть насмешливый тон, которым она это сообщала, давал понять, что это какая-то шутка, но он все равно почувствовал легкий укол ревности. Нев знал, что ревность – удел неуверенных в себе людей, но ничего не мог с собой поделать. Он действительно ни в чем не был уверен.

– Целую, – попрощалась трубка голосом Лили, и прежде, чем он успел что-то сказать в ответ, она отключилась.

Нев убрал смартфон обратно в карман и уже повернулся, чтобы найти взглядом Ваню и выяснить, как далеко тот продвинулся в установке камер, когда краем глаза заметил стремительное движение рядом. Что-то темное и уродливое метнулось к нему, заставив дернуться и отшатнуться. Нев даже почувствовал на кончиках пальцев покалывание готовой сорваться с них темной энергии. Часть него успела удивиться этому: он ведь не замыкал контур после того, как отпустил силу, так откуда она снова взялась?

Тень с громким мявом шарахнулась прочь и зашипела. Нев шумно выдохнул, осознав, что это всего лишь уродливая голая кошка хозяйки.

– Нервишки шалят? – насмешливо поинтересовался Ваня. – Это кошка, не надо сжигать ее в адском пламени.

Только после этого комментария Нев осознал, что успел поднять руку, словно собираясь кинуть в кошку невидимый мячик. Сжав пальцы в кулак, он медленно опустил руку, выдыхая и стараясь унять сердцебиение. А потом торопливо набросил тряпку на картину и на мгновение повернулся к большому зеркалу в полный человеческий рост, убеждаясь, что глаза у него нормальные, врачки не больше, чем обычно.

– Какой-то вы дерганый сегодня, – заметил Ваня, приближаясь к нему и на ходу что-то перекладывая в сумке, висевшей на плече. – Я закончил, пока вы тут абстрактным искусством любовались, – он кивнул на картину.

Нев против воли тоже посмотрел на нее, но занавешенная тканью, она уже не производила такого гнетущего впечатления.

– Это Лиля звонила?

Неожиданно серьезный тон Вани заставил Нева обернуться. Лилин брат смотрел на него с отчаянной решимостью, недовольно хмурясь, и это выражение лица было ему настолько несвойственно, что Неву сразу захотелось отвести взгляд в сторону. Что он и сделал.

– Да. Предупреждала, что ужинает со своим старым знакомым, который как-то уже помогал ей собирать информацию.

Боковым зрением он видел, как Ваня кивнул, но при этом продолжал стоять напротив, сверля его взглядом. Нев прикрыл глаза на мгновение, понимая, что так не может продолжаться вечно. В конце концов, они оба взрослые люди и могут просто поговорить.

– Если вы хотите мне что-нибудь сказать, – он заставил себя посмотреть Ване в глаза, – то говорите. Обещаю не проклинать немотой.

Ваня криво усмехнулся, но тут же снова посерьезнел.

– Я вам так скажу, Нев. Вы мне всегда нравились. Да, я порой подшучивал над вами, но всегда уважал. Эти ваши шуры-муры с Ангелами меня, конечно, немного напрягают, но не пугают. Пока от них больше пользы, чем вреда. И стряпня мне ваша нравится, и поговорить с вами порой интересно.

Он замолчал, заметив осторожную улыбку на губах Нева, как будто не решаясь продолжить. Нев подтолкнул его:

– Но?

– Но мне не нравятся ваши отношения с моей сестрой, – продолжил Ваня. И после того, как первые очевидные слова были произнесены, дальше его речь полилась увереннее: – Я буду называть вещи своими именами: вы слишком старый для нее. Сколько вам, шестьдесят?

– Пятьдесят пять, – поправил Нев.

– Да хоть бы и так. Понимаете, наш отец, будь он жив, сейчас был бы вашим ровесником. Двадцать два года – это чертовски много. Я не знаю, что она находит в вас сейчас, но, очевидно, вы кажетесь ей достаточно привлекательным, а что будет через пять лет? Или через десять? Как вы вообще все это себе представляете? А дети?

– Я думал, вы не готовы стать дядей, – не удержался Нев.

– Да при чем тут я? Вы-то готовы стать отцом? Не поздновато ли

собрались?

Нев покачал головой и неожиданно для самого себя рассмеялся. Он так боялся этого разговора, но вот он состоялся, а ничего страшного не произошло. Ваня не сказал ему ничего нового. Нев думал, что ему будет стыдно, но вместо этого испытал странную легкость.

– Вы правда думаете, что я всего этого не знаю? – спросил он, глядя на озадаченного Ваню с улыбкой. – Или что я этого не осознаю? Я прекрасно умею считать и понимаю, что двадцать два года – это очень много. И понимаю, что через пять лет я буду еще менее интересен женщине вроде вашей сестры. Но не думаю, что вам стоит волноваться на этот счет. Все закончится раньше. Не будет странной свадьбы, и детей тоже не будет. Эти отношения не продлятся долго. Они возникли под влиянием момента, и я полагаю, Лиля скоро очнется и поймет все то, что для нас с вами очевидно. Пять лет? – он грустно усмехнулся. – Я не думаю, что у меня будет даже пять месяцев.

Теперь Ваня казался немного растерянным и обескураженным, и это выражение на его лице пугало еще больше.

– Тогда зачем все это?

– Затем, что даже один день рядом с ней для меня имеет больше смысла, чем вся предыдущая жизнь. И каждый из них я буду помнить до самого конца.

Ваня уже открыл рот, собираясь съязвить по этому поводу, но в последний момент что-то во взгляде Нева остановило его. Он стиснул зубы, горестно вздохнул, махнул рукой и повернулся к выходу.

– Ладно, идемте. Все с кем-то едят, я бы тоже подкрепился. Как насчет пиццы?

Больше они в тот день об этом не говорили. И хотя разговор прошел совсем не так, как каждый из них ожидал, и Нев, и Ваня оказались им одинаково удовлетворены.

30 апреля 2015 года, 18.05

ресторан «Строганов Стейк Хаус»

Конногвардейский бульвар

Лиля опоздала на пять минут, и Дима уже ждал ее, как всегда с шикарным букетом темно-бордовых роз на длинных толстых стеблях. Он сидел за столиком у окна, с чашкой кофе в руках, сам не менее шикарный, чем небрежно брошенные на стол цветы: высокий, светловолосый, с уверенной улыбкой на губах и нахальным взглядом из-под полупущенных

ресниц. Лиля на миг представила себя рядом с ним, понимая, что они были бы действительно красивой парой, но тут же отбросила эти мысли.

– Лилечка, прекрасно выглядишь!

Она в последний момент умудрилась изящно отвернуться, и его поцелуй пришелся в щеку, а не в губы, куда он изначально целился. Лиля поймала на себе пару завистливых взглядов, победно улыбнувшись в мыслях. Она с детства была красавицей, с юности привлекала к себе взгляды мужчин, никогда не страдала комплексом неполноценности, но все равно любила получать подтверждение того, что другие женщины ей завидуют. Ей никогда по-настоящему не нравились такие мужчины, как Дима. Она могла поддаться их самоуверенности и обаянию, закрутить роман, но действительно влюбиться, так, чтобы забыть о себе, – едва ли. Она не теряла от них голову, поэтому с легкостью могла использовать в своих целях.

– Так что ты узнал? – поинтересовалась она, бросив сумочку на соседний стул и позволив Диме сначала снять с нее пальто, а затем помочь сесть.

– Может быть, мы хотя бы заказ сначала сделаем? – он кивнул на меню, которую вышколенный официант положил перед ней.

– Насколько я помню, здесь были чудесные стейки, – не заглядывая в него, отозвалась Лиля. – Филе-миньон средней прожарки, к нему какой-нибудь легкий овощной салат. Вино на твой вкус.

Пока официант принимал заказ, ставил цветы в воду и раскладывал приборы, Лиля позволила Диме болтать о всякой ерунде, делать себе комплименты и звать на незабываемые отдыхи, что он всегда любил, но как только молодой человек отошел от их столика, снова напомнила о деле.

– Тебе бы в первую очередь обо всяких маньяках и призраках, – страдальчески вздохнул Дима, затем вытащил из сумки небольшую папку и передал ей. – Тут все сведения, что я нашел, но если кратко: ничего интересного там не происходило. Дому пятьдесят пять лет, поэтому, естественно, за это время там кто-то умирал. Но в основном люди в возрасте: инфаркты, инсульты и все такое прочее. Молодежь, конечно, тоже бывала, но везде естественные причины либо несчастные случаи. Из самого необычного: в девяносто девятом с седьмого этажа шагнула девушка, но и у той была шизофрения. Может, конечно, ее и злые духи с балкона столкнули, но эксперты склонялись к голосам в голове. В папке есть копия заключения, если ты мне не веришь, – Дима кивнул в сторону стула напротив, куда Лиля положила папку. – Сам дом построен на обычном пустыре, никаких тайных захоронений под ним нет. В последние

годы в нем начали сдавать квартиры, поэтому контингент периодически меняется, кто-то спокойный, кто-то буянит, все как везде. Ничего из ряда вон, что могло бы привлечь внимание такой компании, как ваша.

Им пришлось снова ненадолго прерваться, поскольку официант как раз принес вино и заказанную еду. Дима тут же воспользовался паузой, чтобы перевести разговор на другую тему, но Лиля была непоколебима.

– А что с той квартирой, про которую я просила узнать подробнее?

Дима несколько долгих секунд смотрел на нее, а затем внезапно сказал:

– Больше никакой информации, пока не выпьешь.

– Дима!

Он сжал губы в тонкую нитку и провел по ним пальцами, словно закрывая на замок.

– Ты невыносим, – Лилия улыбнулась, а он лишь пожал плечами.

Она коснулась своим бокалом краешка его бокала и сделала осторожный глоток. Вино оказалось терпким, приятным на вкус. Лилия поставила бокал на стол, но Дима все еще изображал из себя глухонемого, лишь качая головой. Лилия снова улыбнулась и залпом выпила полбокала.

– Другое дело, – тут же расплылся в довольной ухмылке ее собеседник. – Значит, квартира. Ты ешь, ешь, а то остынет.

Лилия не стала противиться. Мясо выглядело соблазнительно, было приготовлено именно так, как она любит, и она подумала, что следует прийти в это место с Невом. Когда-то она была здесь, когда приезжала в Питер по делам, и почти успела забыть, как вкусно здесь готовят.

– Квартира эта раньше была двумя квартирами, как ты понимаешь. Нижнюю сразу после постройки дома получили инженер и учительница с двумя детьми, верхняя некоторое время принадлежала Союзу художников, а потом ее купил какой-то писатель, так и умерший в неизвестности. Инженер и учительница скончались в середине девяностых, в их квартире остался сын. Он был одним из тех, кто круто взлетел в девяностые, выкупил верхнюю квартиру – к тому времени писатель уже ушел в мир иной – соединил их в одну, пристроив лестницу, чтобы не нужно было каждый раз выходить на площадку. Уж не знаю, что он собирался там делать: не то бальный зал, не то футбольное поле, но жалоб от соседей было – бывший участковый до сих пор вспоминать не хочет. Говорит, он там дневал и ночевал. Но потом братка убили, квартира осталась его жене и детям. В начале прошлого года ее купила молодая пара: женщина работает риэлтором, провернула крутую сделку, хватило денег на эту квартиру. Муж был фотографом, в верхней части устроил студию. По информации уже

нового участкового, пил страшно, скончался от инсульта в ноябре две тысячи четырнадцатого. То есть даже года там не прожил. После него квартиру купила... – Дима вдруг осекся и снова посмотрел на Лилин бокал, в который официант успел незаметно долить вина. – Предлагаю выпить снова, иначе дальше информацию не получишь.

Дальше Лиля информацию уже знала, однако от вина отказываться не стала.

– Ты меня напоить хочешь? – поинтересовалась она, поднося бокал к губам.

– Может быть, пьяная ты будешь сговорчивее? – улыбнулся Дима.

Лилия только хмыкнула в ответ.

– Вот я мужу расскажу, как ты меня спаивал и утаивал важную информацию, и он превратит тебя в жабу.

– Мужу? – Дима покосился на ее правую руку, в которой она держала бокал, и усмехнулся, не найдя на ней обручального кольца. – А кто же у нас муж?

– Волшебник.

Дима поднял руки и покорно склонил голову.

– Тогда не смею дальше настаивать. В общем, ныне эта квартира принадлежит Екатерине Эдуардовне Ляшиной, единственной и любимой дочери Эдуарда Александровича Ляшина, депутата Государственной Думы и весьма могущественного человека. Дочурка уродилась творческой личностью, молодой талантливый художник, в восемнадцать лет вместе с парочкой друзей приехала из Москвы в город белых ночей и спившихся интеллигентов, да так тут и осталась. Ну что? – Дима наклонился к ней ближе и накрыл ее руку, лежавшую на столе, своей ладонью, специально поглаживая то место на безымянном пальце, где замужние женщины носят обручальное кольцо. – Я порадовал тебя информацией, моя непокорная королева?

– Ну, предположим, про Ляшину я знала, – не удержалась Лиля. – А все остальное было весьма занимательно. Меня распирает любопытство, откуда ты все это узнал?

Он улыбнулся.

– Лилечка, как ты думаешь, что самое главное в жизни?

Она покосилась на его руку, которая так и лежала поверх ее собственной.

– Любовь?

– Глупые романтические мысли. Любовь приходит и уходит.

– А кушать хочется всегда, – пробормотала Лиля. – Деньги?

– А завтра ты поставишь не на ту лошадь, и нет у тебя больше денег.

– Тогда что же?

Дима поднес ее руку к губам и поцеловал центр ладони, а затем аккуратно вернул на стол.

– Самое главное в жизни, Лилечка, это друзья и знакомые. Чем больше у тебя знакомств, тем больше возможностей быстро и безболезненно раздобыть нужную информацию. А это и деньги, и власть, и любовь, и все такое прочее.

– Следуя твоей логике, друзья могут предать.

– Для этого у тебя голова на плечах: выбирать правильных друзей и не доверять им больше, чем нужно.

Он хотел еще что-то сказать, но в этот момент завибрировал и медленно пополз по столу его мобильный телефон. Дима мельком взглянул на него, тут же перевернул экраном вниз и снова повернулся к Лиле.

– Так что насчет...

Лиля не дослушала. Потянулась к его телефону и снова перевернула экраном вверх.

– Жена? – медленно и тягуче прочитала она имя абонента. – Вот так сюрприз, Дмитрий Решетников. У вас есть жена?

Дима откинулся на спинку стула, бросив недовольный взгляд на телефон, а затем повернувшись к Лиле все с той же неизменной нахальной ухмылкой.

– У тебя муж – волшебник, а у меня жена – ведьма. Мы были бы прекрасной парой, ты не находишь?

– И как давно ты женат?

– Семь лет. Но ради тебя я разведусь хоть завтра.

Лиля медленно поднялась, сняла с вешалки пальто, оделась, чувствуя, как Дима следит за ней взглядом, но не делает ни единой попытки встать и помочь. Затем взяла со стула сумочку, принесенную им папку, наклонилась к нему и поцеловала в щеку.

– Спасибо за информацию, Решетников. Я тебе позвоню, если мне еще что-то понадобится.

– Всегда рад, – пробормотал он, но уже далеко не так самоуверенно, как раньше.

30 апреля 2015 года, 19.50

Средний проспект В.О.

Саша сама не знала, к какому выводу хочет прийти после просмотра

всех медицинских карточек, которые ей прислал отец Катерины. С одной стороны, ей не хотелось в итоге выяснить, что у девушки просто-напросто начинается какое-то психическое заболевание, с другой – иногда казалось, что уж лучше болезнь, которую можно корректировать лекарствами, чем действительно преследующая потусторонняя сущность. Саша еще помнила, каково оказаться на месте жертвы этой сущности. Каждый раз, думая об этом, она невольно крутила в руках кулон, который сейчас не прятался под одеждой, а спокойно свисал на длинной цепочке, ложась на бумагу каждый раз, когда она наклонялась над очередной распечаткой.

Господин Ляшин прислал не только медицинскую карту самой Кати, но и свою, и ее матери, и всех ближайших родственников, включая бабушек и дедушек. Саше нравился такой подход, а сам Ляшин вызывал уважение, хотя политиков она искренне не любила, да и самого Ляшина побаивалась, понимая, что он в любой момент может размазать их по стенке за одно неверное движение. И раз у него есть возможность решить их проблему с ЗАО, значит, он как минимум знал об этой организации раньше. Знал и ничего не сделал.

Однако он не стремился с пеной у рта доказывать, что его дочь не сумасшедшая, не утверждал, что призраков и демонов не существует, а потому как заказчик Сашу вполне устраивал. Он просто предоставил всю имеющуюся информацию и попросил разобраться.

Информации оказалось так много, что Саша устала читать ее с экрана ноутбука почти сразу, поэтому теперь по всей небольшой гостиной ее квартиры были аккуратно разложены, пронумерованы и подписаны распечатанные на принтере листы бумаги. Кроме них, на полу лежали три толстых справочника по психиатрии, к которым Саша периодически прибегала за помощью.

Толстым желтым маркером она отмечала любые упоминания о наследственных болезнях, а также о симптомах, которые могли на них указывать, сверялась с энциклопедиями, что-то вычеркивала, что-то оставляла. Работа была кропотливая, но увлекательная. У самой Кати ей пока не удалось обнаружить ничего интересного. Она родилась на редкость здоровым ребенком, развивалась по возрасту, прививки получала в срок и до детского сада к врачу ходила лишь на профилактические осмотры. В саду, как и любой ребенок, болела простудами и гриппом, но опять же ничего подозрительного Саша не нашла. Основная группа по физкультуре и даже два года в секции фигурного катания. Этот факт Сашу заинтересовал, поскольку в таком спорте нередки падения и удары головой, но Эдуард Александрович Ляшин заверил ее, что никаких серьезных травм Катя не

получала. Поначалу Саша переправляла все возникающие вопросы Войтеху, тот связывался с заказчиком и передавал его ответы ей, но вскоре тот сам предложил, чтобы Саша писала ему напрямую. Отвечал он быстро и лаконично, что еще раз дало ей понять, насколько он заинтересован в правильном расследовании.

Самой интересной находкой за несколько часов работы стала гибель матери Кати. Когда девочке было всего два года, та выпала из окна восьмого этажа. Катя в этот момент находилась дома. Ляшин написал Саше, что это был несчастный случай, его жена мыла окна и не удержалась на скользком подоконнике, а Катя в этот момент спала и проснулась лишь тогда, когда он сам, после звонка милиции, открыл квартиру. Все, конечно, могло быть и так, но что если это был не несчастный случай, а самоубийство? Мать Кати могла страдать каким-то психическим заболеванием, на которое вовремя не обратили внимания, покончила с собой, а теперь оно начало проявляться и у Кати. Отсюда и странные видения, и пугающие картины. Либо же это действительно был несчастный случай, но девочка все видела. Ввиду возраста не испугалась сразу, но отпечаток на психике получила, и теперь расплачивается. Даже если не отметить потустороннюю версию, то давно известно, что полтергейсты лучше цепляются к тем, кто пережил серьезные психологические травмы, к инвалидам и просто травмированным морально людям. Саша сделала себе мысленную пометку обсудить это с группой.

До начала белых ночей оставалось еще около месяца, поэтому за окном уже начали сгущаться сумерки, когда Саша наконец дочитала последние страницы и захлопнула толстый справочник. Все это время она сидела на полу, сгорбившись над распечатками, а потому спина отозвалась острой болью, стоило ей только выпрямиться. Держась за стол, она поднялась на ноги, чтобы пойти на кухню и поставить чайник, но звонок в дверь отвлек ее. На пороге неожиданно оказался Войтех с большой коробкой в руках и неловкой улыбкой на губах.

– Ты разве не с Катей в ресторане? – удивилась Саша.

– У нее на вечер назначены какие-то дела, поэтому мы не ужинали, а обедали, и уже закончили, – пояснил Войтех, так и стоя на пороге.

Саша посторонилась, пропуская его в квартиру. Она не ожидала, что он придет. После того, как он проигнорировал ее предложение о диване в гостиной, думала, что встречаться они теперь будут исключительно в снятой им квартире. По крайней мере, пока длится расследование.

– Что в коробке? – поинтересовалась она, когда Войтех поставил ее на комод и принялся раздеваться.

– Еда.

– Еда? Ты же только что из ресторана.

– Во-первых, не только что, а во-вторых, это тебе. Когда ты ела в последний раз?

Он многозначительно посмотрел на усеянный листами бумаги пол в гостиной. Саша не сдержала улыбку. Он хорошо знал, как она умеет увлекаться.

Саша взяла коробку, в которой оказалось несколько коробочек поменьше из японского ресторана неподалеку, и прошла с ней на кухню.

– Ты будешь есть со мной? – громко спросила она.

– Я же только что из ресторана, – насмешливо напомнил Войтех.

– Во-первых, не только что, – с улыбкой передразнила его Саша, – а во-вторых, ничего не знаю, там ты был с другой девушкой.

Он тоже вошел на кухню и остановился на пороге. Саша не стала предлагать ему сесть. Он был в этой квартире много раз и давно не стеснялся пользоваться ею без разрешения. Ей вдруг стало интересно, как долго он будет продолжать держать дистанцию? В глубине души она надеялась, что он пришел не просто так. И не только для того, чтобы принести ей еды.

– Тебе чем-нибудь помочь? – вежливо поинтересовался он.

– Достань чашки и сядь уже, не стой столбом, как будто ты здесь в первый раз.

Войтех молча кивнул и подошел к шкафчику, где у нее стояли чашки.

– Тебе какую?

– Синюю, конечно.

Она мельком взглянула на него, пытаясь понять, вспомнил ли он то же, что и она. Когда-то таких чашек было две. Они покупали их вместе, однажды заехав в посудный магазин. Но одна из них, оставленная на краю стола в тот день, когда Войтех приехал к ней после двухнедельного отсутствия, была обречена с самого начала. Судя по тому, как долго Войтех держал эту чашку в руках, рассматривая ее, он тоже помнил тот день. Саша отвернулась, быстро выкладывая содержимое коробочек на тарелки, чтобы разогреть необходимое.

Когда она снова повернулась к нему, Войтех уже сидел за столом, поставив перед собой чашку. Он снял с правой руки перчатку и аккуратно, как будто она была горячей, касался кончиками пальцев края чашки.

– Что ты делаешь?

– Пытаюсь проверить, могу ли я взять эту чашку, не поймав видение. – Заметив ее недоуменный взгляд, Войтех добавил: – Постоянно ходить в

перчатках крайне неудобно, а видения я хватаю не от каждого прикосновения.

Саша понимающе кивнула, и ему показалось, что на ее лице промелькнуло разочарование. Он пришел к ней, потому что наконец решил, что замалчиванием проблемы дело не решится. Ему нужно собраться с мыслями и наконец поговорить с ней обо всем, что произошло, но Войтех пока не представлял как. Какими словами извиниться за свою ложь и все, к чему она привела, если он сам считает, что прощения недостойн? Как можно простить тот факт, что из-за него погибли люди, что из-за его лжи чуть не погибла она сама, что он убил человека? Пусть некроманта, пусть угрожавшего его собственной жизни, но человека.

Войтех откладывал этот разговор сколько мог и сейчас бы предпочел сначала разобраться с расследованием, но понимал, что Саша ждет от него каких-то слов. И чем дольше он тянет, тем сложнее будет эти слова найти. Он надеялся, что интуиция подскажет ему, что говорить, но та предательски молчала. Войтех впервые подумал, что его интуиция может быть всего лишь обостренным восприятием реальности, способностью быстро и точно анализировать события и прогнозировать их развитие, а с Сашей этот номер никогда не проходил. Он не понимал ее логики, не мог уследить за ходом ее мыслей, представить, что и как она будет делать в определенной ситуации. Она так часто ломала стереотипы, что интуиция не могла ему помочь. В том числе и за эти качества он влюбился в нее, но сейчас они только усложняли и без того сложный разговор. Либо же его интуиция молчит специально, чтобы он выкручивался сам, сполна хлебнув расплаты.

Так и не придумав, с чего начать разговор, Войтех решил дать себе еще немного времени.

– Что интересного ты узнала в медицинских картах?

Теперь разочарование на Сашином лице уже не угадывалось, а читалось без труда. Она тоже ждала от него другого разговора, и Войтех пообещал себе, что обязательно начнет его сегодня. Чуть позже.

Саша поставила на стол разогретую еду, включила чайник и, лишь удостоверившись, что голос, в отличие от лица, ее не выдаст, села напротив Войтеха.

– Нашла парочку ситуаций, которые могли воздействовать на психику Кати.

Она подробно пересказала историю с гибелью матери художницы и свои выводы по этому поводу. К ее удивлению, Войтех не стал сразу же заявлять, что она не права, и это не может быть проявлением болезни. Саша

еще помнила, как он обижался каждый раз, когда она пыталась всему найти логическое объяснение. Возможно, раньше дело было в ее категоричном тоне, который давно ушел в прошлое, стоило ей узнать тайну своей семьи. Возможно, он что-то поменял в собственном мировоззрении. Иногда ей казалось, что она не узнает его после случившегося в лаборатории.

– Во всем этом меня смущают два противоположных факта, – признался Войтех, когда она закончила. – Я не заметил никаких проявлений полтергейста или другой потусторонней сущности у нее в квартире. Для этого явления характерны передвижения предметов, самовозгорание вещей и все такое. Когда тебя преследовал Ангел, мы все видели проявления: улетевшая в стену чашка, разбитое зеркало в прихожей и многое другое. Это были не только твои слова. С Катей ничего подобного нет.

– Возможно, ты просто пока мало находился рядом с ней? – предположила Саша. – Сейчас Ваня поставит камеры, может быть, что-то сможем увидеть.

– Может быть, – согласился Войтех. Его предательская интуиция, молчавшая все то время, что он думал о разговоре с Сашей, внезапно подняла голову, и он очень четко понял, что никаких проявлений на камерах они не увидят. – За это говорит и тот факт, что в мастерской Кати я все же что-то чувствую. Не могу объяснить словами, просто... – он запнулся, подбирая слова. – Как мурашки по коже. Ну и, конечно, картина. Даже если она рисовала ее под воздействием своей предполагаемой болезни, то почему я чувствую... ужас, когда смотрю на нее?

Саше нечего было ответить. Эти два факта действительно исключали друг друга.

– У меня тут сейчас состоялся интересный разговор с одной соседкой Кати, – добавил Войтех, когда она уже увлеклась едой.

– О чем именно?

– О порче.

Саша удивленно приподняла брови.

– Даже так?

Войтех кивнул. После ресторана он проводил Катю домой, используя очередной повод зайти к ней в квартиру. В мастерскую она больше не звала его, на первом этаже он ничего не чувствовал, поэтому задерживаться надолго не стал. Он надеялся, что Ваня и Нев установили камеры, а потому они теперь смогут следить за девушкой, и ему нет никакого смысла пытаться еще раз попасть наверх. От одного воспоминания о картине у него холодели руки.

Он все еще изображал из себя то ли слишком застенчивого, то ли

слишком старомодного ухажера, поэтому перед тем, как уйти, ограничился лишь поцелуем в щеку и обещанием позвонить завтра. Выйдя из квартиры, по привычке проигнорировал лифт, однако не успел спуститься и на один пролет вниз, как кто-то окликнул его:

– Молодой человек! Погодите!

Войтех остановился, посмотрев вверх. С последнего этажа в пролет выглядывала сухонькая старушка.

– Молодой человек, там моего кота нигде не видно? Сбежал, зараза эдакая, а у меня уже годы не те, чтобы бегать за ним по лестнице. Боюсь, как бы во двор не выбежал, пропадет же, окаанный.

Около десяти минут пришлось потратить на поиски кота, который обнаружился забившимся в угол на площадке между вторым и третьим этажом, затем накрывать его своей курткой, чтобы бешеное животное не расцарапало ему лицо, а потом нести наверх, в квартиру к старушке.

– Вот спасибо вам! – рассыпалась та в благодарностях. – Совсем из ума выжил на старости лет. Все нормальные коты в его возрасте спят на подоконнике, а этот все сбежать пытается. Чуть замешкаешься – он уже на площадке. А у меня ноги больные, я быстро ходить не могу, вот и сбегает постоянно. Уже все соседи его знают, ко мне несут. Раньше был кот как кот, что с ним случилось?

Войтеху было не очень интересно слушать про свихнувшегося кота, однако уйти на середине разговора он счел невежливым.

– А вы, я вижу, к Катеньке ходите? – спросила старушка.

Войтех посмотрел на дверь напротив ее квартиры, только сейчас понимая, что это дверь в мастерскую Кати. Он поднимался в нее с первого этажа, поэтому как выглядит вторая дверь на площадку, не запомнил.

– Мы недавно познакомились, – неопределенно кивнул он.

Соседка покачала головой, а затем внезапно выдала, понизив голос:

– Вы поаккуратнее с ней.

Войтех насторожился.

– В каком смысле?

Старушка замялась, то ли не желая говорить, то ли не зная, как он отнесется к ее словам.

– Катюша девочка хорошая, – она произнесла это таким тоном, как будто уже заранее извинялась за то, что скажет. – Мы с ней в прекрасных отношениях, я ее кошку хожу кормить, когда она уезжает. Но она девочка творческая, домой иногда поздно приходит, друзей приводит. Не всем в парадной это по нраву. У нас тут народ в основном с постройки дома живет, половина уже в маразме, старость не радость, – старушка с улыбкой

подмигнула ему. – Иногда замечания ей делают, а она на язык остра. Особенно сильная война у них со Светкой с первого этажа. А Светка потомственная ведьма, было дело, даже клиентов принимала. Тоже, скажу я вам, мало у кого восторг вызывало, но тогда она на всех огрызалась.

– И вы думаете, Светлана навела на Катю порчу? – уточнил Войтех, стараясь, чтобы голос прозвучал ровно.

– Я не думаю, я знаю, – припечатала соседка. – У меня икона три раза падала, а до этого тридцать лет висела на одном месте, на той стене, которая с Катюшиной квартирой общая. И кот с ума сошел, все сбежать норовит, я же вам говорила. Так что вы там поосторожнее, как бы на вас чего не перешло. Вы, я вижу, мужчина добрый и отзывчивый.

Все это Войтех в подробностях пересказал Саше, глядя на то, как она под его рассказ подметает еду с тарелок.

– А ты в ее квартире почувствовал что-нибудь? – поинтересовалась она, когда он замолчал.

– Кроме запаха старости и кошачьей мочи?

Саша рассмеялась.

– Да уж, когда икона висит на одном месте тридцать лет, нет ничего удивительного, что рано или поздно она упадет. А кот небось тоже не кастрированный, вот и сбегает. Весна на дворе, как-никак. Во всех нормальных городах коты в марте орут, а с нашим климатом к концу апреля как раз и просыпаются.

Войтех был с ней отчасти согласен, и тем не менее решил держать версию с порчей про запас. Пока у него не складывалось единой картины происходящего, и кто знает, какая деталь может иметь значение?

Саша поднялась из-за стола, чтобы налить им чаю, пока Войтех собирал пустые тарелки, и на кухне вновь повисла тишина. Он знал, что она ждет этот разговор, поэтому заставил себя поставить тарелки в раковину и повернуться к ней.

– Саш, я полагаю, нам нужно поговорить.

– Я тоже так полагаю, – отозвалась она, все еще стоя к нему спиной, хотя чайник в руки так и не взяла. – И все жду, когда и ты начнешь это полагать.

В голове по-прежнему было пусто. Войтех не знал, что сказать. Вот ведь странно: после взрыва в лаборатории, когда он в очередной раз едва не погиб, а его дар как будто перешел на новый уровень, ему казалось, что он даже мысли читать теперь может. По крайней мере, он с легкостью угадывал, что именно его друзья собираются написать ему в Скайпе, и отвечал раньше, чем те успевали набрать текст. А сейчас даже

предположить не может, что скажет Саша и как отреагирует.

– Я знаю, как ты относишься ко лжи, – наконец начал он. – Но я начал лгать тебе и всем вам еще до того, как мы даже познакомились. Задолго до того, как ты стала так много значить для меня. И потом я уже не мог сказать тебе.

– Почему?

– Потому что мой контракт с ЗАО предполагал полную секретность.

– Ерунда.

Она повернулась к нему и глаза сверкнули гневом.

– Неужели ты думал, что я выдам тебя?

– А что бы ты сделала? Лгала всем вместе со мной, взвалила на себя смерть деревни отшельников и всех тех, кто еще погиб по моей вине?

– Мы бы что-нибудь придумали.

Войтех снова видел в ее глазах то самое упрямство, которого он тоже никогда не понимал. Неужели она действительно думает, что вместе они нашли бы какой-то другой выход?

– Что именно? – раздраженно спросил он.

Она молчала. Кухня в ее квартире была такой маленькой, что отойти друг от друга на комфортное расстояние не получалось, поэтому они стояли рядом, каждый уверенный в собственной правоте, и смотрели друг на друга.

– Саша, а ты уверена, что захотела бы что-то придумывать вместе со мной, если бы знала правду? Сама подумай, кто привлек тебя? Бывший космонавт, отчаянный авантюрист, способный потратить все деньги на расследования аномальных явлений. Готовый лететь на край света, чтобы раскрыть очередную загадку. А если бы ты знала, что это не авантюризм, а работа? Что я трачу не свои деньги, а деньги ЗАО? Что я догадываюсь, чем заканчиваются мои расследования, но все равно продолжаю их?

– Но ведь теперь же я это знаю, – гораздо тише, но все так же упрямо повторила она.

– И все еще готова что-то думать вместе со мной?

– Я же здесь.

– Потому что у тебя нет выбора. Я втравил тебя в историю с ЗАО, и это расследование – все еще ее продолжение.

Саша покачала головой, и упрямство на ее лице сменилось сожалением.

– Ты так ничего и не понял.

Войтех хотел спросить, что именно он не понял, но в этот момент их прервал звонок в дверь. Саша даже не шелохнулась, как будто не слышала

его.

– Ты не откроешь?

– Я никого не жду.

Звонок повторился.

– И все же тебе лучше открыть. Вдруг там что-то важное.

Саша тяжело вздохнула и отвела от него взгляд.

– Что-то важное только что было здесь, – заметила она. – Но ты нашел повод сбежать.

Она вышла из кухни в крохотную прихожую и распахнула дверь. На пороге стоял еще один человек, которого она тоже не ожидала сегодня увидеть.

– Максим?

Бывшему мужу она даже не сообщала о том, что вернулась в Питер. Звонила ему еще из Москвы, сказать, что с ней все в порядке, поскольку Ваня, разыскивая ее после похищения, позвонил и ему.

– Твоя мама сказала, что ты в Питере, – пояснил Максим, проходя в квартиру. Увидев Войтеху на пороге кухни, он остановился, и Саша поняла, что мама передала ему и то, что они с Войтехом поругались. Саша ни на секунду не допускала мысль, что Максим сможет простить ее, слишком уж хорошо она знала своего мужа, он наверняка приехал не за этим, но все же не ожидал увидеть здесь и Войтеху. – Я помешал? – его голос сразу стал на два тона холоднее.

– Нет, я уже ухожу, – точно таким же тоном, способным заморозить континент, ответил Войтех.

– Мы еще не договорили, – напомнила ему Саша.

– Договорим чуть позже, наверняка у Максима тоже что-то важное.

В его тоне Саше на мгновение почудился сарказм. Пока один одевался, а второй раздевался, она молча стояла на пороге гостиной, чтобы не мешать им в крохотной прихожей.

– Был рад повидаться, – теперь уже точно с сарказмом произнес Максим, протянув Войтеху руку не то для приветствия, не то для прощания, и тот, забывшись, пожал ее.

Саша видела, как он вздрогнул, резко отдернув руку и посмотрев на Максима с настоящим испугом в глазах. Только сейчас она поняла, что он забыл надеть перчатку: та осталась лежать на столе на кухне. Саша быстро принесла ее и протянула Войтеху. Он немного рассеянно кивнул, бросил еще один взгляд на Максима и поспешно вышел из квартиры.

– Что ты увидел? – спросила Саша вдогонку.

Войтех не обернулся, лишь замер на мгновение.

– Ничего, не бери в голову. Увидимся позже.

Саша молча захлопнула за ним дверь.

– Что это было? – недоуменно поинтересовался Максим, когда они остались вдвоем.

– Не бери в голову, – отмахнулась Саша и только потом осознала, что слово в слово повторила фразу Войтеха.

Максим не стал настаивать. Он действительно пришел не для того, чтобы выяснять отношения ни с самой Сашей, ни между Сашей и ее новым возлюбленным. Он протянул ей пакет, на который она до этого не обратила внимания.

– У меня для тебя подарок, Саша-растеряша.

– Там была Маша, – улыбнулась она, забирая у него пакет и заглядывая внутрь.

То, что она там увидела, заставило сердце забиться чаще. В пакете лежала ее сумка. Та самая, которая была с ней в момент похищения и которая, как она думала, погибла в огне лаборатории. Немного порванная и грязная, но та самая. Саша быстро вытащила ее и открыла. Паспорт и документы на машину лежали в первом же отделении, где она никогда не хранила их.

Она подняла удивленно-восторженный взгляд на Максима.

– Где ты ее нашел?

Тот улыбнулся.

– Это не я нашел, а какая-то женщина из твоего дома. Еще на прошлой неделе, но не знала, как найти хозяйку. Говорит, вешала объявления на парадных, но ты, как я понимаю, была в Москве. А пару дней назад к ней приехал внук и по адресу твоей регистрации нашел меня. Кошелек и мобильника там, как ты понимаешь, нет, но документы – это уже хорошо.

Саша облегченно выдохнула. Плевать ей на мобильник, а в кошельке все равно почти не было денег. Главное, что она избежит мороки с документами.

– Не представляю, по какой счастливой случайности мою квартиру не обворовали, а твою машину не угнали, – добавил Максим с улыбкой. – Можно считать, что нам с тобой невероятно повезло.

Саша кивнула, все еще не в силах сказать ни слова. Максим немного помолчал, разглядывая ее, а затем спросил:

– Расскажешь мне, как ты умудрилась потерять сумку и как оказалась без документов в Москве?

Саша тоже посмотрела на него, тяжело вздохнула и кивнула на гостиную.

– Проходи, это долгий рассказ.

Максим не заставил просить себя дважды. Когда он скрылся в гостиной, Саша торопливо открыла еще одно отделение в сумке и вытащила оттуда маленького розового монстра. Теперь на глаза навернулись слезы.

Глава 4

30 апреля 2015 года, 21.10

По лестнице Войтех почти бежал и, только оказавшись на улице, позволил себе остановиться и глубоко вдохнуть, подставляя лицо холодному ветру. Разговор с Сашей – или, правильнее сказать, попытка разговора – и так достаточно сильно выбил его из колеи, но столкновение с Максимом по-настоящему напугало. Не потому что он боялся Сашиного бывшего мужа. Его напугало видение, которое промелькнуло перед глазами, когда они пожали друг другу руки.

Это было всего мгновение, одна сцена, практически кадр, но от него тело начинало непроизвольно дрожать. Войтех видел пистолет в своих руках, и этот пистолет был направлен на Максима.

– Нашел где встать, – буркнула женщина, выходящая из подъезда следом, с трудом огибая его.

Только сейчас Войтех сообразил, что действительно остановился не слишком удачно: прямо у выхода. Он торопливо посторонился, а потом побрел вдоль дома, даже не застегнув толком куртку, позволяя пронизывающему ветру проникать под одежду. Сейчас он этого почти не замечал.

По какой причине он мог наставить пистолет на Сашиного бывшего мужа? При каких обстоятельствах? Когда это случится? Вопросы бешеным клубком крутились в голове, но Войтех не находил для них вариантов ответа. Кроме чрезмерно пугающих, о которых не хотелось думать.

А еще не хотелось вспоминать, но картинки прошлого сами собой выпрыгивали перед глазами, непрошенные и ненавидимые. Войтеху очень хотелось об этом забыть, но он не мог. Возможно, когда-нибудь и удастся, но пока прошло слишком мало времени, воспоминания даже не потускнели.

Он до сих пор ощущал в ладони рукоять пистолета. Слышал, как пикинула принятым кодом и отворилась дверь. Видел, как со звериным рычанием в комнату ворвались зомби, готовые разорвать его на куски по велению хозяина. Вспоминая об этом, он чувствовал, как правая рука тянется к виску, а в голове остается только одна мысль: «Главное – успеть, и чтобы насмерть».

Все изменилось за одно мгновение, но тогда он не успел его осознать.

Краем глаза он увидел, как некромант вошел следом за своими созданиями, противно скалясь. Он хотел видеть, как все произойдет, и это желание погубило его.

Когда-то давно Войтех не смог убить его. Он держал дуло пистолета у его головы, а рядом друзьям грозила смерть, страшная и мучительная. И тогда он не смог убить. Потому что на кону стояла не его жизнь? Потому что еще оставалось время? Войтех не знал.

Он знал только то, что в этот раз очнулся лишь тогда, когда некромант рухнул на пол с простреленной головой, и в то же мгновение все зомби тоже повалились как подкошенные.

Всего одно мгновение, которое он даже толком не запомнил, навсегда определило его место в этой жизни. Войтех оказался не героем, готовым пожертвовать собой ради других, а всего лишь тем, кто готов на все, чтобы выжить самому.

Нет, он не жалел об этом, и это обстоятельство его немного пугало. Он слышал о том, что убивать сложно только в первый раз, а потом это действие перестает быть чем-то из ряда вон выходящим. Ему удалось убедить себя, что такие экстремальные обстоятельства не считаются. Он совершил свое первое убийство практически неосознанно, не помнил ни сам момент выстрела, ни звук, его сопровождавший, а значит, никогда не совершит второе, если только не будет поставлен в аналогичные обстоятельства.

Он поверил в это и успокоился, и вот теперь видение всколыхнуло в нем свежий страх. Судя по видению, Максим ему ничем не угрожал, но он все равно навел на него пистолет. Почему? Может быть, все-таки потому, что он мешал ему помириться с Сашей?

Войтех остановился и тряхнул головой, прогоняя эти мысли. Нет, такого не может быть. Даже если Саша не простит его, а Максим ее – сможет, он просто пожелает им счастья. И, возможно, все-таки вернется в Прагу. Убивать более удачливого соперника он точно не станет.

Несколько раз повторив это про себя, как мантру, Войтех оглянулся по сторонам, пытаясь понять, куда забрел. Он плохо ориентировался в Питере – еще хуже, чем в Москве, – поэтому как ни пытался сориентироваться, не мог понять, в какую сторону ему идти, чтобы вернуться к съемной квартире. Перед ним была довольно широкая улица, полупустая в это время суток, с высокими старинными домами по обе стороны, которые осуждающе смотрели на нее грязными окнами, но Войтех никак не мог найти какую-нибудь табличку, на которой было бы подписано ее название.

Проходящий мимо мужчина зацепил его плечом, пробурчал извинение

и пошел дальше. Войтех понял, что он опять остановился посреди дороги. Достав смартфон, он отошел ближе к стене дома, чтобы никому не мешать. Самый простой способ сориентироваться и найти дорогу – загрузить карту.

Пока умный телефон искал его на карте, как будто специально делая это медленно и лениво, Войтех скользил взглядом по домам, людям, проезжающим мимо машинам. На город уже опустились сумерки, подсвечиваемые желтыми фонарями. Людей и машин вокруг было не так много, и именно поэтому Войтех заметил его.

Он стоял на противоположной стороне дороги и смотрел на него. Войтех сначала узнал его по одежде: в лаборатории в тот день он был одет точно так же. Потом уже заметил знакомую ухмылку и зафиксированный на нем холодный, змеиный взгляд.

Убедившись, что Войтех его заметил, некромант издевательски помахал ему рукой, а потом повернулся и пошел прочь.

Войтех не понимал, как такое возможно. Он видел этого человека с пулей в голове, тот был совершенно точно и бесповоротно мертв! Даже если это какие-то особые некромантские штучки, через пару минут лаборатория взлетела на воздух и сгорела в адском пламени, а вместе с ней сгорело и тело некроманта. Он сам едва успел выбраться и отбежать на безопасное расстояние, чтобы взрывная волна лишь немного оглушила его, но не покалечила.

Тем не менее Войтех не сомневался, что на другой стороне улицы был тот самый питерский некромант, словно вернувшийся с того света. И сейчас он уходил прочь.

Действуя на голых инстинктах, Войтех рванул вперед, стараясь не упускать мужчину в длинном черном плаще из виду. В результате он выскочил на проезжую часть прямо под колеса какому-то автомобилю, который оглушительно загудел на него. Войтех едва успел отскочить назад, увернувшись от столкновения в последнее мгновение.

Вторую попытку пересечь дорогу он предпринимал уже более осторожно, глядя по сторонам. Он все равно делал это в неположенном месте, поэтому машины возмущенно сигналили, но, к счастью, их было не так много, чтобы он не смог просочиться.

Тем не менее на какое-то время он потерял некроманта из вида и не сразу нашел снова. Тот уже добрался до конца улицы и поворачивал за угол. Войтех бросился вдогонку, хотя и не совсем понимал зачем. Добить его? Или просто убедиться, что это действительно он и он на самом деле жив?

Свернув за угол, Войтех оказался в небольшом переулке, совершенно

пустом. Некромант наверняка успел снова скрыться за поворотом. Следовало еще немного прибавить, хотя в глубине души Войтех понимал, что, скорее всего, уже окончательно потерял его. Тот знал этот город и этот остров гораздо лучше него, мог скрыться в любой подворотне, которую Войтех даже не заметит, проходя мимо.

Тем не менее он побежал вперед, надеясь увидеть, где снова мелькнут полы черного плаща. Людей вокруг совсем не было, заметить движение на пустой улице не так сложно.

Выбравшись из переулка, Войтех снова на мгновение замер. Прямо перед ним возвышалось старое, уже неиспользуемое здание с почти полностью выбитыми стеклами. То самое, в подвале которого некромант когда-то держал похищенных им девушек. Где-то поблизости должно было находиться старое лютеранское кладбище, но сейчас его, судя по всему, скрывало само здание.

Войтех не понимал, как он здесь оказался. Он думал, что находится совсем в другом месте, но части острова жили в его голове настолько разрозненно, что он вполне мог ошибаться. Через дорогу, у самого здания, он вновь увидел фигуру некроманта и поторопился за ним. Тот явно направлялся в свое прежнее убежище.

На этот раз дорогу он пересек без приключений: здесь машин не было совсем. Как и людей. Город словно вымер, давая Войтеху возможность остаться один на один со своим врагом. К тому моменту, как он добрался до полуразрушенного здания, некромант снова исчез из вида. Войтеху оставалось только войти внутрь уже знакомым путем и спуститься в не менее знакомый подвал. Лишь на лестнице, ведущей вниз, Войтех вспомнил, что сегодня, идя на свидание с девушкой, во избежание неловких ситуаций решил не брать с собой пистолет.

– Sakra, – сквозь зубы процедил он, вглядываясь в плотную темноту у подножия лестницы.

Здесь совсем не было света. Выбитые окна остались наверху, а в подвале он не видел даже собственных рук. Под ногами наверняка валялись разбитые кирпичи и доски, запнуться о которые и сломать себе что-нибудь не составило бы труда и при свете дня, что уж говорить о полной темноте. Тишина давила на уши, заставляя прислушиваться к каждому шороху, мучительно пытаться определить, кто издает его: случайная крыса или притаившийся за его спиной некромант. Ледяной холод змеей скользил по позвоночнику, скручиваясь в мерзкий клубок в животе.

Здравый смысл велел развернуться и пойти прочь. Рассказать друзьям о том, что он видел, взять оружие, а лучше – Нева, и снова прийти сюда.

Это было разумнее и безопаснее, но Войтех знал наверняка, что, когда придет сюда во второй раз, он здесь уже никого не найдет. Здравый смысл и на это заявил, что так будет только лучше, но Войтех проигнорировал его.

Достав из кармана смартфон и включив на нем фонарик, он медленно спустился к подножию лестницы и осторожно двинулся вперед, скользя лучом света по переплетению старых труб и до боли вглядываясь в странные силуэты, мелькающие в темноте, ища среди них человеческий. Рука, держащая смартфон, слегка дрожала от напряжения и бьющегося на грани разрыва сердца, но Войтех продолжал упрямо продвигаться вперед, не слушая ни здравый смысл, ни вопящую во всю глотку интуицию.

Когда за спиной у него раздалось приглушенное рычание, смешанное с хриплым дыханием, он даже не удивился. Он словно бессознательно – или все-таки вполне осознанно? – повторял собственное приключение двухгодичной давности. Как и тогда, обернувшись, он увидел перед собой пятерых мертвых бомжей. Он не мог сказать, были ли это те же бомжи или другие несчастные, убитые и поднятые некромантом: Войтех тогда не запомнил их лиц. Он выстрелил тогда одному из них в лоб, целился в других, и подсознание как будто нарочно стерло их лица из его памяти.

Как и тогда, он бросился бежать прочь, загоня себя в ловушку маленькой комнаты с замком на хлипкой двери. Он смутно помнил, что в прошлый раз ее выломали, но сейчас она почему-то вновь была на месте. Ее едва ли кто-то чинил, поэтому, скорее всего, он забежал в другое помещение, просто очень похожее. Подвал не отличался архитектурным разнообразием.

Заперев замок, Войтех отступил к противоположной стене, все еще с трудом понимая, что происходит и как он мог позволить загнать себя в эту ситуацию. На этот раз без друзей и без оружия. Войтех заранее знал, что не пройдет и двух минут, как зомби выломают дверь и ворвутся внутрь.

Единственное, что он в панике смог придумать, это набрать номер Нева. Удивительно, но в подвале на пустыре телефон отлично ловил сеть.

– Алло?

– Нев, вопрос на засыпку: а вы еще не научились мгновенно перемещаться в пространстве? – нервно спросил Войтех, не сводя глаз с двери, которая уже сотрясалась от ударов. – Вы вроде бы не раз хотели.

– Что? Войтех, это вы?

– Да, я. Я в подвале того здания... Ну, помните, где нас едва на куски не порвали мертвые бомжи? Так вот... Ситуация вроде как повторяется, и мне очень нужна ваша помощь.

– Войтех, я не понимаю, о чем вы говорите? – недоумевал в трубке

Нев. – Вы в порядке?

Войтех нервно рассмеялся.

– Пока да, но это ненадолго, – почти прокричал он в трубку. – Потому что я в ловушке, и с минуты на минуту меня порвут в клочья мертвые бомжи! Мне нужна ваша помощь, Нев!

В трубке повисло молчание, а дверь уже слетела с одной петли. Войтех сильнее сжал телефон в руке, чувствуя, что задыхается. На грудь давило что-то очень тяжелое, причиняя боль.

– Нев, пожалуйста, – пробормотал он, чувствуя, как в горле застревает ком страха. – Сделайте что-нибудь.

– Очнитесь, – велел Нев.

– Что?

– Вы знаете правила, Войтех. Просто очнитесь.

После очередного удара дверь слетела с петель, и зомби ворвались внутрь. В мгновение ока они оказались рядом с Войтехом, протянули к нему сильные руки, хватая его. Он дернулся, пытаясь освободиться...

И едва не свалился с узкой кушетки. К счастью, несколько рук удержали его и положили обратно.

– О, ну хоть очнулся, – весело заявил незнакомый мужчина в белом халате. – Уже хлеб. Вроде ничего не сломано, но голову надо бы проверить, возможно, сотрясение. Эй, приятель, ты как? Ты помнишь, кто ты? Знаешь, где находишься?

Войтех испуганно озирался по сторонам, все еще дезориентированный, но уже постепенно осознающий, что он в больнице. Кто он, он тоже помнил.

– Как я здесь оказался?

– Дорогу надо осторожнее переходить, – фыркнула полная медсестра, по-киношному держа перед ним шприц и выпуская в воздух струю прозрачного лекарства.

Войтех обессиленно откинулся на кушетку, чувствуя, как тонкая игла впивается в вену. Значит, ему все привиделось. Он шагнул на проезжую часть и не увернулся от столкновения, машина его все-таки сбила. Все остальное было его галлюцинацией.

Он облегченно выдохнул и улыбнулся, спокойно давая врачам делать свое дело. Все тело болело, как будто его били ногами, долго и упорно, но он помнил слова врача о том, что у него ничего не сломано. Это успокаивало.

Однако облегчения и спокойствия хватило ненадолго. Ровно до тех пор, пока он не вспомнил: некроманта, живого и невредимого, он увидел до

того, как неосторожно шагнул на проезжую часть.

30 апреля 2015 года, 22.40

пер. Каховского

– Да уж, вы с твоим Максом определенно везунчики, – Ваня закинул руки за голову и откинулся на спинку кресла, упираясь ногой в пол и медленно покачивая его, как кресло-качалку. – В одной сумке лежат ключи от машины, документы на нее, указан ее номер, ключи от квартиры с адресом регистрации, а у тебя украли только кошелек и мобильник.

– Мало ли где я зарегистрирована, ключи же могут быть и от другой квартиры, – пожала плечами Саша, закинув в рот очередной орешек, пачку с которыми она держала в руках, сидя напротив Вани.

– Согласен, – немного подумав, кивнул тот. – Но машина?..

– Ну, знаешь, украсть телефон и кошелек – это одно, тем более если сумка все равно валяется под ногами, а ограбить квартиру и угнать машину – все же немного другой уровень.

Ваня снова кивнул, лениво поглядывая в экраны ноутбуков, каждый из которых был разделен на несколько частей и демонстрировал мастерскую и гостиную Катерины. Они с Сашей остались в квартире, снятой Войтехом, вдвоем. Нев уехал к себе сразу после того, как они поставили камеры, а Лиля сегодня и не приходила. Вообще-то Войтех тоже должен был быть здесь, но когда Саша приехала сюда, Ваня сказал, что он не возвращался после свидания с Катей. Саша поняла, что он не возвращался после разговора с ней. Наверное, ему требовалось немного времени, чтобы побыть одному. Такое уже бывало. Немного волновало, что случилось это после видения, связанного с Максимом, но Саша велела себе не переживать раньше времени.

После того, как наблюдение было установлено, они решили, что кто-то должен постоянно находиться рядом и наблюдать за происходящим. Сама Катя вернулась домой сразу после обеда с Войтехом, немного поспала, а теперь на первом этаже квартиры готовила поздний ужин. Очевидно, собиралась работать ночью.

Смотреть было не за чем, поэтому Саша и рассказывала Ване о чудесном возвращении документов к ней.

– И все-таки интересно, кто украл кошелек и мобильник? – снова не выдержал Ваня. – Старуха, которая вернула Максиму сумку?

– Ей это зачем? Макс ей такое вознаграждение обеспечил, что мой двухлетний мобильник при самом лучшем раскладе уже столько не стоит, а

в кошельке и вовсе лежала какая-то мелочь.

– Во-первых, она не знала, что твой бывший ей заплатит. Во-вторых, так у нее остались и вознаграждение, и мобильник.

– И все равно я не думаю, что это она. Зачем тогда документы возвращала? Бросила бы сумку, и все. Как наверняка сделал тот, кто и забрал это все.

– Ты всегда думаешь о людях лучше, чем они есть на самом деле, – усмехнулся Ваня, покосившись на нее.

Саша ничего не ответила, потому что прекрасно поняла, на что он намекает. Некоторое время они сидели молча, наблюдая за тем, как Катя возится у плиты, а затем она наконец поднялась в мастерскую и зажгла в ней свет.

– О, сейчас художница творить начнет, приготовься, – прокомментировал Ваня, когда Катя аккуратно разложила возле мольберта с пустым холстом акварельные краски. – И все-таки мне кажется, нет там ничего сверхъестественного. Просто блажь дочки богатого папеньки и неумная фантазия творческого человека.

Саша покосилась на него, садясь немного поудобнее, чтобы было лучше видно экран ноутбука.

– Почему ты так думаешь?

– Да потому что мы уже третий день занимаемся наблюдениями и изучениями, а пока так ничего, действительно подтверждающего потустороннюю сущность, и не увидели.

– А как же странная картина? Войтех сказал, она у него настоящий ужас вызывает.

– Да у него все ужас вызывает, особенно после взрыва в лаборатории. Пока Лилька про перчатки не вспомнила, он же есть не мог нормально. Чуть вилку в руки взял – уже в обмороке лежит.

Саша промолчала. Ванины слова были некоторым преувеличением. Первые дни после случившегося в лаборатории, до того, как он начал постоянно носить перчатки, Войтех действительно ловил видения едва ли не от каждого прикосновения к предметам и людям, но все они были не настолько сильными, чтобы он терял сознание. Непрекращающаяся головная боль от них, конечно, тоже малоприятное последствие, но до обмороков дело не доходило.

– И все же иногда нужно, чтобы нашелся тот, кто поверит тебе даже без доказательств, – через некоторое время заметила она.

Ваня, который уже успел увлечься чем-то своим и забыл об их разговоре, удивленно посмотрел на нее.

– Ты о чем?

– Я о том, что если бы полтора года назад Макс верил фактам, а не доказательствам, которые были прямо противоположны моим словам, он бы не позвонил Войтеху, и меня давно бы не было в живых.

На этот раз пришла Ванина очередь молчать. К тому времени, как позвали их с Лилей, все было уже настолько плохо и очевидно, что не вызывало сомнений. Он никогда не задумывался, что было бы, если бы Максим ей не поверил.

– И все-таки больницы заполнены теми, кому что-то велят голоса, – вздохнул он, выпрямляясь в кресле.

От долгого сидения затекла спина, поэтому Ваня встал, потянулся и медленно огляделся. Зацепиться взглядом в этой квартире было не за что. Ее сдавали посуточно, и здесь не было ни одной интересной детали. Безликий диван, два кресла, шкаф, стол. Такая же картина и в соседней комнате, которую занимал он: еще один шкаф, широкая кровать с двумя тумбочками и книжный стеллаж, на котором лежала одинокая книга «Дети капитана Гранта».

Ваня вновь повернулся к ноутбуку и успел заметить тень, скользнувшую в мастерской от окна к стене, у которой творила Катя.

– Что это было?

Саша подняла голову и непонимающе посмотрела на него.

– Где?

– На экране. – Ваня пулей метнулся к креслу и принялся щелкать клавишами, увеличивая изображения с различных камер. – Мне показалось, с Катей в мастерской кто-то есть.

– Да нет там никого, я же смотрела, – неуверенно возразила Саша.

Она, конечно, смотрела, но мыслями была далеко, вспоминая давнишний разговор с Войтехом в отеле маленького поселка в Астраханской области. Он тогда признался ей, что если бы хоть один человек поверил в его рассказ об НЛО, ему было бы проще. С той ночи Саша часто думала над его словами, а собственные «приключения» с Темным Ангелом дали ей понять, насколько он был тогда прав.

– Кто-то прошел от окна к стене, – уверял Ваня, торопливо проматывая запись обратно, поскольку сейчас на камерах никого, кроме Кати, видно не было.

– Может быть, кошка?

Ваня точно знал, что это была не кошка, но ничего не ответил. Он промотал запись чуть дальше, чем было необходимо, и они с Сашей просмотрели ее три раза, но так ничего и не увидели.

– Да как так-то? – непонимающе возмутился Ваня. – Я же видел!

– Показалось, – пожала плечами Саша.

Еще минуту назад Ваня был уверен в том, что ему не показалось, но теперь факты утверждали обратное. Едва он собрался напомнить Саше ее же слова о том, что иногда нужно верить, несмотря на доказательства, как на одной из камер снова молнией метнулась какая-то тень. Гораздо быстрее, чем предыдущая. Теперь ее увидела и Саша. Она резко выпрямилась в кресле, уставившись в экран, а Ваня уже выискивал по камерам, где остановилась тень и откуда ее лучше видно.

На этот раз тенью действительно оказалась голая кошка-сфинкс Кати. Она стояла справа от окна и шипела не то на само окно, не то на большое зеркало рядом, не то на прислоненную лицевой стороной к стене картину.

Ни Саша, ни Ваня не успели произнести ни слова, как кошка снова выгнула спину, прижала к голове уши и с диким ревом унеслась в сторону лестницы на первый этаж, исчезнув с камер.

– Саш, я тебе точно говорю, в первый раз была не кошка, – заявил Ваня, но Саша его даже не услышала.

– Что она делает? – вместо этого спросила она.

Ваня увеличил изображение с той камеры, на которой была видна Катерина. Она стояла у той самой картины, которая напугала Войтеха, только та теперь не была закрыта тканью. Толстой кистью Катя наносила на холст беспорядочные черные линии, которые вплетались в общий сюжет как тонкие нити из брюшка паука в паутину. Саша поймала себя на мысли, что ей неприятно смотреть на эти линии. Нет, она не видела в картине ничего пугающего, скорее, неприятные чувства вызывала сама Катя. Она стояла очень прямо и водила рукой с кистью как механический робот с заданной программой. Ни на одной из камер не было видно ее лица, оно скрывалось за большим холстом, но Саша вдруг подумала, что на нем такое же бездушное выражение.

Минуту спустя кисть бесшумно выпала из ее рук и покатилась по полу, оставляя на старом вытертом паркете черную дорожку, как чуть раньше – на холсте. Катя прижала ладонь к шее, как будто ей вдруг стало тяжело дышать, второй рукой уперлась в холст и чуть наклонилась к нему. Пальцы судорожно расстегивали верхние пуговицы темно-розовой рубашки. Освободив горло, Катя добрела до окна и рукой, которой касалась картины, попыталась повернуть ручку, оставляя на ней черные пятна краски.

Саша вспомнила один из листов, которые так и остались устилать пол в ее гостиной. Черные буквы, складывающиеся в причину смерти Катиной матери, проплыли перед ее глазами так ясно, что она могла даже сказать,

как они располагались на странице.

– Черт! – Саша вскочила со стула, едва не опрокинув его. – Ваня, она сейчас выйдет в окно!

Тот удивленно уставился на нее, не понимая, почему она пришла к такому выводу. Катя тем временем уже справилась с ручкой и распахнула одну из створок огромного окна. Времени все объяснять не было, поэтому Саша без лишних промедлений бросилась к выходу, даже не подумав надеть куртку. В съемной квартире было прохладно, она часто выходила покурить, поэтому взяла из дома теплый кардиган. Не замерзнет и в нем. Сейчас нужно остановить Катю, во что бы то ни стало остановить.

Боковым зрением она видела, что Ваня следует за ней. Пользоваться лифтом они не стали, перепрыгивая сразу через три ступеньки, спустились вниз и меньше чем за минуту оказались у парадной Кати, а затем так же быстро полетели по лестнице вверх. Может быть, лифтом и было бы быстрее, если бы точно знать, что он ждет их на первом этаже, но Саша даже представить не могла, как они будут стоять в нем в ожидании, когда тот доставит их наверх. В голове испуганной птицей билась мысль, что они не успеют. Когда они выходили из дома, Катя уже открыла окно. Не исключено, что пока они бегут, задыхаясь, по ступенькам, она уже лежит на асфальте и их помощь ей не нужна. Саша усилием воли отогнала от себя эту мысль.

Добравшись до предпоследнего этажа, Ваня без лишних разговоров открыл дверь дубликатом ключа, который им все-таки прислал отец Кати, и они вместе вбежали в квартиру.

– Катя! – крикнула Саша, не останавливаясь: предстояло еще преодолеть лестницу в мастерскую.

На ее зов никто не отозвался. Ваня взбежал по ступенькам первым, поэтому именно он первым и увидел так и стоящую возле окна девушку. Она обернулась только сейчас, как будто и не слышала ни того, как в ее квартиру кто-то ворвался, ни того, как ее звали. Увидев незнакомого мужчину на пороге мастерской, она отпрянула назад, упершись спиной в другую створку окна.

– Вы кто такой?

Ее голос звучал испуганно, но совершенно нормально. Саша, появившаяся следом за Ваней, тут же велела:

– Отойди от окна! Катя, слышишь, отойди от окна!

Катя перевела взгляд на нее, все еще ничего не понимая.

– Кто вы такие? – в ее голосе послышались истерические нотки. – Как вы оказались в моей квартире?!

– Айболит, – Ваня чуть наклонил голову к Саше, не сводя взгляда с Кати, – кажется, она не собиралась бросаться из окна.

– Бросаться из окна? – переспросила Катя. – Вы сумасшедшие? Я сейчас полицию вызову!

Саша уже и сама поняла, что ошиблась. Нужно было срочно исправлять положение, пока они не испортили все расследование. Она шагнула чуть ближе к Кате, подняв руки, как будто хотела продемонстрировать, что не причинит ей вреда.

– Катя, послушай, мы не хотели тебя испугать...

– Стой где стоишь! – велела та. Она покосилась в сторону, и Саша, проследив за ее взглядом, увидела лежащий на низком столике мобильный телефон. Вот уж чего точно нельзя позволить, это чтобы Катя куда-то позвонила.

– Катя, – позвала она и, когда девушка снова повернулась к ней, твердо добавила: – Остановись.

Катя замерла, и Саша беспрепятственно подошла ближе, не отрывая от нее взгляда.

– Зачем ты открыла окно?

– Мне не хватало воздуха, – уже спокойнее ответила та. – Иногда так бывает. Я почти не проветриваю здесь, а краски сильно пахнут. Я хотела подышать свежим воздухом.

Саша слышала, как тяжело и многозначительно вздохнул в другом конце комнаты Ваня. Она подошла совсем близко к Кате, чувствуя, что та уже полностью в ее власти.

– Послушай, ты нас не видела. Ты рисовала картину, тебе стало душно, ты открыла окно, подышала свежим воздухом, затем закрыла его и пошла вниз пить чай, да?

Катя немного замешкалась, но затем все же кивнула.

– Отлично. Прямо сейчас ты закрываешь окно и идешь пить чай.

Катя снова кивнула, шагнула к распахнутому окну, захлопнула створку, повернула ручку, а затем прошла мимо Вани, как будто того и вовсе не было в комнате. Едва она скрылась на лестнице, Саша привалилась спиной к стене и потерла руками глаза. Не то чтобы гипноз дался ей тяжело, но на душе от этого стало не менее противно.

– Думаешь, сработает? – спросил Ваня.

– Почти не сомневаюсь, – заверила она. – Оно могло не сработать, если бы я давно не практиковалась, но знаешь, сколько раз меня заставили это сделать в лаборатории ЗАО?

– Тогда давай валить отсюда, – предложил Ваня. – Пока художница не

очухалась или Дворжак не вернулся домой и не увидел нас на камерах. – Он кивнул в угол, где стояла одна из камер.

Саша оторвалась от стены, но не успела сделать и шагу, как взгляд сам наткнулся на картину, которую рисовала Катя. Все внутри нее замерло, покрылось толстым слоем льда, сковало внутренности, и даже сердце перестало биться. Черные линии, складываясь в единую паутину, оплели ее коконом, перекрыв доступ кислорода. Саша почувствовала, как немеют конечности. Она не могла шелохнуться, не могла пошевелить даже пальцем, словно ее тело больше не принадлежало ей. Нечеловеческий ужас охватил все ее существо, она увидела перед собой далекий асфальт, почувствовала на коже холодные капли дождя. Попыталась сжать пальцы вокруг ледяного парапета, но те не слушались ее. Ладони скользили по железу и вот-вот могли оторваться от него, а тело – отправиться в свободный полет. Она, а вовсе не Катя, собиралась выйти из окна, как и должна была полтора года назад.

– Саш?

Голос Вани вывел ее из ступора. Она наконец смогла пошевелиться и торопливо отвернулась от картины. Далекий асфальт и капли дождя исчезли, но ощущение липкого ужаса намертво приклеилось к коже.

– Ты чего?

– Картина...

Продолжения не потребовалось, Ваня и так все понял.

– Что-то мне это надоело, – заявил он, подошел к Саше, быстро снял картину с мольберта и поторопился с ней к выходу.

– Идем, – велел он. – Дома разберемся, что за хрень тут нарисована.

30 апреля 2015 года, 23.30

пр. Науки

– Нет, я не знаю, где Войтех, – ответил Нев в телефонную трубку, наливая себе чай из маленького белого чайника. – Он не звонил и ничего не присылал, последний раз я общался с ним тогда же, когда и вы.

Он поставил чашку на обеденный стол и опустился на стул, краем глаза замечая, как в коридоре из ванной появилась Лиля в тонком шелковом халате, надетом поверх ночной рубашки. Она остановилась в дверном проеме кухни, скрестив руки на груди, и с интересом прислушивалась к разговору.

Нев улыбнулся ей и предположил в ответ на последнюю реплику собеседника:

– Может быть, у него появилось какое-то срочное дело? Вы же его знаете, он не из тех, кто будет предупреждать, скорее, расскажет все потом. Ладно, если до часу он не проявится, позвоните еще раз, я попытаюсь его поискать. Да, хорошо. Спокойной ночи.

– Кто звонил? – поинтересовалась Лиля, когда он сбросил соединение и положил смартфон рядом с собой на стол.

– Твой брат. Они с Сашей потеряли Войтеха. Он не отвечает на звонки, точнее, его телефон выключен.

Лиля удивленно приподняла брови, но, как оказалось, ее удивило не исчезновение Войтеха.

– Ты так спокойно разговаривал с Ванькой? Уже прогресс. Или тебя отпустило, когда все выяснилось?

Нев смущенно отвел взгляд в сторону. Он понимал, на что она намекает. Первое время, когда еще никто не знал об их отношениях, он дергался каждый раз, когда Ваня звонил Лиле, а сам нервничал, даже общаясь с ним в общем чате Скайпа.

– Просто мы поговорили. И мне кажется, все между собой прояснили. По крайней мере, я на это надеюсь.

Лиля широко улыбнулась, подошла к нему, обняла сзади за плечи, наклонилась и поцеловала в макушку.

– Я рада это слышать. Я же говорила тебе, что он парень странноватый, но не злой. Я была уверена, что он не станет разжигать между вами конфликт. И в драку не полезет.

Нев задумчиво кивнул, накрывая ее руку своей. Драки с Ваней он, конечно, никогда не боялся. Он боялся другого. Того, что тот может ему сказать. Лилин брат отличался не только мощным телом, но и очень острым языком. То, что другим людям не позволяло озвучивать воспитание, он легко произносил вслух. И как именно выглядит роман мужчины, которому недавно стукнуло пятьдесят пять, с женщиной, по возрасту годящейся ему в дочери, он мог расписать в ярких красках. Но когда их разговор все-таки произошел, все оказалось не так страшно, как рисовало воображение Нева. И после этого его действительно «отпустило».

– Ты спать идешь?

Нев покачал головой и показал ей на чашку и лежащую рядом на столе книжку.

– Захотелось выпить чая и почитать. Раз уж я наконец дома. А тут еще Войтех... Ты ведь слышала, если они не найдут его в течение полутора часов, придется искать мне.

– Как знаешь, – она поцеловала его еще раз, теперь в щеку. – А я

пойду, потому что с ног валюсь и засыпаю на ходу.

– Конечно, спи, я постараюсь не шуметь.

Лиля еще несколько мгновений оставалась неподвижна, как будто о чем-то думала, а потом скользнула руками по его плечам, выпрямляясь, и вышла из кухни, помахав ему напоследок.

Нев смотрел ей вслед, даже когда она уже исчезла из вида, не притрагиваясь ни к чаю, ни к книге. На самом деле он ничего перед собой не видел, погрузившись в воспоминания.

Он думал о том, как все начиналось четыре месяца назад. Как и обещала, когда они уезжали из Твери, Лиля приехала к нему тридцать первого декабря и осталась до конца новогодних каникул, отправившись обратно в Москву только вечером накануне рабочей недели. Эти двенадцать дней стали лучшими в его жизни, заставив поверить, что какой-то смысл в его появлении на свет все-таки был.

Они гуляли по городу, держась за руки, как школьники, грелись в модных кофейнях, ходили в кино, чтобы украдкой целоваться, сидя в последнем ряду. Шатались по магазинам, обедали в первом подвернувшемся ресторане, а ужин готовили вместе у него дома. По ночам занимались любовью и болтали о пустяках, пока не засыпали, а по утрам готовили друг другу завтрак. Лиля смеялась над его выбором домашнего питомца – красноухой черепахой – и грозилась подарить котенка. Мягкого, пушистого и теплого. Она подарила ему безумно удобный кашемировый свитер с высоким горлом, а потом заставила поменять оправу очков на более легкую и модную. Нев был на все согласен, с каждой минутой, проведенной с ней, чувствуя себя все моложе и моложе. И все же иногда по ночам, когда она засыпала на его плече, а он лежал, мучаясь бессонницей, в его голове бродили невеселые мысли и вопросы. Действительно ли ей нравится находиться рядом с ним? Не чувствует ли она себя с ним старше, как он с ней себя моложе? Как долго это продлится? И что будет с ними после, когда все закончится?

Однако время шло, а их роман не торопился заканчиваться, несмотря на то, что они жили в разных городах. Они созванивались по Скайпу каждый вечер, встречались самое редкое через выходные, Лиля всегда носила часы, которые он ей подарил. Она приезжала к нему, он ездил к ней, и она постоянно демонстрировала, что примерно на седьмом небе от счастья.

Иногда ему казалось, что все это могло бы сработать, будь он хотя бы на десять лет моложе. И порой ему хотелось этого так сильно, что от несправедливости жизни оставалось только до боли стиснуть зубы.

Пожалуй, постучись в его дверь дьявол и предложи продать душу за эти десять лет, он бы серьезно задумался.

Нев моргнул, усилием воли прогоняя эти мысли. Он не солгал Ване. Он был морально готов к тому, что его отношения с Лилей скоро закончатся, какими бы многообещающими они ни казались. Он предполагал, что это будет больно. Даже думать об этом было больно. Но у него останутся воспоминания. А это не так мало.

Он поднес к губам чашку с уже слегка остывшим чаем и раскрыл книгу, ища то место, на котором закончил ее читать. Ему казалось, что это было так давно, что он с трудом помнил, о чем она вообще. Тем не менее нужная страница нашлась, а первые же строчки напомнили и общий сюжет.

Как долго он сидел и читал, Нев точно не знал. Он дважды подливал себе чай и подсыпал в маленькую вазочку соленые крекеры со вкусом – как утверждал изготовитель – сыра. Сюжет захватил его настолько, что он собирался налить себе чай еще раз, хотя глаза уже слипались и болели.

Нев откинулся на спинку стула и снял очки, чтобы помассировать переносицу, собираясь еще раз вскипятить чайник, но в этот момент верхний свет сначала мигнул, а потом стал тускнеть на глазах, словно кто-то медленно, но неумолимо увеличивал в сети сопротивление.

Нев удивленно посмотрел на люстру, а потом и на продолговатую лампу, висевшую под кухонным шкафчиком и освещавшую рабочий стол. С той творилось то же самое. В конце концов он оказался почти в полной темноте, явственно ощущая в квартире чье-то присутствие. Не Лили, а кого-то другого. Или чего-то другого.

Он быстро соединил кончики пальцев, замыкая контур и выпуская силу, чтобы быть готовым ее применить, и встал из-за стола. Оглянулся, но рядом никого не оказалось. Тогда он сделал несколько шагов и вышел в темный коридор. Первым делом заглянул в спальню и убедился, что незванный гость, кем бы он ни был, не угрожает Лиле. В комнате царила крошечная темнота, которую не разведали даже фонари с улицы, но Нев подозревал, что того, кто вторгся в его жилище, не увидеть глазами. В спальне он его не почувствовал, поэтому прикрыл дверь, чтобы не разбудить Лилю возможным шумом.

Ему показалось, что темнота в конце коридора едва заметно шевельнулась, но это вполне могли быть игры разума. И все же Нев осторожно двинулся вперед, чувствуя, как покалывание с кончиков пальцев распространяется по всему телу. Его магия отзывалась на присутствие постороннего, а это могло значить только одно. И это было очень и очень скверно.

Нев давно ждал, когда они придут по его душу. В конце концов, черпая силу Темных Ангелов, он позволил себе пойти против одного из них, чтобы защитить Сашу. Едва ли они могли так это оставить. Он ждал, но понимал, что время и пространство ими воспринимается иначе. Что такое год или два для тех, кто начал свое существование до сотворения мира?

Или же все было проще, и они пришли из-за того, что случилось в лаборатории ЗАО?

Нев старался не думать о том, что там произошло. Сознательно гнал от себя воспоминания, постоянно повторяя, что это был не он. Не он убил всех этих людей. В тот момент он был лишь сторонним наблюдателем, впервые оказавшимся по ту сторону двери, и ничего не мог сделать. С каждым полученным им даром Избранник внутри него становился сильнее.

Может быть, еще один Ангел пришел сейчас, чтобы вручить ему свой дар?

Нев добрался до гостиной, так и не включив нигде свет. Он знал, что свет не защитит его и, скорее всего, будет так же легко усмирен, как лампы на кухне. Но в гостиной света уличных фонарей хватило на то, чтобы увидеть: нелепый гобелен, висевший на стене, сорван и валяется на полу, а дверь, которую он всегда держал запертой, распахнута.

Что-то коснулось затылка. Холодное, бесплотное, как порыв ветра. Потом исчезло, а секунду спустя появилось снова. И снова исчезло. На третий раз Нев догадался, что это дыхание. Что-то стояло у него за спиной, почти вплотную, и дышало в затылок. И в отличие от живых людей, дыхание у него было холодным.

– Кто ты? – тихо спросил Нев, даже не надеясь, что ему ответят.

Однако ответ прозвучал почти сразу:

– Вы называете меня Любовью.

Голос у говорившего был грубым, рычащим. Нев осознавал, что говорит он на чужом языке, на том же, на котором была написала Книга, но слова сами собой обретали смысл в его голове.

– Зачем ты пришел?

– Вручить тебе свой дар.

Нев нахмурился. До сих пор Ангелы действовали иначе. Книга – дар Власти – попалась ему случайно на «гаражной распродаже». Он купил ее за бесценок и только со временем осознал, что это. Жизнь и Смерть показали ему, когда он перешел в другое измерение, но не говорили с ним. Один сначала удерживал его в чужом измерении, а второй потом открыл ему портал и пустил обратно. Он не запомнил этого, воспоминания пришли позже, во сне.

И вот Любовь заявился в его дом и явно чего-то хочет? Почему?

– Сделка, – прорычал Ангел на ухо. – Отдай мне мое, я отдам тебе твое.

– Что?

Нев не понял, о чем идет речь, но потом почувствовал легкий толчок в спину и понял, что ему нужно идти в комнату-тайник. Там было совсем темно, но стоило ему войти, как лампочка под потолком загорелась. Слабо, неуверенно или даже просто неохотно.

Ее света хватило, чтобы увидеть, как лежавшая на маленьком столе Книга раскрылась, перелистнула несколько страниц и успокоилась.

Нев подошел ближе и заглянул внутрь. Это было описание ритуала. Ритуала, обратного тому, что он провел над Сашей полтора года назад. И которого не было в этой книге еще недавно. Но к этому Нев давно привык: Книга постоянно изменяла свое содержимое, ее невозможно было прочесть полностью.

Теперь слова Ангела стали ему понятнее. Тот хотел, чтобы Нев отдал ему Сашу.

– Сделки не будет, – уверенно отрезал он. – Ты ее не получишь.

– Мой дар – последний. Он откроет тебе полную силу. Так ли велика цена за него?

– Он не последний, – возразил Нев, сам не зная, зачем вообще разговаривает с этим существом. – Есть еще Перстень Богатства.

– Он уже у тебя.

Нев нахмурился. Он точно знал, что перстня у него нет, но голос Ангела звучал очень уверенно.

– Мой дар – последний, – повторил Ангел. – Путь в бессмертие. И всевластие.

– Бессмертие? – сердце Нева забилось сильнее. – И стареть я больше не буду?

– Ты никогда не умрешь. Никогда не состаришься. И весь мир будет принадлежать тебе. Так ли велика цена за это?

Нев промолчал. Лампочка под потолком внезапно погасла, а ощущение чужого присутствия испарилось. Похоже, сильно настаивать Ангел не собирался.

Или просто посчитал сделку заключенной?

Глава 5

1 мая 2015 года, 9.10

Покровская больница

Васильевский остров

Войтех надеялся, что его отпустят, как только подлатают голову и убедятся, что он в сознании, все помнит и все осознает, но врачи настояли на наблюдении до утра. Наблюдение заключалось в том, что вечером и утром ему измерили давление, посветили в глаза фонариком и спросили, жалуется ли он на что-нибудь. Войтех, естественно, уверенно заявил, что не жалуется, хотя чувствовал себя так, словно выпал из окна.

К счастью, из больницы связались с «родственниками»: по памяти Войтех смог продиктовать только Сашин номер, и его заверили, что по нему позвонят и предупредят о том, что он в больнице и что пробудет здесь до утра. А также о том, что волноваться совершенно не о чем и приезжать не нужно. Он искренне надеялся, что Саша и не приезжала.

Однако утром, не обнаружив ее в ни в коридоре отделения, ни в общем холле, он испытал нечто похожее на разочарование: раньше Саша наверняка примчалась бы, что бы он там ни просил, да еще и попыталась бы поручить процессом его обследования. Особенно если учесть, что его привезли в ту самую больницу, где она работает. Разочарование это продлилось ровно до тех пор, пока он не вышел на крыльцо. Саша обнаружилась там: стояла в «месте для курения», то есть у урны. Войтех против воли улыбнулся и подошел к ней ближе, стараясь не слишком заметно хромать.

– Я же сказал, что можно не приезжать. Добрался бы на такси.

Саша ушла в свои мысли так глубоко, что не обратила внимания ни на хлопнувшую дверь, ни на шаги за своей спиной, хотя слышала их. Только когда он заговорил, она вздрогнула и обернулась.

Она с самого утра перезвонила в отделение и на правах коллеги выяснила все подробности его состояния, но, приехав за ним, заходить внутрь не стала. В ее больничном листе стоял диагноз «пневмония», а внешний вид на него не тянул, поэтому она не хотела светиться перед коллегами и начальством. Однако не приехать не могла.

Дежурный врач убеждал ее, что Войтеху несказанно повезло: машина, перед которой он выскочил на дорогу, успела затормозить, удар был

слабым, поэтому он ничего не сломал и даже признаков сотрясения мозга нет. Теперь, когда она увидела его, небритого и как будто уставшего, ей показалось, что он пострадал несколько сильнее, чем она думала, но поскольку умирать на пороге больницы Войтех явно не собирался, она улыбнулась в ответ.

– Я решила сопроводить тебя на всякий случай, чтобы ты нечаянно еще и под такси не попал.

– Благоразумно, – кивнул он. – Тогда поехали. Я что-нибудь пропустил?

– Кроме фантастической картины, как Ваня, волнуясь за человека, над которым он всегда насмехался, звонит человеку, который спит с его сестрой, и спрашивает, не видели ли они друг друга? – Саша, которая уже успела выбросить в урну сигарету и направиться к припаркованной рядом машине, остановилась и состроила комичную рожицу.

– Боже, скажи, что ты сняла это на видео? – с притворным огорчением протянул Войтех, страдальчески скривившись. – Я бы так хотел это видеть...

Саша рассмеялась и продолжила путь к машине. Волнение, которое сопровождало ее всю бессонную ночь и которое звонок медсестры из больницы только усилил, наконец начало отпускать.

– Обойдешься, будешь знать, как не ночевать дома.

Они забрались в машину, и, выехав на дорогу, Саша нарочито будничным тоном добавила:

– А еще мы с Ваней украли у Кати картину.

– Что? – Войтех выразительно посмотрел на нее, удивленно вскинув брови. Прямо перед этим он хотел попросить заехать в какую-нибудь кофейню за завтраком, потому что умирал от голода, а в его съемной квартире в лучшем случае мог остаться кусочек пиццы. Однако после заявления Саши еда была забыта. – Зачем? И... как?

– А что еще ты хотел от двух человек, которые однажды в чужой стране взломали чужой офис? Нас опасно оставлять наедине, мы вечно нарушаем закон. На самом деле это я виновата, – она вздохнула и бросила на Войтеха быстрый взгляд, но тут же вернулась к дороге. – Мы с Ваней наблюдали за Катей, и в какой-то момент мне показалось, что она странно себя ведет. Она снова рисовала ту картину, которая напугала тебя, а потом открыла окно. Ну и я... – Она откашлялась, как будто ей было неловко признаваться в том, что она нафантазировала себе. – Я вспомнила, как погибла ее мать и испугалась. Мы с Ваней побежали к ней домой, но оказалось, что она просто хотела проветрить комнату. Но ты не волнуйся, я

малость подтерла ей память, она не помнит о нашем вторжении, и тебя мы не раскрыли.

– Ты правда считаешь, что твои манипуляции с чужой памятью могут меня успокоить? – насмешливо поинтересовался Войтех.

Он потер рукой лоб, приводя мысли в порядок. При этом задел шишку и болезненно поморщился, торопливо отдергивая руку.

– Ладно, что сделано, то сделано. Все лучше, чем если бы она действительно шагнула из окна. Скажи, как тебе картина?

Саша, конечно, заметила его гримасу, но решила пока ничего не спрашивать, сделать это чуть позже. Все равно он свернет разговор, раз уж сейчас есть для этого такой хороший повод – обсуждение расследования.

– Можешь себе представить, как она мне, если Ваня ее спер. Я как взглянула на нее, так... – Она тяжело сглотнула, вспоминая. – Ощущения были такими, как будто я снова стою на балконе по ту сторону перил и не могу управлять своим телом. Пальцы разжимаются, и я вот-вот упаду вниз с десятого этажа. Я от ужаса не могла от нее глаз отвести. Вот Ваня и украл ее, чтобы лучше разобраться дома.

– Значит, дело не во мне, – пробормотал Войтех. – Тогда, вероятно, причина в картине. Надо нам всем на нее посмотреть и сравнить ощущения. И обсудить. Дай телефон, пожалуйста. Нужно позвонить Неву и Лиле, а мой вчера безвременно скончался.

Саша взяла лежащую между сиденьями сумку и протянула Войтеху.

– В главном отделении возьми, а то если я начну искать, мы обнимем столб. Кстати, – она снова быстро посмотрела на него, – расскажешь мне все-таки, как так получилось, что внимательный и осторожный Войтех Дворжак попал под машину?

Залезая в ее сумку, Войтех тяжело вздохнул. К утру он окончательно запутался в собственных воспоминаниях и уже сам не знал точно, видел ли некроманта или все это ему показалось. Логика утверждала, что раз уж он кинулся на дорогу, не глядя по сторонам, то должен был увидеть что-то такое... шокирующее. И тогда получалось, что на той стороне улицы действительно стоял некромант.

В то же время здравый смысл твердил, что его не могло там быть, потому что он мертв. Чертовски трудно выжить, получив пулю в голову и взорвавшись. И даже если бы чудо случилось, то с чего некроманту снова возвращаться в Питер и лезть опять к нему, Дворжаку? Как некромант вообще мог узнать, что он в Питере?

И те, и другие аргументы звучали разумно, но противоречили друг другу.

– Мне показалось, что на другой стороне улицы стоит некромант, – все-таки признался он. – По крайней мере, так я это помню. Но я не уверен, потому что... – он не договорил, поскольку и так были понятны причины его сомнений.

Саша снова посмотрела на него, и на этот раз задержала взгляд надолго: красный светофор вполне позволял отвлечься от дороги.

– Но ты точно уверен, что... – Она осеклась, решив переформулировать свой вопрос. Они все знали, что Войтех убил некроманта, но, возможно, только Саша понимала, как он это переживает. – Что он погиб в лаборатории?

– Я, конечно, пульс не проверял, – признал Войтех, уже крутя в руках ее телефон, – но других вариантов не вижу.

Его рука замерла, а вместе с ней замер и смартфон. Войтех нахмурился, обдумывая внезапно пришедшую в голову мысль, которая могла все объяснить.

– Вероятно, опухоль дает о себе знать. Врачи же предупреждали, что могут быть галлюцинации. Я тогда подумал про видения, но вдруг одно другому не мешает?

Загорелся зеленый свет, но Саша так и продолжала стоять на месте и смотреть на него, пока ей не посигналили сзади. Нога автоматически переместилась на педаль газа, но лишь несколько секунд спустя Саша повернулась к дороге.

– Может быть, нам стоит позвонить Долгову? – как можно спокойнее предложила она. – Он диагност, занимался изучением таких опухолей. И, может быть, тебе будет легче, если он тебя обследует, а не я? Я понимаю, почему ты не рассказал обо всем мне, когда узнал сам.

– Да что толку от Долгова без медицинского оборудования? – фыркнул Войтех. – И никуда моя опухоль не денется, вернемся в Москву, тогда пусть и разбирается.

Он замолчал. Соблазн оставить ее последнюю фразу без комментария был велик, очень велик, но Войтех все же пересилил себя:

– Не знаю, как это понимаешь ты, но я тебе не рассказал потому, что не хотел тебя пугать. Не хотел, чтобы ты становилась рядом со мной врачом. Это вытеснило бы из нашей жизни все хорошее, что в тот момент было. А я и так всегда знал, что долго это не продлится. И не хотел сокращать срок еще и своей внезапной «болезнью».

Саша промолчала, преувеличенно внимательно следя за дорогой. Она много что могла сказать на это, но все слова были бы невзвешенными и импульсивными, разговор едва ли закончился бы чем-то хорошим.

Возможно, она просто испугалась, но решила дать ему время прийти в себя. И себе тоже.

– Ты, кажется, собирался звонить Неву и Лиле? – напомнила она спустя целую минуту. – Мы уже скоро будем дома, а им еще ехать и ехать.

– Тогда давай заедем куда-нибудь, где можно купить кофе и готовый завтрак, – предложил Войтех, принимаясь листать ее телефонную книжку в поисках нужного контакта.

Продолжать разговор об их отношениях ему тоже не хотелось. Как минимум, здесь и сейчас.

– О, ты голоден? – весело отозвалась Саша. – Это хороший признак, так и быть, Долгову пока не звоним. Я знаю неподалеку прекрасную кофейню, где подают вкусные и обильные завтраки. Будем есть там, потому что я голодна, кажется, еще сильнее тебя. А если мы возьмем с собой, угадай, кому достанется большая часть?

*1 мая 2015 года, 10.47
пер. Каховского*

Они позавтракали в кафе, где, как и обещала Саша, кормили действительно вкусно и сытно, по дороге договорившись с Невом и Лилей, чтобы те подъехали на квартиру, снятую Войтехом. Несмотря на выпитый во время завтрака кофе, Войтех заказал с собой еще пять порций капучино и три порции завтрака, посчитав, что продолжавший дежурить Иван одной едва ли наестся, а под чашку кофе, как показывал предыдущий опыт расследований, мозговые штурмы у них проходили лучше. Он полагал, что Лиля и Нев позавтракают у себя, но на всякий случай попросил с собой еще несколько круассанов. В глубине души он, судя по всему, тоже оставался голодным.

Кофейня оказалась достаточно близко к дому, чтобы они смогли добраться до него за считанные минуты, поэтому, когда Ваня открыл им дверь, вместе с ними в квартиру вошел запах кофе с корицей, свежей выпечки и все еще достаточно горячего омлета с беконом.

– Говорят, ты волновался за меня, – насмешливо заметил Войтех, протягивая Ване пакет с едой и подставку с кофе. – Будем считать это компенсационным завтраком.

Тот смерил его презрительным взглядом, но пакет взял. Судя по количеству чашек на столе рядом с ноутбуками, который был виден из маленькой прихожей, Ваня действительно был голоден и пытался набить желудок хотя бы кофе и чаем.

– У меня для тебя тоже есть подарок, – даже не пытаясь скрыть ехидство в голосе, сказал Ваня. – Копался тут в шкафу, нашел. Наверное, кто-то из предыдущих жильцов оставил. Им уже без надобности, а тебе в самый раз.

Он взял с полки, куда предполагалось класть шапки и шарфы, маленькую книжечку в яркой обложке, оказавшуюся «Правилами дорожного движения – 2015», и протянул Войтеху, широко ухмыляясь.

– Вот что ты за человек, Сидоров? – хмыкнул Войтех, забирая у него книжицу и тут же бросая ее на маленькую тумбочку.

Он собирался развить эту мысль, но в дверь снова позвонили: приехали Нев и Лиля. Последняя как всегда выглядела бодрой и цветущей, с аккуратным макияжем, красиво уложенными волосами и свежим маникюром, а вот Нев то ли плохо спал, то ли не с той ноги встал, то ли о чем-то глубоко задумался, потому что выглядел отстраненным и как будто чем-то недовольным.

Чтобы не толпиться в прихожей, Саша, Ваня и Войтех поторопились пройти в гостиную, где, кроме всего прочего, стояла украденная картина, накрытая клетчатым пледом, до этого украшавшим Ванину кровать. Минуту спустя к ним присоединились и Нев с Лилей. Ваня тут же открыл одну из коробок и с аппетитом принялся за омлет, а Войтех сдернул с картины плед, стараясь не смотреть на изображение, и повернулся к друзьям.

– Так, давайте по очереди. У кого какие эмоции при взгляде на картину? Иван, Лиля, Нев, в первую очередь меня интересуют ваши впечатления.

Ваня оторвался от яичницы и взглянул на холст, покрытый сумбурными темными линиями.

– Что вчера вечером мазню видел, что сегодня, – заявил он с набитым ртом. – Не понимаю, чего вы с Сашкой тут испугались.

Саша, предпочитавшая смотреть в окно, а не на картину, только хмыкнула, но ничего не сказала. Она понимала, что ей взглянуть на «шедевр» тоже придется, но пока оттягивала этот момент. Лиля же подошла к картине поближе, остановилась прямо напротив нее и несколько секунд разглядывала, наклоняя голову то в одну сторону, то в другую.

– Я вынуждена согласиться с Ванькой, – наконец констатировала она. – Я, конечно, не знаток искусства, но тоже не вижу здесь ни художественной ценности, ни чего-либо пугающего. Я и сама так нарисовать могу.

Нев, до этого не смотревший на картину, якобы увлекшись протираанием стекол очков, наконец водрузил их на нос и все-таки заставил

себя взглянуть на полотно. Он ожидал, что его снова утянет во внутренние страхи, как было в первый раз, но ничего такого не произошло. Он нахмурился и подошел ближе, теперь всматриваясь в темные штрихи до рези в глазах, но картина оставалась просто картиной.

– Странно, – прокомментировал он. – Когда я смотрел на нее в первый раз, она вселяла в меня ужас, гипнотизировала, пробуждала все самое темное. А сейчас... этого нет.

Услышав его слова, Саша тоже обернулась. Взгляд сам собой заскользил по темным линиям, в которых всего несколько часов назад она видела косые струи дождя, падающие ей на лицо, однако сейчас они оставались все теми же линиями. Она удивленно приподняла брови, тоже шагнув к картине. Даже протянула руку и коснулась холста, но все равно ничего не увидела и не ощутила.

– Я... тоже ничего не чувствую, – призналась она, удивленно посмотрев на Войтеха.

Тот уже тоже заставил себя посмотреть на изображение и пришел к тем же выводам, что и остальные: картина не производила совершенно никакого впечатления.

– Очень странно. Трое из нас, как я понимаю, раньше уже смотрели на эту картину и видели... каждый то, что его пугает. А сейчас ничего этого нет. Версии?

– В прошлый раз я смотрел на эту картину один, – вспомнил Нев. – Иван был занят камерами. Может быть, она не действует на людей, когда их собирается слишком много?

– Но ведь когда и вы, и я что-то видели в ней, рядом все равно был Ваня, – возразила Саша.

– Который, кстати, оба раза ничегошеньки не видел, – хмыкнул тот. – Может, вы просто слишком впечатлительные?

– Двое – это еще не толпа. Мы можем проверить версию Нева, выйдя из комнаты и заходя по одному, – предложила Лиля.

Они проделали этот эксперимент, но вновь никто из них ничего не увидел. Ваня за это время успел умять первую порцию завтрака и приняться за вторую.

– Из того, что еще приходит в голову, – продолжила Лиля, – другое время дня, иначе падающий свет. Насколько я понимаю, вы все смотрели на нее ближе к вечеру или ночью.

– Я смотрел в середине дня, Войтех как раз обедал с Катей, – напомнил Нев.

– Но все равно не утром, – Лиля пожала плечами.

– Ладно, этот вариант нам так быстро не проверить, – Войтех посмотрел на часы. – Значит, этим займемся ближе к вечеру. А пока давайте подумаем, как эта картина может быть связана с состоянием Кати. Я уверен, что это не совпадение.

– Так может быть, дело в самой Кате? – предположила Саша. – Она своего рода катализатор. Мы все видели что-то в ее присутствии.

– Когда видел я, ее не было дома, – напомнил Нев.

– Да что б вас, Нев! – усмехнулся Ваня. – Вы вообще ни в одну версию не укладываетесь.

– Ну все равно, это ее дом, ее мастерская. Там все пропитано ею, – не сдавалась Саша. – Ее вещи вокруг, ее запах...

– Частички отмершей кожи на полу, – снова хмыкнул Ваня.

– Приятного аппетита, – с сарказмом отозвалась Лиля.

– Тогда почему рядом с самой Катей я ничего такого не чувствую, только когда смотрю на картину? – Войтех нахмурился. Он взял один из стаканчиков с капучино – выбрал тот, в который насыпал корицу, – снял с него крышечку и сделал глоток, сверля взглядом картину.

– Возможно, она не столько катализатор, сколько посредник, – задумчиво предположил Нев.

– Посредник между кем и кем? – не понял Войтех.

Он как раз достал из пакета круассан и, заметив взгляд Лили, протянул остальное ей. Она как будто собиралась отказаться, но в последний момент передумала и все-таки тоже взяла себе один.

– Вам знакомо название «Гигантский кодекс»? – поинтересовался у Войтеха Нев, наблюдая за тем, как Лиля проигрывает соблазну, с едва заметной улыбкой.

– Мне? – удивился Войтех. – Нет. А что это?

– Его еще называют Библией Дьявола.

Нев сделал паузу, но у Войтеха на лице не промелькнуло ни следа узнавания.

– Я не силен в этих делах, вы же знаете, – пожал он плечами.

– Я спрашиваю именно вас, потому что создана эта книга была в Чехии, на рубеже двенадцатого и тринадцатого веков. По преданию, монах бенедиктинского монастыря согрешил и в качестве покаяния поклялся за одну ночь написать экземпляр Библии. С картинками. Естественно, сделать это было физически невозможно, но монах понял это слишком поздно. В итоге он якобы призвал дьявола и пообещал ему свою душу и страницу в книге, если тот поможет осуществить задуманное.

– Железная логика, – фыркнул Ваня, уже наевшийся двумя порциями

завтрака и тоже принявшийся за кофе. – Собирался списать грех, а в результате продал душу Сатане.

– С легендами такое случается, – заметил Нев немного недовольно. – Так вот, дьявол помог. И якобы его изображение в той книге – это автопортрет. То есть оно выполнено рукой монаха, но фактически нарисовано Лукавым. Конечно, все это только легенда. Потому что, как ни странно, книгу эту никогда не запрещали, Инквизиция ее не уничтожила, она существует и по сей день. Никаких темных историй с ней не связано, и изображение дьявола никого не сводит с ума. Да и исследователи сходятся во мнении, что написана книга была не за одну ночь, а лет за тридцать...

– Конечно, та книга, которую изучают историки, была написана за тридцать лет. За двадцать восемь, если быть точной, – заметила Лиля, жуя кусочек круассана. – А та, что была написана за ночь, хранится в чешском филиале Общества.

Ваня подавился кофе, и тот забрызгал ему светло-серую футболку некрасивыми пятнами.

– Черт тебя побери, Лилька, – проворчал он, стряхивая с себя еще не успевшие впитаться в ткань капли.

– У вас в самом деле хранятся такие вещи? – осторожно поинтересовалась Саша.

– Ну да, – Лиля пожалала плечами. – То, что невозможно уничтожить, лежит в хранилищах. Потому что открывать эту книгу и смотреть на ту самую иллюстрацию очень опасно. Смертельно опасно.

– Я подозревал нечто подобное, – кивнул Нев, глядя на Лилю почти не моргая. – И это не единственная легенда, по которой дьявол время от времени прикладывает руку к сотворению картин, книг, ювелирных украшений, скульптур и даже целых домов. Люди, создающие все это, становятся лишь проводниками. Посредниками. Через их творения темная сила пытается воздействовать на людей. Возможно, в данном случае требуется разглядывать рисунок, пока идет воздействие.

– То есть, по-вашему, эту картину, – Войтех кивнул на полотно, которое никто так и не занавесил снова, – нарисовал дьявол?

– Ну, я не уверен в том, что это тот самый дьявол, который описывается в Библии, – осторожно уточнил Нев, – но мы уже не раз сталкивались с темными потусторонними силами, способными воздействовать на людей.

– Ага, подарки им дарят, силой делятся, – проворчала Лиля, но Нев сделал вид, что не услышал.

– Мы говорим об одержимости, правильно? – подытожил Войтех. – Но

почему Катя? С чего вдруг в нее вселился бес?

– Мало ли по какой причине именно она, – пожала плечами Саша. – Иногда тебе вовсе и не нужно быть в чем-то виноватой, чтобы оказаться проклятой, – она машинально коснулась своего кулона, а затем вдруг посмотрела на Войтеху. – А может, это порча?

– Какая порча? – тут же заинтересовался Ваня.

– Соседка Кати утверждает, будто та постоянно ругалась с еще одной соседкой, потомственной ведьмой. И ведьма эта навела на Катю порчу. Может дело быть в этом? – Саша вопросительно посмотрела на Неву.

– Порча? – Нев задумался. – Смотря какая, конечно. Этот термин употребляют слишком широко, имея в виду просто дурное воздействие магией. Если соседка действительно ведьма, она могла и темную сущность на девушку натравить, и просто ослабить ее, из-за чего темная сущность почуяла в ней легкую добычу. Войтех, я бы вам порекомендовал встретиться с Катей снова и коснуться ее без перчаток. Мне кажется, если она действительно одержима, то вы это почувствуете.

– Но в первый раз не почувствовал, – возразил Войтех.

– А вы сосредоточьтесь, – посоветовал Нев. – Мне кажется, сейчас вы получаете видения проще, чем раньше. И скорее всего, можете выбирать, что именно видеть.

Саша обещала себе молчать, поэтому во время короткого диалога Невы и Войтеху нервно кусала губы, но к концу все же не выдержала:

– А мне кажется, что с такими вещами сейчас шутить не стоит без лишней необходимости. После того, что произошло, – она в упор посмотрела на Войтеху, надеясь, что он поймет. Рассказывать всем про видение с некромантом, не зная, хочет ли он этого, она не стала. – Хотя бы до того момента, как Долгов убедится, что все в порядке.

Войтех нахмурился ненадолго, а потом неуверенно предложил:

– Я могу коснуться ее, но ничего не форсировать. Мне кажется, в этом случае ущерб будет минимальным.

– А давайте я к этой ведьме наведаюсь, – предложил Ваня, чем удивил всех.

– Ты? – переспросила его сестра.

– Да задолбался я уже в четырех стенах сидеть! И потом, я с ведьмами разговаривать умею, они обычно меня любят, – он самодовольно усмехнулся.

– А если она не такая молодая и эффектная, как всем нам знакомая Эльвира? – приподняла бровь Саша, давая понять, что все поняли, на кого он намекает.

С ведьмой Эльвирой они познакомились два года назад, когда ездили на расследование в Астраханскую область, и хоть та активно подбивала клинья под Войтеху, именно с Ваней у них сложились самые *близкие* отношения.

– Я уверен, что молодая и эффектная, – махнул рукой Ваня. – Интуиция тут есть не только у Дворжака.

Войтех, который по разговору с соседкой представил себе ведьму однозначно пожилой, предпочел об этом промолчать. Он только пожал плечами и кивнул.

– Почему бы и нет? Попробуй узнать, как именно она порчу наводит. Она должна жить на первом этаже. Зовут Светлана.

Ваня поднялся с кресла, на котором сидел, и потянулся, похрустывая всеми суставами.

– Выложит мне все как на допросе, – пообещал он.

Глава 6

1 мая 2015 года, 12.40

пер. Каховского

Саша никогда не считала себя знатоком искусства и была так же далека от него, как Юпитер от Земли. С самого детства она знала, что будет врачом, потому что никакого другого выбора у нее в общем-то и не было. Ее родители были врачами, родители ее родителей были врачами, и даже прадед по отцу, муж той самой прабабки, которая наградила ее проклятием и подарила защиту от него, пожертвовав собой, был уважаемым врачом. Благодаря этому семья даже в самые худшие годы жила неплохо, прабабка могла себе позволить путешествовать, пытаясь найти способ избавиться от проклятия, и оставила в наследство большую трехкомнатную квартиру в самом центре города.

Саша с самого рождения росла во врачебном окружении и ни о какой другой профессии помыслить не могла. Учила химию и биологию, неплохо разбиралась в математике и была абсолютно далека от искусства даже в те годы, когда посещала хореографическую школу. Чем руководствовались родители, отдавая ее туда, она не понимала до сих пор. Она бросила танцы в двенадцать лет, как только осознала, что имеет право на собственные интересы и взгляды и не обязана во всем подчиняться взрослым. Когда она объявила о своем решении родителям, те лишь пожали плечами.

— Мы думали, тебе нравится, но если ты не хочешь, то не ходи, — заявила мама.

Саше действительно не нравилось. Преподаватели заверяли, что у нее неплохо получается и при ее комплекции она просто находка для парных танцев, но она ненавидела хореографию всей душой. А такой предмет, как история хореографии, и вовсе не укладывался у нее в голове. В школе Саша с легкостью запоминала сложнейшие химические формулы, в университете никогда не путалась в многочисленных названиях мышц на латыни, но запомнить, в какой стране появилась мазурка, и объяснить словами, чем отличается кадриль от польки, не могла категорически.

Не лучше дела обстояли и с живописью. Даже обязательные для всех петербургских школьников посещения Эрмитажа она переносила с трудом. Все время экскурсии еще могла бы провести в Египетском зале, рассматривая мумии, но стоять возле картин и слушать экскурсовода было

выше ее сил, навевало скуку и сон.

Вот и сейчас она непонимающе смотрела на стоящую перед ней картину Кати Ляшиной и не испытывала никаких чувств: ни восторга талантом мастера, ни восхищения красотой линий. Даже того липкого ужаса, который опутал ее в первый раз, тоже больше не было. Картина словно умерла. Поскольку ужаса больше не испытывал никто, ее не стали накрывать или поворачивать к стене, так и оставив стоять в проходной комнате.

Нев и Лиля уехали почти сразу после совещания, поскольку их помощь в расследовании пока не требовалась. Ваня ушел к ведьме, а Войтех после его ухода шепнул Саше, что, по его мнению, ведьма вовсе не так молода и красива, как рассчитывает их общий друг. Теперь Саша очень ждала возвращения Вани, предвкушая красочный рассказ. Сам Войтех, по камерам убедившись, что Катя дома, недавно проснулась и вроде бы никуда не собирается, отправился к ней. Саша осталась в его квартире одна, поскольку ей задания не дали, а ехать домой и сидеть там одной не хотелось. Вечером она обещала Максиму поужинать с ним «в благодарность за найденные документы», а до того момента была совершенно свободна.

Чтобы избежать искушения непрерывно наблюдать за ушедшим к Кате Войтехом, Саша решила заняться картиной. Пусть она ничего не понимает в живописи, но, на ее взгляд, конкретно в этой картине и понимать было нечего.

Саша была уверена, что в ней что-то есть. То, что поначалу вызывало ужас, но потом почему-то перестало действовать, стоило принести картину сюда. Конечно, дело действительно могло быть в Кате, но версию Лили с углом падения света тоже не стоило исключать. Саше не давал покоя тот факт, что Ваня, находившийся в мастерской и с ней, и с Невом, сам ничего в картине не увидел.

Она открыла один из Ваниных ноутбуков и нашла на записи нужные моменты с собой и Невом. К сожалению, записи с Войтехом не сохранилось из-за поломки камеры, причину которой они так и не выяснили. Ваня еще утром вырезал эти эпизоды и сохранил в отдельную папку. Саша по очереди просмотрела каждый, останавливая запись и внимательно рассматривая детали. И она, и Нев стояли ровно напротив картины, когда смотрели на нее, а Ваня – чуть сбоку. Судя по словам Войтеха, в момент видения он тоже находился прямо перед картиной. Может быть, дело в этом?

Саша торопливо встала с кресла, подошла к холсту и остановилась

напротив. Ничего. Сделала несколько шагов вперед, приближаясь, затем назад, чуть удаляясь. Ничего не произошло. Она снова взглянула на монитор, где стоп-кадром застыла она сама в студии Кати несколько часов назад. Теперь стоило попробовать воспроизвести освещение. Пусть они все испытали на себе воздействие картины в разное время дня, но все же?.. В этом городе ночи иногда бывают светлее, чем дни. Погода стояла пасмурная, а потому едва ли несколько часов будут иметь важное значение.

Саша притащила с кухни два стула и постаралась расположить их так же, как стоял мольберт в Катиной студии, а затем с трудом водрузила на них большую картину. Несколько раз поправляла, едва ли не с линейкой измеряя расстояние до окна и двери. Затем взяла плед, которым они поначалу укрывали картину, набросила его на полотно и, сосчитав в уме до десяти, резко сорвала его, повторяя ситуацию, в которой картину впервые увидел Войтех. И снова ничего. Все те же черные и серые линии, вызывающие лишь недоумение.

– Что же с тобой не так? – вслух пробормотала Саша, разглядывая эти линии.

Ей нужна была консультация того, кто понимает в живописи немного больше, чем она и ее друзья. Что если в картине есть какой-то секрет, который они не видят, но который увидит человек, знакомый с правилами и приемами живописи? В голову сразу пришла мысль, где такого человека найти. Одна из ее одноклассниц не далее как в прошлом году вышла замуж за самого настоящего художника, который не только писал картины, но и устраивал для них выставки.

Саша быстро схватила телефон и открыла список контактов, чтобы найти номер Риты. Хвала всем богам и современной технике, что все данные теперь синхронизируются со всякими облаками и учетными записями, и потеря телефона больше не приводит к их утрате. Стоит ввести свою электронную почту и пароль, как все контакты и фотографии тут же появляются в новеньком аппарате.

Маргарита Гронская, в девичестве Истомина, на самом деле никогда не училась с Сашей в одном классе, поскольку была на целый год младше. Зато ее бабушке, учительнице немецкого языка Вере Никифоровне, однажды досталось классное руководство в пятом «А», в котором училась Саша. В семь лет Рита потеряла обоих родителей в автокатастрофе, и бабушка забрала ее к себе. Из-за этого девочке пришлось сменить школу, но влиться в новый коллектив ей так и не удалось. Дети порой бывают жестоки: они не приняли скромную, вежливую сироту, переживающую тяжелую психологическую травму. Да и сама Рита не стремилась ни с кем

подружиться. После уроков она приходила к бабушке и незаметно сидела на задней парте, пока та вела занятия у других классов.

Так она и прожила бы в одиночестве все школьные годы, если бы класс, в котором училась Саша, не оказался невероятно дружным и не принял к себе внучку своей обожаемой учительницы.

Вера Никифоровна относилась к тем учителям, которые всю себя отдавали школе, умела рассказывать интересно даже самые нудные и непонятные темы, готовила много дополнительного материала, который приносил разнообразие в скучную школьную программу. Будучи довольно строгим преподавателем, она не выделяла среди детей любимчиков: могла запросто поставить двойку не выучившему урок отличнику и с гордостью нарисовать пятерку за прекрасную работу отстающему. Впрочем, по ее предмету отстающих почти не было. Она всей душой любила немецкий язык и сумела привить эту любовь своим ученикам. Она приносила на уроки фильмы, каждые выходные организовывала поразительные по содержанию экскурсии и интересные походы, тратила время и вдохновение, отдавая его ученикам, и те платили ей искренней любовью. Они взяли шефство над ее внучкой, и вскоре Рита настолько хорошо влилась в их класс, как будто давно в нем училась. Конечно, на уроки она ходила со своим классом, но на все экскурсии, в кинолектории, в музеи и в походы – только с классом Веры Никифоровны. Спустя полгода старшие на год дети искренне считали ее своей одноклассницей, а она тянулась к ним, стараясь не отставать, порой учась по их учебникам и делая вместе с ними домашние задания.

Общительная Саша, после окончания школы продолжавшая так или иначе поддерживать отношения со многими одноклассниками, перезванивалась и с Ритой. Они не были так уж дружны, Рита по природе своей ни с кем близко не сходилась, но поздравляли друг друга со всеми праздниками и запросто могли забежать в кафешку поболтать о жизни, если нечаянно встречались в городе.

Рита на звонок ответила быстро, но говорила почему-то шепотом.

– Я не помешала? – спросила Саша, не понимая причину такого странного ответа, хотя ей и показалось, что ее звонку Рита обрадовалась.

– Нет, что ты, – заверила та. – Просто малышка спит.

Саша нахмурилась, пытаясь вспомнить, когда разговаривала с Ритой в последний раз и упоминала ли та ребенка. По всему выходило, что после поздравлений с Новым годом, они не общались. Обе родились осенью, а всю зиму и весну Саша была занята личной жизнью, мотаясь между Санкт-Петербургом и Москвой. Ее едва хватало на общение с самыми близким

друзьями, к которым Рита не относилась.

– У тебя ребенок? Поздравляю! Когда ты успела?

– Так ведь на Новый год. Ты как раз звонила.

Саша только сейчас вспомнила, что, когда она позвонила в начале одиннадцатого вечера тридцать первого декабря, чтобы поздравить, разговаривала Рита странно и беседу быстро свернула. В этом была вся Маргарита: сказать, что «занята» и сейчас не самое лучшее время для поздравлений, она не могла, боясь обидеть собеседника. И в этом была вся Саша: поняв, что ее звонок не очень вовремя, она быстро прощалась, даже не думая обижаться, и тут же забывала об этом.

Справившись об имени и самочувствии новорожденной девочки и поболтав немного о всяких пустяках, Саша перешла к делу, сказав только, что ей подарили странную картину и она хочет, чтобы на нее взглянул кто-нибудь, кто разбирается в живописи.

– Конечно, я передам твою просьбу Марку, – тут же отозвалась Рита. – Думаю, он не откажется. Ты сможешь привезти ее?

Саша с ужасом взглянула на картину, которую с трудом подняла на стул, и представила, что ей придется тащить ее куда-то.

– Или она большая? – правильно поняла ее молчание Рита.

– Ну, так...

– Тогда я попрошу Марка приехать к тебе.

Договорившись о том, что если муж Риты не приедет к ней до вечера, то Саша сама привезет ему картину (она еще помнила, как Ваня легко ухватил ее одной рукой, и подумала, что ему не составит труда поехать с ней), они клятвенно пообещали друг другу встретиться в городе, как только потеплеет, и наконец попрощались.

1 мая 2015 года, 13.20

пр. Кима

Прежде, чем отправиться к Кате, Войтеху предстояло придумать, как именно это обставить. Он не был таким уж тонким психологом и знатоком женщин, но общался с ними достаточно, чтобы понимать: девушки вроде Кати не любят навязчивых кавалеров. Особенно если эти кавалеры уделяют много внимания, но не предпринимают решительных шагов по сближению.

Решительных шагов Войтеху предпринимать не хотелось, поскольку он понимал, что это наверняка похоронит и без того почти призрачную возможность помириться с Сашей. При этом ему требовалось как можно скорее увидеться с Катей, но не утомить ее своей странной активностью

так сильно, чтобы она больше не захотела с ним контактировать.

Это отметало возможность позвать ее в кафе, а для визита домой требовался какой-то благовидный предлог. Такой, чтобы Кате не показалось, будто он грубо вторгается на ее территорию, когда она того не хочет.

Решение он нашел минут за пятнадцать. Нужный реквизит – букет средних роз нежно-бежевого цвета, не слишком большой и без «нарядной упаковки» – искал и то дольше.

Однако час спустя после общего совещания он уже стоял на пороге квартиры Кати и нажимал на маленькую, тугую кнопку звонка.

Катя не открывала довольно долго. То ли его визит застал ее в мастерской, то ли она просто была не совсем одета. Когда она открыла дверь, он понял, что второй вариант был ближе к правде: хозяйка квартиры встретила его в удобной домашней одежде. На ней были брюки из мягкой ткани и объемная кофта, спадавшая с одного плеча. Влажные пряди волос рассыпались по плечам, и она промокала их небольшим полотенцем.

Как он и предполагал, на ее лице промелькнуло досадливое раздражение. Катя была не из тех женщин, что целыми днями ждут и радуются любому визиту кавалера. Нет, у нее наверняка имелись планы на день, которые его визит грозил нарушить. Поэтому Войтех поспешно поднял букет, чтобы она его увидела, и вместо приветствия произнес:

– Я на минуту. Просто был рядом с твоим домом, решил, что цветы могут стать хорошим началом дня.

Стоило Кате увидеть розы, ее лицо смягчилось. Цветы вообще оказывали на женщин почти гипнотическое воздействие. Даже те из них, кому цветы дарили часто, никогда не уставали их получать. Войтех считал главным не переборщить. Крупные темно-бордовые розы на длинных толстых стеблях выглядели слишком навязчиво и пошло, огромные букеты, искусно украшенные флористами веточками, ленточками и прочими завитушками – слишком кричаще. Они как будто в голос заявляли: «Я потратил очень много денег и рассчитываю что-то получить взамен». А небольшой демократичный букет нежных свежих роз вполне мог сойти за воплощение ни на что не претендующего пожелания доброго утра и хорошего дня.

Катя приняла цветы и посторонилась, чтобы он мог войти, но Войтех покачал головой и сделал вид, что торопится уйти:

– Нет, я действительно всего на минуту, надо по делам бежать. Просто хотелось тебя увидеть и, если получится, немного порадовать.

Катя, как он и ожидал, немного растерялась, но при этом прониклась

красотой момента, поэтому поймала его за рукав куртки и с улыбкой предложила:

– Может быть, хотя бы кофе выпьешь? Это не займет много времени, а я как раз собиралась завтракать.

Войтех улыбнулся в ответ. Теперь он был не грубым нарушителем ее личного пространства, а человеком, который ради нее откладывает какие-то очень важные дела. Весь негатив от его визита был погашен, и они оба заранее договорились о том, что не отберут друг у друга много времени.

Катя прошла в кухню-гостиную, на ходу повесив влажное полотенце на спинку стула. Также между делом она нажала кнопку на громоздкой кофемашине и, пока та прогревалась и промывалась, нашла цветам вазу.

Войтех задержался в прихожей, снимая куртку и ботинки. Немного подумав, он снял и перчатки. Если он собирается намеренно «ловить» видение, то стоит дать себе больше шансов.

Убирая перчатки в карман, Войтех испытал довольно странное, непривычное чувство. Он носил их постоянно не так давно, всего-то не больше недели. Они по-прежнему причиняли дискомфорт, но он начал к ним привыкать. И сейчас, сняв их в чужом доме, чувствовал себя непривычно незащищенным. Оставалось надеяться, что он не станет ловить видения от каждого предмета, которого коснется.

Когда он дошел до гостиной, Катя уже устроила цветы в вазе, поставила ее в центр обеденного стола и достала две чашки.

– Тебе с молоком или со сливками? – поинтересовалась она, не оборачиваясь к нему.

Войтеху не хотелось никакого кофе. Он уже успел выпить два больших капучино этим утром, которое у него началось гораздо раньше, чем у Кати, и понимал, что третья порция точно станет лишней. При всей своей любви к этому напитку, он не мог пить его как воду.

Однако Кате обо всем этом знать не стоило, поэтому он попросил себе латте. Он надеялся, что порция эспрессо затеряется в большом количестве вспененного молока.

Катя нажала на машине соответствующие кнопки и снова отвернулась, доставая из шкафчика квадратный хлеб в нарезке и загружая два кусочка в тостер.

– Ты есть хочешь?

– Нет, я уже позавтракал, спасибо, – заверил ее Войтех, специально не сядя за стол, чтобы никто из них не забывал, что он заскочил всего на минутку и очень спешит.

Катя удовлетворенно кивнула и наконец повернулась к нему, чтобы

вручить чашку с готовым напитком. Только сейчас она заметила обработанный порез и шишку у него на лбу.

– Господи, что с тобой случилось?

– Да так, под машину попал, – отмахнулся Войтех.

Он взял у нее из рук чашку, постаравшись соприкоснуться пальцами. Это было рискованно, поскольку он одновременно касался и ее руки, и чашки, но он понадеялся, что у чашки нет никакой информации, которой ей приспичило бы с ним поделиться.

Войтех оказался прав, но вместе с тем и прикосновение к пальцам Кати не имело никакого эффекта. Кроме того, что она улыбнулась, по своему расценив этот жест, и заметила, что он без перчаток.

– А как же твои экстрасенсорные видения? – насмешливо поинтересовалась она, кивая на его руки. – Не боишься увидеть что-нибудь?

– Боюсь, – Войтех пожал плечами. – Но иногда приходится рисковать, чтобы не терять контакт с миром. У тебя все в порядке? – он поторопился сменить тему. – У меня такое чувство, что что-то случилось.

Катя скорчила рожицу и закатила глаза.

– А ты, видимо, действительно экстрасенс. Да, у меня была какая-то очень странная ночь, – она вздохнула, избегая встречаться с ним взглядом. – Впрочем, у меня в последнее время такие ночи постоянно.

– А что именно странного? Не бойся, расскажи мне. В конце концов, странное – часть моей жизни.

Она осторожно покосилась на него, заметно хмурясь. Войтех видел, что ей не хочется об этом говорить. Как и большинство людей, столкнувшихся со сверхъестественным, она старалась игнорировать проблему, замалчивать, продолжая надеяться, что все это плод ее воображения и оно как-то само исчезнет. Но потом выражение ее лица изменилось: она приняла важное для себя решение. Еще раз вздохнув, она быстро и сбивчиво заговорила:

– Да мне в последнее время часто мерещится всякое, а потом время как будто пропадает. То ли провалы в памяти, то ли я в ступор впадаю, то ли из реальности еще как-то выпадаю. Одно радует: я пока ни разу не приходила в себя неизвестно где и неизвестно с кем, все это только дома со мной происходит. Но я то прихожу в себя у картины, которую не помню, как рисовала, то сегодня вот одной картины не досчиталась. Точно помню, что вчера она была на мольберте. Я работала вечером с другой. Мне стало жарко, и я решила проветрить немного, но потом вдруг проснулась утром уже у себя в постели. Причем я успела переодеться и даже умыться, легла в

постель, но ничего этого не помню. И картины нет. Той, которая тебе понравилась в прошлый раз. Что я с ней сделала? В окно выбросила?

Она замолчала, не справившись с эмоциями. Войтех видел, как заблестели ее глаза, и мысленно выругался. Ситуация с картиной, судя по всему, только усугубила общее состояние Кати, добавив ей переживаний. И хотя сам он не участвовал в похищении картины, сейчас чувствовал себя виноватым.

– Я уверен, что всему есть объяснение, – осторожно заверил он. – Не скажу, что оно всегда рациональное. Порой оно бывает настолько невероятным и страшным, что в него сложно поверить. И не хочется верить. Иногда проще решить, что ты сходишь с ума, но это не всегда правильное объяснение.

Теперь она посмотрела на него с любопытством, улыбнувшись сквозь непролитые слезы.

– Ты так говоришь об этом, словно знаешь по себе.

– Катя, я вижу моменты прошлого и грядущего, когда прикасаюсь к людям и предметам, – Войтех выразительно посмотрел на нее. – У меня была масса возможностей решить, что я просто спятил и вижу галлюцинации. Я и сейчас иногда так думаю, – мрачно добавил он, вспоминая случившееся накануне.

– А ты можешь увидеть мое прошлое? – неожиданно спросила Катя, отставляя в сторону чашку с почти нетронутым кофе. Ее тосты тоже давно выскочили из тостера и сейчас грустно остывали, полностью ею забытые. – Прикоснуться ко мне и посмотреть, что произошло вчера?

Это было неожиданной удачей. Теперь у Войтеха появилась прекрасная возможность не скрываясь сделать то, за чем он пришел. Причем сделать это так, как предлагал Нев: спокойно сфокусировавшись и постаравшись «позвать» нужное видение. Только слова Саши сдерживали его.

Однако Катя смотрела на него с такой надеждой, что он не смог ей отказать. В конце концов, раз уж ему достался этот дар, следует им пользоваться.

Он тоже отставил в сторону чашку и приблизился к Кате, серьезно глядя ей в глаза.

– Я только хочу предупредить: это работает не совсем так. Не я выбираю видения, а они меня. Все, что я могу, – это попытаться увидеть, но что именно мне явится, я не знаю.

– Да черт с ним, – отмахнулась Катя. – Хотя бы попробуй.

Войтех кивнул и аккуратно приложил ладони к ее щекам, думая,

конечно, не о том, что случилось накануне – это он и так прекрасно знал, – а о картине, о том моменте, когда он впервые ее увидел.

Видение пришло быстро и почти безболезненно. Полыхнуло перед глазами яркой вспышкой и оказалось непривычно внятным, насыщенным. Войтех разглядел его до мельчайших деталей. Но несмотря на то, что в этот раз все прошло достаточно легко, он все равно отдернул руки от Кати довольно резко и пошатнулся, отступая назад.

– Что? Что ты видел? – испуганно спросила Катя, замечая его удивленный и немного растерянный взгляд.

– Как ни странно, я видел... не тебя.

Глава 7

1 мая 2015 года, 13.30

пр. Науки

– Вот ты где, – удивленно протянула Лиля, останавливаясь на пороге потайной комнаты Невы и не решаясь пройти дальше. – Я звала тебя, но ты, видимо, не слышал.

Нев не обернулся, как будто так и не услышал ее. Лилия неловко переступила с ноги на ногу, глядя ему в затылок и гадая, в чем дело. Он никогда ее не игнорировал, а сейчас продолжал стоять у окна – того самого, в котором она когда-то проделала отверстие, чтобы забраться в его квартиру, – и смотреть на улицу, словно там происходило нечто настолько захватывающее, что он никак не мог оторваться.

Станным было и то, что он смотрел в окно именно этой комнаты, хотя обычно старался даже не открывать ее, когда Лилия была дома. Она оглянулась по сторонам и едва заметно поежилась. Это место пугало ее. И не только из-за неприятного эпизода, произошедшего здесь, хотя сердце до сих пор начинало биться быстрее, когда она вспоминала, как каменеет тело и дышать становится труднее от прикосновения к его книге.

Комната была полна странных предметов: пугающих статуэток, масок, старых книг, шкатулок с неизвестным ей содержимым... Некоторые предметы выглядели реквизитом не то к ужастику, не то к экранизации фэнтези, а другие, напротив, настолько обыденно и невинно, что пугали еще больше, потому что выбивались из общего ряда.

Лиле казалось, что все это место пропитано угнетающей энергетикой, и находиться в комнате ей было неприятно. Даже если эта «энергетика» существовала исключительно в ее воображении, которое подстегивал всегда тяжелый, немного спертый воздух: Нев редко проветривал здесь.

Когда он не отреагировал на очередной оклик, Лиле пришлось пересилить себя и пройти в комнату, чтобы тронуть его за плечо.

– Нев!

Он так вздрогнул, словно внезапно что-то с диким грохотом упало рядом с ним. Это в свою очередь заставило вздрогнуть и Лилию.

– Прости, не слышал, как ты вошла, – переводя дыхание, виновато объяснил Нев свою реакцию.

– Неужели? – Лилия не удержалась от саркастичных ноток в голосе. – А

как я звала тебя сто раз, тоже не слышал?

– Прости. – Он смущенно улыбнулся, избегая смотреть ей в глаза, снял очки и потер переносицу. – Слишком глубоко задумался.

– О чем же? Об этой картине? Поделись, – предложила Лиля, скрестив руки на груди и глядя на него с тревогой.

– Нет, – признался Нев, делая шаг в сторону и по-прежнему избегая встречаться с ней взглядом. – То есть не совсем. Сначала я думал о картине и о Кате, а потом ушел мыслями в какие-то дебри. Знаешь, как это бывает?

Он неловко пожал плечами и прошелся по небольшой комнате, протирая очки платком, который достал из кармана брюк. Лилия провожала его скептическим взглядом. Она не припоминала, чтобы он когда-нибудь задумывался настолько глубоко, чтобы не слышать ее. Даже зачитываясь книгами, он пусть не сразу, но реагировал на ее голос.

Нев остановился рядом со столиком, на котором лежала Книга Темных Ангелов, и замер, глядя на нее. Рука, протиравшая стекла очков, почти остановилась.

– Я подумал о Саше. О том, что она сказала: не нужно быть в чем-то виноватой, чтобы потусторонняя сущность прицепилась к тебе. Она ведь страдает, ты знаешь? Я защитил ее от Ангела... Точнее, восстановил защиту, но такая жизнь не совсем полноценна, да? И с этого мысли перескочили на ритуал...

Сердце Лилии пропустило удар, а потом тревожно забило быстрее. В глубине души она сразу поняла, о чем идет речь: соединить мысленно Сашу, ритуал и книгу, на которую Нев задумчиво смотрел, не составило труда, но она все же решила уточнить:

– На какой ритуал? Ты имеешь в виду тот, что мы провели, чтобы восстановить защиту ее кулона?

Он не ответил. Продолжал стоять неподвижно, глядя на книгу и сжимая в одной руке дужку очков, а в другой – платок, который уже отнял от прозрачного и как всегда абсолютно чистого стекла. Висевшие на стене старомодные часы – одни из тех, из которых каждый час выпрыгивала кукушка, – громко тикали, действуя на нервы. Лилия смотрела на Нева, разве что дыхание не затаив, не понимая, что с ним вдруг случилось. Она заметила его странное состояние еще утром, но решила, что он просто засиделся допоздна с книжкой. С ним такое бывало: когда он увлекался, он сидел на кухне часов до четырех утра, подливая себе чай и таская из коробки печенье, а на утро едва мог продрать глаза, выглядел заторможенным и впадал в прострацию, засыпая на ходу.

Теперь она поняла, что дело не в увлекательной книжке. Нев наконец

повернулся и встретился с ней взглядом. Его лицо было бледным, под глазами залегли тени, а сами глаза казались чужими и холодными.

– Скажи, а дар Богатства – Перстень Темных Ангелов – ведь тоже у вашего Общества? – вместо ответа на ее вопрос поинтересовался Нев.

Он спросил это так спокойно и уверенно, что у Лили по спине побежали мурашки. Несмотря на всю обретенную силу, Нев мало изменился в повседневной жизни. Может быть, стал немного увереннее в себе и веселее, но в целом разница была не очень заметна.

Кроме таких вот моментов, когда его взгляд становился холодным, равнодушным и вместе с тем пробирающим до костей. Зрачки не расширялись, то есть он в такие моменты не призывал Избранника и его силу, но Лиле казалось, что иногда Избранник сам незаметно выбирался наружу. В такие моменты Нев ее по-настоящему пугал.

Ее взгляд машинально метнулся к двери, но та осталась слишком далеко. Чтобы добраться до нее, Лиле пришлось бы миновать Нева, а он смог бы ее перехватить. Хотя даже успеет ли она выскочить за дверь, что дальше? Едва ли можно убежать от темного мага.

Лиля прикрыла глаза и тряхнула головой, прогоняя эти мысли. Откуда они вообще взялись? Нев ведь ничего такого еще не сделал и не сказал...

Да, только спросил про Перстень Темных Ангелов, который она выкрала из-под самого его носа пару лет назад, пользуясь тем, что тогда никто не знал правду о ней, ее работе на Общество и роли в их команде.

Почему он вдруг вспомнил об этом сейчас?

– Лиля?

Голос Нева заставил ее снова открыть глаза и посмотреть на него. Чужой холодный взгляд испарился, Нев смотрел на нее как обычно, слегка хмурясь. Может быть, все это ей вообще привиделось?

– Прости, что ты спросил? Кажется, теперь задумалась я, – она нервно улыбнулась.

– Я говорил о Перстне Ангелов, – повторил Нев. – Я думал о том, что ты сказала сегодня утром. Про Библию Дьявола. И понял, что твое Общество, скорее всего, владеет и Перстнем. Так ведь? Мы знаем, что он принадлежал колдуну, останки которого мы нашли в пещере в Красном Яре. И мы знаем, что его убили люди из Общества. Вероятно, они забрали и Перстень. Уничтожить его нельзя, как и Книгу. Значит, он хранится где-то у вас. Так?

– Зачем тебе это? – Лиля нахмурилась. – Тебе мало той силы, что дает Книга?

– Не только Книга, – заметил Нев, надевая очки обратно. – Еще два

Ангела отметили меня своей милостью. Смерть и Жизнь.

Лиля почувствовала, как холодеют пальцы. До сих пор она была уверена, что он не осознает этого. Ведь он сам когда-то говорил, что не знает, какие именно дары приносят Жизнь, Смерть и Любовь. И утверждал, что не помнит, как умирал однажды на целых полчаса. А оказывается, он в курсе всего.

– И что, тебе не терпится собрать все их дары? – с отчаянным вызовом в голосе и взгляде поинтересовалась она. – Чтобы стать всемогущим?

Нев улыбнулся и покачал головой. Он подошел к ней ближе, положил руки на плечи и поцеловал в уголок рта.

– Лиля, той силы, что у меня есть, больше, чем достаточно. Я никогда не стремился ни к чему подобному.

Она немного расслабилась, улыбнулась ему в ответ и спросила уже спокойнее:

– Тогда зачем тебе Перстень?

– Мне он не нужен, – пожал плечами Нев. – Я же говорю, просто мысли прыгали по разным темам, и я вспомнил о нем. Насколько я понимаю, дар Любви такой же неосознанный, как и у Смерти с Жизнью. То есть Перстень – единственный артефакт Ангелов, который может где-то быть. И достаться кому-то не тому. А потом я понял, что, вероятно, зря беспокоюсь по этому поводу. Наверняка он где-то у вас, в безопасности. Просто скажи, так это или нет, не надо говорить, где он. И я не собираюсь тебя просить его достать. Меня всего лишь пугает мысль, что еще какой-нибудь безумец, вроде некроманта, который орудовал в Питере и которого Войтех убил, может добраться до него.

– Перстень в безопасности, – заверила Лиля. – Можешь не волноваться.

По его губам скользнула удовлетворенная улыбка.

– Вот и славно. Так зачем ты меня искала?

– Хотела уточнить: разве ты не собирался ехать в университет? Ты же говорил, что у тебя какие-то дела. И будешь ли ты перекусывать что-нибудь?

Нев посмотрел на часы, демонстрируя притворный испуг.

– Ты права, что-то я совсем замечтался. Нет, перекусить уже не успею, но буду очень благодарен, если ты сделаешь мне пару бутербродов с собой.

– Конечно, я мигом, – заверила Лиля, заторопившись к выходу из комнаты. – Не забудь только здесь все запереть, – на всякий случай напомнила она, исчезая из вида.

– Не забуду, – тихо пробормотал Нев, глядя в самый темный угол

комнаты, в котором все это время стояла молчаливая и неподвижная фигура в бесформенном балахоне. – Не торопи меня. Сделка заключена, но ты же можешь подождать?

Конечно, ему ничего не ответили. Фигура просто молча испарилась.

1 мая 2015 года, 13.45

пр. Кима

Ваня нравился женщинам с самого рождения. Еще когда они с Лилей, два одинаковых пухлощеких светловолосых карапуза, только делали первые шаги, все дворовые мамочки уже завидовали их матери, теребили двойняшек за щечки и говорили, что из них вырастут невероятной красоты дети. В детском саду Ваня непременно был заводилой во всех играх, чем умилял воспитателей и нянечек. Они даже прощали ему периодические драки с другими мальчишками, утверждая, что те начинали первыми. Впрочем, это было неудивительно: едва научившись говорить, Ваня уже не мог держать язык за зубами.

В младших классах очередь из одноклассниц, желающих, чтобы он донес им портфель до дома, выстраивалась такая, что Ване пришлось подкачать руки. Зато девочки позволяли ему безнаказанно дергать себя за косички и угощали конфетами. В старших классах девушки бросали на него томные взгляды, давали списывать и выстраивались в другую очередь – на дискотеках, когда объявляли белый танец.

Примерно лет с семнадцати Ваня начал замечать на себе заинтересованные взгляды и женщин постарше, поэтому не было ничего удивительного в том, что опыта он набирался с ними, поражая потом сверстниц, бесконечные очереди которых никогда не уменьшались. Как Лиля выросла в прекрасную девушку, так и он – в привлекательного мужчину, который получил два высших образования, умел зарабатывать неплохие деньги (кому какое дело, каким образом?), увлекался экстремальными видами спорта, а потому много времени проводил в спортзале. Только если Лиле полагалось блюсти нравственность и девичью честь, то Ваню в этих вопросах никто не ограничивал.

В общем, проблем с женщинами он никогда не имел и был уверен, что очарует и разговорит соседку Катерины в два счета.

Возле парадной Кати на лавочке сидела мамочка с коляской, и Ваня остановился возле нее.

– Не подскажите, в какой квартире живет Светлана?

Молодая женщина подняла на него взгляд, продолжая одной рукой

покачивать коляску, из которой доносилось недовольное кряхтение, наводившее на Ваню священный ужас.

– Светлана?

– Говорят, она у вас тут местная ведьма, – Ваня улыбнулся, и женщина тут же вспомнила необходимую ему информацию:

– Это Михална, что ли? Во второй.

– Отчества, к сожалению, не знаю, только то, что она ведьма.

– Ну да, ведьма она, как же, – хмыкнула женщина, и Ваня тут же опустил на лавочку рядом с ней. Сплетни лишними не бывают, вдруг удастся выяснить что-нибудь интересное? – Хотя, это как посмотреть, – продолжила его внезапная собеседница. – Если по характеру – то точно ведьма. Мы как раз над ней живем, так она всю жизнь участковому жалобы катала, что мы громко топаем. Потом пару раз мама под ковриком у входной двери то землю находила, то клочок волос, то какие-то веточки. Только знаете что? – Женщина наклонилась к Ване поближе и доверительным шепотом произнесла: – Мы даже не болели ни разу после этого. Я вот выросла, замуж счастливо вышла, сына родила, брат мой – моряк, офицер уже. Родители живы-здоровы. Была бы ведьма, уж что-нибудь сделала бы наверняка.

Что-то в ее словах показалось Ване странным. И вовсе даже не утверждение, что никакая Светлана не ведьма. По словам молодой мамочки можно было сделать вывод, что ведьмой ее соседка считает себя давно, а значит, она вовсе не так молода, как думал Ваня. Он тут же вспомнил странный взгляд, брошенный на него Дворжаком, когда он сам вызвался пойти к ведьме. Неужели знал, чешский сукин сын?..

– А говорят, к ней вроде бы и клиенты ходят? – осторожно заметил он.

– Да какие там клиенты, – махнула рукой женщина. – В начале девяностых – да, очереди стояли. Но тогда стоило назвать себя колдуном, как к тебе тут же народ шел. Расцвет всякого рода нечисти. Когда рушится привычный мир, волей-неволей поверишь в потустороннее и сделаешь все, чтобы удержаться на плаву. К Михалне даже «бизнесмены» приходили, типа приворот на удачу получить. А сейчас люди умные стали, их всякой чертовщиной не проведешь. Вот у нее только самые преданные клиенты и остались. С другой стороны – все прибавка к пенсии.

Ваня кивнул. Значит, к пенсии... Ну Дворжак, ну скотина!

Однако теперь надо было как-то выкручиваться. Очаровывать пенсионерку, даже если ей всего пятьдесят пять, желания у него не было, а потому пришлось срочно менять легенду.

В квартиру, снятую Дворжаком, он возвращаться не стал. Все равно в

его вещах не было необходимого. Зато буквально через дорогу находился огромный гипермаркет, в который Ваня и направился. Нелепый теплый свитер под горло на два размера больше, круглые очки, похожие на те, в которых ходит один из лаборантов на его официальной работе, дешевый рюкзак с торчащими нитками, в который перекинула его нормальная одежда, смоченные водой и зачесанные на бок волосы превратили красивого, уверенного в себе мужчину тридцати трех лет в типичного ботаника-неудачника неопределенного возраста. Зато в таком виде можно было смело показываться на глаза потомственной ведьме-пенсионерке и жаловаться на жизнь.

Молодая мамочка к тому времени уже укачала ребенка и уткнулась носом в смартфон, а потому не обратила на него никакого внимания.

Светлана Михайловна была дома и действительно походила на ведьму: сухонькая, но очень высокая старушка с классическим носом с горбинкой, волосами, выкрашенными в иссиня-черный цвет и завязанными на затылке в тугий узел. Примерно так Ваня и представлял себе Бабу Ягу. Цепкий взгляд выцветших глаз прошелся по нему сверху донизу, и на мгновение он пожалел, что не сменил дорогие ботинки на дешевые кроссовки, но ботинки хотя бы ношенные, а кроссовки – пусть они будут сколько угодно дешевыми – за пару десятков метров от магазина до дома все равно не превратятся в старые.

– З-здрате, – старательно заикаясь, поздоровался он, когда Светлана Михайловна выключила рентген в глазах. – Я к вам п-по совету Анастасии П-петровны.

– Какой такой Анастасии Петровны? – насторожилась ведьма.

– Ее с-соседка к вам ходит. Говорит, вы п-помочь сможете.

– Это в чем же?

Ваня быстро огляделся по сторонам, чуть наклонился к женщине и прошептал:

– Ж-жена к другому ушла.

Светлана Михайловна сочувственно покивала головой, и настороженность в ее взгляде сменилась сочувствием.

– Ну, проходи, – разрешила она, чуть посторонившись.

Ваня кивнул, быстро вытер ноги о коврик возле двери и прошел в темную квартиру, пахшую старостью и корвалолом. Ведьма ведьмой, а лечиться, видимо, предпочитала лекарствами, а не заговорами.

– Проходи вперед, – велела Светлана Михайловна. – Чаю выпьем, расскажешь мне все. Чем смогу – помогу.

Ваня снова активно закивал, как китайский болванчик, скинул

ботинки, куртку и направился по длинному коридору к кухне, на ходу выдумывая историю неудачника-мужа.

– П-понимаете, я же все для нее: на с-себя совсем ничего не трачу. А ей и одежда, и к-косметика, и в кафе с п-подружками. А она – к лучшему другу ушла, – он горестно махнул рукой.

Светлана Михайловна привела его на кухню, заставленную разнокалиберной мебелью, выдавшей в своей жизни лучшие годы, и принялась заваривать чай, пока Ваня, опустившись на один из стульев, который тут же жалобно заскрипел под его весом, продолжал вываливать на ведьму информацию:

– Жаловалась она, что денег мало з-зарабатываю. Так я ведь ученый, ф-физик, науку вперед двигаю. Нам много не п-платят, а Витька-то бизнесмен, деньги л-лопатой гребет. Вот она и... – Он снова махнул рукой.

Светлана Михайловна поставила перед ним чашку и сама села напротив.

– Ты не переживай, – заверила она, глядя на него с сочувствием. – Вернем мы твою жену, никуда не денется. Ты, я вижу, парень хороший, умный. И карьере твоей поможем, в должности поднимешься, денег станет больше.

– Да где ж тут п-подняться? Сами знаете, где у нас н-наука сейчас.

В этом Ваня даже не солгал. Официально он действительно числился научным работником в каком-то заштатном НИИ, периодически расписывался в ведомостях и знал, какую зарплату получают его «коллеги». Тут уж ни одна ведьма не поможет. Именно поэтому он в свое время получил второе образование в области информационных технологий и зарабатывал на жизнь другими вещами, в том числе взломом и воровством информации.

– Ничего-ничего, – приговаривала Светлана Михайловна, выставляя на стол из шкафа какие-то банки. – Сейчас мы тебе сбор специальный сделаем, который удачу приносит.

Ваня с сомнением посмотрел на многочисленные склянки. Светлана Михайловна взяла из ящика бумажный пакетик и принялась складывать в него из каждой банки по щепотке то ли каких-то высушенных трав, то ли обыкновенного чая. Ваня еще мог поверить в колдовство с помощью различных заговоров и заклятий, видел не раз, как это делает Нев, но сухая трава?..

– А ты пей, пей, – велела тем временем Светлана Михайловна, увидев, что он так и не притронулся к чашке, которую она поставила перед ним. – Чай тоже непростой. Надолго его действия не хватит, но если регулярно

принимать, от заикания избавит.

Ваня осторожно отхлебнул из чашки мутную жидкость, по вкусу напоминающую уксус, приправленный лавандой. Интересно, от такого пошла случаем сам себя потом не проклянешь?

Пока он с опаской пил чай, Светлана Михайловна закончила перебирать склянки и поставила перед ним небольшой бумажный пакетик.

– Вот, заливай кипятком щепотку каждый вечер и утром пей натошак, – велела она. – Только полнолуние и новолуние пропускай, тогда нельзя пить. Здесь на два месяца. Если за это время не повысят, приходи, еще дам. Иногда два захода нужно.

– А если не сработает? – поинтересовался Ваня, забыв заикаться. С другой стороны, может, уксусный чай подействовал?

– Не бывает у меня такого, чтобы не подействовало, – отрезала ведьма. – Я в роду седьмая уже с таким даром. Все мы сильные ведьмы. А вот это, – она положила на стол высушенный букет каких-то цветов, – чтобы жену вернуть. Возьми ее фотографию и каждый вечер перед сном води по ней этим сбором. Только тот снимок выбери, где жена твоя с тобой и счастлива. Так ей проще вернуться будет.

Ваня благодарно кивнул, пряча скарб в рюкзак, а затем, немного помявшись для вида, спросил:

– А что-нибудь такое, чтобы Витьку извести, у вас есть?

Ведьма недобро посмотрела на него, и Ваня поторопился объяснить:

– Понимаете, он ведь не т-только жену увел, он еще и смеется над мной все время. Мы р-росли вместе, вечно меня задирали. Бизнес вместе начинали, к-кинул меня. Сам вот поднялся, а я в НИИ... – Ваня оборвал себя, подумав, что сейчас его легенда начнет расходиться с образом неудачливого ученого,двигающего науку из любви к молекулам. – С-сил уже нет, хочу, чтобы ему х-худо было.

Светлана Михайловна несколько долгих секунд рассматривала его, а затем кивнула.

– Есть у меня и такое. Только помни, что любое зло наказуемо. Все, что ты сделаешь, к тебе в тройном размере вернется.

– А вы не боитесь в таком случае?

– А мне-то чего бояться? – усмехнулась ведьма. – Это же ты зло творить будешь. Вот, – она положила перед ним еще один бумажный пакетик. На этот раз ничего не собирала, вытащила уже готовый из ящичка. – Лучше всего в еду добавлять, тогда быстрее подействует. Если в еду нет возможности, тогда просто на порог насыпь, чтобы человек этот каждый день через него переступал. Полгода не пройдет – как не будет

больше твоего соперника.

Ваня с сомнением посмотрел на пакетик.

– А точно подействует?

– Точно-точно. Еще никто не жаловался. Да я и сама пробовала.

– А как же «вернется в тройном размере»?

– Иногда, знаешь ли, польза перевешивает риск.

– И что, на самом деле извели человека? – все еще сомневался Ваня.

– А то как же? Полгода не прошло, как помер. Правда, теперь в его квартиру девица въехала еще хуже. К тому девки полуголые приходили и уходили, жена какая-никакая была, а эта теперь тут живет. Одна. Хамит, никого не уважает. То под утро вернется, каждый раз с новым мужиком, то свет всю ночь горит. Дверь в парадную не закрывает, а у меня квартира на первом этаже, дует сильно. А замечание сделаешь – так зыркнет, что даже мне, ведьме в седьмом поколении, страшно становится. Но ничего, и ей недолго осталось. Так что не переживай, подействует.

Ваня отставил от себя кружку и снова потянулся к рюкзаку.

– И сколько я вам должен за все?

– За сбор на удачу – пять тысяч, за возвращающий – три. Восемь итого.

Ваня только присвистнул.

– Ничего себе у вас расценки.

– Так ведь я последняя из рода. Ни детей, ни внуков. Умру – никого не останется. Так что пользуйся, пока я жива.

– А за это сколько? – Ваня кивнул на пакетик, содержимое которого за полгода могло известить человека.

– За это нисколько, – отрезала ведьма. – За такое нельзя деньги брать, иначе не только тебе, но и мне вернется. Так что так бери.

Ваня спрятал пакетики в рюкзак, положил на стол купюры, думая, что дороговато ему обошелся «флирт» с ведьмой, а затем попытался встать, но голова тут же закружилась, ноги подогнулись, и он вынужден был сесть обратно.

– Это... что? – выдохнул он.

Светлана Михайловна довольно усмехнулась.

– Это неудача из тебя выходит. Продолжай принимать сбор, как я и говорила, сам посмотришь, что будет.

– Вы же говорили, чай от заикания.

– А я и удачливого сбора тебе кинула. Считай, бесплатный образец.

Ваня ошарашенно кивнул и попробовал встать осторожнее. Ноги дрожали и были как будто ватными, а голову хотелось обхватить руками,

чтобы она перестала изображать из себя центрифугу. С трудом, держась за стенку, он вышел в коридор и дошел до входной двери.

– Ты не переживай, – напоследок успокоила его старая ведьма. – Неудачи с каждым разом будут все меньше в тебе оставаться, отвар начнешь переносить легче.

Сам не понимая как, Ваня оделся и вышел сначала на площадку, а затем и на улицу. Лавочка у парадной уже была пуста, поэтому он с размаху шлепнулся на нее и прикрыл глаза. Голова теперь кружилась даже в таком положении, как будто он проснулся с тяжелейшего похмелья.

Может, скотине Дворжаку позвонить? Ваня его как-то таскал на собственном горбу, когда он в обморок хлопнулся, пусть теперь отплачивает. Однако мысль о том, что теперь уже он даст тому повод для насмешки, заставила отбросить эту идею. Ваня просидел на лавочке еще несколько минут, пока наконец не стал чувствовать себя более или менее готовым дойти до соседнего дома.

Глава 8

1 мая 2015 года, 14.59

пер. Каховского

Едва Саша открыла дверь и увидела мужа Риты, ей сразу стало неловко за собственную лень, а картина показалась не такой уж громоздкой и тяжелой. Дотащила бы она ее как-нибудь до машины, не сломалась. Высокий блондин лет тридцати с небольшим, стоявший на пороге, не просто держал в руках трость, а тяжело на нее опирался.

Наверное, на Сашином лице отразились какие-то не те эмоции, потому что он поспешно представился:

– Привет, я Марк. Рита сказала, вам нужна помощь с картиной?

Саша еще несколько секунд, мысленно ругая себя, смотрела то на него, то на трость, а затем, опомнившись, посторонилась и пропустила его в квартиру.

– Да-да. Большое спасибо, что приехали. Почему Рита не предупредила? Я бы привезла картину сама.

Марк, уже прошедший в тесную прихожую и начавший раздеваться, остановился и непонимающе посмотрел на нее. И лишь секунду спустя догадался, о чем она. В его глазах промелькнуло что-то похожее на раздражение, но, когда он заговорил, голос звучал спокойно.

– Вы про это? – Он чуть приподнял трость. – Я с ней очень давно, привык и не обращаю внимания. Так что приехать было несложно. Можно не считать себя сволочью, напрягшей несчастного инвалида.

И хоть он улыбался, Саша почувствовала, как щеки наливаются румянцем, поэтому поспешила указать на дверь в комнату, которая сейчас была прикрыта: до этого она пила чай на кухне, а находится в одной квартире с картиной, хоть та больше и не пугала ее, было неприятно.

– Тогда проходите, картина там. Можно не разуваться.

Марк снова зыркнул на нее, теперь уже точно с раздражением, которое на этот раз проявилось и в его тоне:

– Я же сказал: давно привык.

Саша снова мысленно выругалась. Заметив выражение ее лица, Марк внезапно рассмеялся:

– И, предупреждая ваш следующий вопрос: стул мне не нужен, стоять проще, чем садиться и вставать.

Саша улыбнулась в ответ, хотя все еще чувствовала себя неловко. Марк довольно шустро скинул с себя куртку и ботинки и прошел в указанном направлении. Саша собралась последовать за ним, но в этот момент в замке повернулся ключ: вернулся то ли Ваня, то ли Войтех, то ли оба сразу.

– Привет. – Это все-таки оказался Войтех. – А ты чего тут стоишь? Меня встречаешь? – Он удивленно приподнял бровь и криво улыбнулся, давая понять, что это шуточная версия.

– Справляюсь с неловкостью, – честно призналась она.

И тут же из комнаты раздался незнакомый Войтеху голос с нотками насмешки:

– У того, кто вам это подарил, так себе со вкусом.

Войтех удивленно замер, скинув с себя только один ботинок, и посмотрел на Сашу.

– Это еще кто?

– Художник, – почему-то шепотом пояснила та. – Я подумала, что нам не помешает мнение эксперта, вдруг мы чего-то не понимаем в этой картине. Это муж моей подруги, Марк Гронский.

Войтех согласно кивнул и наконец разулся до конца.

– Да, это хорошая идея, раз уж у нас есть возможность обратиться к эксперту. Только скажи, какая у нас легенда? Мы говорим о странностях картины или просто хотим узнать художественную ценность?

– Полагаю, стоит сказать о странностях. Толку нам с художественной ценности этой мазни? И так понятно, что никакой.

Если Войтех и собирался что-то ответить, то не успел, потому что из комнаты в прихожую как раз выглянул приглашенный художник. Увидев Войтеху, он посмотрел на Сашу, а потом снова на него.

– У нас будет консилиум или вы тот, кто подарил девушке это произведение искусства?

– Ну, «подарил» – это громко сказано, – улыбнулся Войтех. – Скажем так, я привлек к ней внимание, а вот *подарил* ее другой. Меня зовут Войтех, кстати.

Он протянул гостю ладонь для приветственного рукопожатия.

– Марк, – тот пожал ее, чуть задержав взгляд на тонкой перчатке, но спрашивать ничего не стал. Вместо этого снова посмотрел на Сашу, теперь уже не скрывая ухмылки. – Весело тут у вас. Ну, рассказывайте, что вы хотите о ней услышать? Про вкус я уже сказал, – он бросил быстрый взгляд на Войтеху, – менять мнение не стану.

Войтех поднял руки, давая понять, что не имеет претензий. Они

втроем вернулись в комнату, где на двух стульях их дожидалась большая черно-белая картина. Скользя взглядом по столу, где остался стоять Ванин ноутбук, транслирующий видеосъемку мастерской Кати, Саша быстро шагнула к нему и захлопнула крышку. Впрочем, Марк уже наверняка увидел трансляцию, когда находился здесь один, но либо принял за непонятный фильм, либо просто оказался слишком хорошо воспитан, чтобы задавать вопросы.

– Что вы чувствуете, глядя на эту картину? – спросила Саша, стараясь лишний раз не смотреть на переплетение темных линий. Хотя сегодня в них уже никто ничего не видел, воспоминания все равно оставались яркими.

Марк остановился в метре от картины и уставился на нее, чуть наклоняя голову то в одну, то в другую сторону.

– Я чувствую, что кого-то сильно обманули, сказав, что это произведение искусства.

– А как же «в искусстве нет запретов»? – не удержалась Саша.

Марк искоса посмотрел на нее и улыбнулся.

– Запретов нет у тех, у кого уже есть имя. Либо кому повезло попасть в волну и подняться на этом. Все остальные должны следовать правилам, как минимум на первых порах. Впрочем, – он вздохнул и снова повернулся к картине, – на взгляд некоторых современных художников, я махровый консерватор, который пишет никому не нужные пейзажи и ничего не понимает в настоящем искусстве. Но я, если честно, даже затрудняюсь определить жанр этой картины. Не то абстракция, не то экспрессионизм. Не то просто кто-то краску на холст разлил.

Саша приснула, но тут же снова изобразила серьезность.

– Дело в том, что меня эта картина... кхм... скажем так, пугает.

– Пугает? – Марк удивленно обернулся к ней, на этот раз полностью, переставив трость, хотя было видно, что ему это тяжело. Саша сделала себе мысленную пометку выяснить у Риты, что случилось с его ногой, и по возможности предложить какую-то помощь.

– И не только меня, – призналась она.

– Кроме Саши, что-то странное в этой картине увидели еще я и один наш друг, – добавил Войтех. – Причем мы видели это, когда картина... скажем так, стояла в другом месте. Все мы испытывали странное, я бы сказал, гипнотическое воздействие картины. А когда она... переехала сюда, это ощущение пропало. Мы не знаем, то ли дело в том, как падает свет, то ли еще в чем-то... Как вы думаете?

Марк долго и внимательно разглядывал Войтеха, как будто пытался

что-то прочесть по его лицу, потом так же долго смотрел на Сашу, а затем скользнул взглядом и по квартире. Саша неловко переступила с ноги на ногу, понимая, как все это выглядит для постороннего человека. Наверняка он понял, что они не живут здесь, видел трансляцию из мастерской другого художника и сопоставил все это с их странными вопросами. Однако, к ее удивлению, ничего спрашивать он не стал. Снова повернулся к картине, почти целую минуту, не отрываясь, смотрел на нее, затем обошел вокруг, как будто хотел увидеть что-то сзади. Наконец Марк снова остановился перед ней.

– Нет, ну говорят, что если очень долго смотреть на Джоконду, то можно в обморок упасть, – наконец медленно, задумчиво произнес он. – Я уже молчу про «Крик» Мунка, но здесь я даже не знаю... Едва ли дело в падающем свете. Бывают такие картины, глядя на которые под разными углами и при разном освещении, видишь различные вещи, но там все дело в технике написания и игре цветных линий. Здесь же ничего такого нет. – Он вдруг обернулся к стоящим чуть позади Саше и Войтеху и спросил: – Вы когда-нибудь слышали про картину «Женщина дождя» Светланы Телец?

Оба отрицательно покачали головами.

– А «Руки сопротивляются ему» Билла Стоунхема?

И про эту они тоже не слышали. Так себе из них знатоки живописи.

– Знаете, если бы мы разбирались в таких вещах, мы бы вас не позвали, – хмыкнул Войтех, скрещивая руки на груди. Потом он вспомнил то, что говорил утром Нев, и предположил: – Или эти картины тоже были написаны с помощью дьявола?

Марк удивленно вздернул брови.

– Почему тоже?

Войтех махнул рукой.

– Да это друг наш рассказывал про библию, написанную якобы с помощью дьявола. И вроде как в ней есть его автопортрет. Вот я и вспомнил.

Саша явственно увидела, как в голове Марка рождаются вопросы, один интереснее другого, но он снова промолчал. Золото, а не человек. Хотя она уже могла себе представить, что он скажет Рите по поводу ее чокнутых подружек.

– В общем, первая картина написана украинской художницей в девяностые годы, – сказал он. – Мрачноватенький такой портрет, я видел, ничего особенного. Говорят только, что все покупатели возвращают картину обратно Светлане, утверждая, будто бы им начинают сниться кошмары. Зато вторая интереснее, – Марк загадочно ухмыльнулся, а затем

кивнул на ноутбук, лежащий на столе. – Можно?

Саша открыла его, торопливо свернув окно с видеосъемкой, и отошла в сторону, сделав приглашающий жест. Марк подошел к столу, но садиться не стал, защелкал клавишами свободной рукой.

– Вот, любуйтесь.

Саша наклонилась над ноутбуком, но тут же отпрянула обратно.

– Ох, жуть!

На выведенной на экран картинке был изображен мальчик лет шести с девочкой чуть помладше. Лица у обоих походили на гипсовые маски, вылепленные рукой душевнобольного скульптора. Но не это пугало больше всего: дети стояли у стеклянной двери, к которой с другой стороны прижимались десятки раскрытых ладоней. Картина ничего, кроме отвращения и животного ужаса, не вызывала.

– Те, кто вешал эту картину у себя, говорили, что рано или поздно начинают видеть, как руки за стеклом шевелятся, – пояснил Марк, явно довольный произведенным эффектом.

Войтех, тоже подошедший взглянуть, нахмурился и торопливо отвернулся. Конечно, картина не произвела на него такого впечатления, как черно-белая мазня в мастерской Кати, но крошечные ладони на стекле действительно выглядели пугающе.

– Но все это не совсем то же самое, – заметил он вслух. – Здесь есть сюжет, довольно тревожный. Я имею в виду, картина визуально обращается к некоторым внутренним страхам. А тут, – он кивнул на картину на стульях, – нет никакого сюжета.

– Я просто хочу сказать, что иногда картины оказывают странное действие на людей, – пожал плечами Марк. – Говорят, некоторые способны даже устраивать пожары в тех домах, где висят, не сгорая при этом сами. Например, «Плачущий мальчик»... – Он оборвал себя и снова посмотрел на стоящую на стульях картину. – Вы правы, здесь нет никакого сюжета, но мы не знаем, какие чувства и эмоции вложил в нее тот, кто ее рисовал. Что если она способна транслировать эти чувства тем, кто на нее смотрит? Если вы, конечно, верите в подобное. Могу я узнать, кто художник?

Войтеху не хотелось называть имя Катерины, ведь этот питерский художник наверняка знает всех местных коллег. Что если он расскажет ей? Вдруг они довольно тесно общаются? Они и так несколько раз были слишком близки к раскрытию и провалу. Незримый дух ЗАО «Прогрессивные технологии» все еще висел над ними и угрожал их жизням. И все же имя назвать стоило, вдруг это скажет Гронскому что-то важное?

– Ее написала Катерина Ляшина, – после недолгого молчания признался Войтех.

– Ляшина? – Марк удивленно приподнял брови и снова повернулся к картине.

– Вы ее знаете? – уточнила Саша.

– Не так чтобы близко... Встречались пару раз, по-моему, даже не разговаривали, но я знаю ее картины. Поверьте, это – не Ляшина.

– В каком смысле?

– Это совершенно не ее стиль. Она пишет акварелью, такой романтический реализм, картины у нее в основном... – он замялся, подбирая слова. – Как бы вам так попроще объяснить...

– Как для тупых.

Марк посмотрел на Сашу и усмехнулся.

– Заметьте, это вы сказали.

Она улыбнулась в ответ.

– Заметьте, без сарказма. Мы реально не очень в живописи.

– Понимаете, она очень хорошо умеет передать движение. Ее картины легкие, как будто воздушные. Она не всегда четко прорисовывает детали, но при этом вы, глядя на ее работу, видите движение: движение изображенных фигур, кисти по холсту, света, тени, воздуха. Если бы Ляшина хотела передать через картину какие-то чувства, она бы это сделала. И если это, – он кивнул на картину, – написала действительно она, то ее стоит отвести к психиатру на предмет клинической депрессии.

– Сурово.

– Я знаю, о чем говорю.

Саша и Войтех переглянулись, и последний понимающе кивнул. Это было уже что-то, пусть оно и не очень проясняло ситуацию. Но в каком-то смысле слова Гронского соотносились со словами Нева. Хотя его видение пока их напрямую не подтвердило.

– Что ж, спасибо вам за... консультацию, – он улыбнулся Марку. – Понятнее не стало, но было интересно и познавательно.

– Да не за что, – тот пожал плечами и посмотрел на Сашу. – Если вам действительно *подарили* эту картину, и она вас пугает, мой вам совет: избавьтесь от нее до того, как она начнет вам сниться.

Саша улыбнулась.

– Приму к сведению. Рите привет передавайте, надо как-то встретиться.

– Вытащить ее из дома определенно будет нелишним.

Они попрощались, и когда за Марком закрылась дверь, Саша

вернулась в комнату к оставшемуся возле картины Войтеху. Он так и стоял перед полотном, глядя на него внимательно, как будто надеялся снова вызвать у себя чувства, которые испытал в первый раз.

– Кажется, он нам не поверил, – весело заявила Саша.

– Будем надеяться, что в честь вашей дружбы с его женой он не станет заявлять на нас в полицию, – хмыкнул Войтех, продолжая задумчиво смотреть на картину. – И все-таки непонятно, почему она... «сломалась». Если дело не в свете и не в определенном переплетении линий, значит ли это, что дело все-таки в Кате или ее квартире?

– Вероятно. – Саша закрыла окно браузера, чтобы больше не видеть жуткую картину с руками. – Если это художество транслирует ее чувства, может быть, трансляция идет только рядом с автором или в месте, где оно было написано. Вайфай фиговый.

Войтех улыбнулся такому сравнению. Возможно, в Сашиных словах была доля правды.

– Сейчас Сидоров вернется, выскажет свое мнение по поводу общения с ведьмой, могла ли она реально навести порчу, – продолжила Саша. – А пока не хочешь за чашкой сладкого чая с шоколадкой рассказать, что ты узнал у Кати?

Войтех кивнул и наконец перестал гипнотизировать картину.

– Пойдем. Чай с шоколадкой никогда не бывает лишним. Особенно в твоей компании.

1 мая 2015 года, 17.10

Лиля и Нев приехали ближе к вечеру. К этому моменту вернулся Ваня, выслушал рассказ о видении Войтеха, визите художника и заказал несколько коробок с пиццей. Он как раз забирал их у курьера, когда из лифта вышли и его сестра с Невом. Ваня все еще испытывал двойные чувства, видя их вместе, хотя откровенный разговор с Невом несколько успокоил его. По крайней мере, он вроде бы не собирался делать Лиле предложение и создавать ситуацию, когда она лет через двадцать внезапно останется либо вдовой, либо привязанной к дряхлому старику.

– Братец, что у тебя за отвратительный свитер? – с чуть брезгливым выражением лица поинтересовалась Лиля, входя в небольшую прихожую.

– Последний писк моды! – возмутился тот. – Весь Питер в таких ходит, ничего ты не понимаешь в высокой моде.

– Куда уж мне, – Лиля позволила Неву снять с себя пальто и снова повернулась к Ване. – Но будь добр, не надевай его больше при мне, не

оскорбляй мое чувство прекрасного.

Ваня проигнорировал ее замечание, заходя с коробками на кухню, где Саша и Войтех как раз заваривали чай.

– Жратва прибыла, – объявил он. – Нев и Лилька тоже. Можем совещаться.

– Очень интересно послушать, что нового вы узнали, – улыбнулась Лиля, входя на кухню следом за братом и с некоторой брезгливостью глядя на жирную пиццу. Она порадовалась, что уже перекусила дома у Нева более здоровой пищей и теперь может ограничиться чашкой чая.

– Мы с Сашей почти на сто процентов исключили картину из списка подозреваемых, – сообщил Войтех, который против жирной пиццы ничего не имел. После обеда в виде чашки чая и шоколадки ему страшно хотелось есть.

Ваня быстро порезал пиццу, Саша поставила чашки, и все компактно уместились за обеденным столом, немного мешая друг другу, но им приходилось совещаться и в менее комфортных условиях. Войтех в двух словах пересказал новоприбывшим визит Марка Гронского, а также упомянул, что после этого они с Сашей еще некоторое время пытались смотреть на картину ближе к вечеру, но волшебное гипнотическое воздействие так и не вернулось.

– Очевидно, что картина не главное звено в цепочке, – резюмировал он, доедая первый кусок пиццы. – Вероятно, все-таки место или сама Катя выступают катализатором воздействия.

– А что там насчет ведьмы? – заинтересованно спросил Нев, глядя на Ваню. – Она произвела на вас впечатление? В магическом смысле, конечно, а не в... личностном.

Ваня положил на маленькую тарелочку недоеденный кусок пиццы и, не мигая, уставился почему-то на Войтеху.

– За ведьму, во-первых, хочу еще раз поблагодарить Дворжака.

Тот сделал вид, что не заметил ни грозного взгляда, ни язвительного тона, уделяя внимание исключительно пицце и чаю. Саша спрятала улыбку за чашкой, поскольку уже была свидетелем «серьезного» разговора Вани с Войтехом, зато Лиля непонимающе подняла брови.

– А что с ней?

– А то, что ей сто лет в обед, и наш уважаемый экстрасенс об этом знал!

– Между прочим, я тебя к ней не отправлял и не выдавал тебе никакой информации, которая утверждала бы обратное, – напомнил Войтех, потянувшись за вторым куском пиццы. – Ты сам все для себя решил и сам

вызвался. Какие ко мне теперь претензии?

Ваня прищурился, явно что-то обдумывая, а затем вытащил из кармана смартфон и внезапно обнял Сашу за плечи, притянув к себе.

– Айболит, улыбнись в камеру.

– Зачем? – не поняла та.

– Просто улыбнись.

Саша послушно растянула губы в искусственной улыбке. Ваня тоже ухмыльнулся во все тридцать два зуба, щелкнул кнопкой, и на экране мобильного телефона застыла их фотография.

– Вот, – он отпустил Сашу и спрятал смартфон обратно. – Теперь если Дворжак будет выеживаться, я повожу по фотке волшебным букетиком, которым меня снабдила ведьма, и Сашка ко мне уйдет.

Саша, которая уже успела откусить кусок пиццы, хмыкнула, чуть не подавившись. Бросила быстрый взгляд на Войтеха, но тут же повернулась к Ване.

– У меня плохой характер, имей в виду. Пожалеешь.

– Уж справлюсь как-нибудь, – легкомысленно отмахнулся тот.

Войтех только скептически выгнул бровь, не переставая жевать, а Нев с каменным лицом уточнил:

– Волшебный букетик? Это вам ведьма дала?

– Ага, – кивнул Ваня, и по его голосу было совершенно непонятно, прикалывается он или на самом деле верит в волшебную силу приворотного букета. Впрочем, едва ли кто-то из его друзей на полном серьезе мог заподозрить его в последнем. – Еще она мне дала пакетик со сбором на удачу, но я вам его не покажу, самому нужен, и вот это.

Он потянулся к подоконнику, где лежал еще один бумажный пакетик. Уже немного мятый и почему-то мокрый с одной стороны.

– Здесь какие-то травы, которые якобы позволяют навести на человека порчу. Лучше всего, конечно, в еду или питье добавлять, – он многозначительно посмотрел на кусок пиццы, который Войтех как раз поднес ко рту. – Но можно и на пороге рассыпать. Кстати, ведьмочка мне по секрету поведала, что так она уже извела одного жильца, и так же Катю нашу изводит.

– Вы позволите? – попросил Нев, протягивая руку к Ване.

Тот сделал вид, что размышляет, расставаться ли с пакетиком, но потом все же отдал. Нев раскрыл его и сначала осторожно понюхал содержимое, а потом высыпал на стол перед собой и перебрал пальцами.

– М-да, – разочарованно выдохнул он. – Версию с ведьмой и призванной ею нечистью можно тоже уверенно отметить. Таким сбором

порчу не навести, разве что расстройство желудка можно устроить. Боюсь, что, как и большинство ведьм, эта дама обычная самозванка.

– Откуда вы знаете? – Ваня обиженно забрал у него пакетик и даже сгреб в него высыпанное на стол содержимое.

– Оттуда, что это сушеная крапива? – со смешком предположила Саша.

– Даже если так, может, она заговоренная? Как минимум что-то Михална туда точно подмешивает. Я у нее чаю выпил, так еле из-за стола встал.

– Так Нев же и говорит про несварение желудка.

– Но ведь с Катей реально что-то происходит, – не унимался Ваня. – Да и предыдущего жильца, говорит, извела. Думаете, совпадение?

– Лиля, а что там было с предыдущим жильцом? – уточнил Войтех. Ему казалось, что Лиля, собирая информацию о доме и Катиной квартире, что-то такое упоминала, но подробностей он сейчас вспомнить не мог. – Кажется, никакого криминала не было?

– В материалах, которые нашел Дима, значится insult. Вроде бы он сильно пил. – Лиля пожала плечами, дую на чашку с чаем, который никак не желал становиться менее обжигающим.

– А он ведь тоже был кем-то таким...

– Фотографом. Там, где у Кати сейчас мастерская, у него была студия.

– Значит, видел я его, – вздохнул Войтех. И, заметив вопросительные взгляды Лили и Нева, уточнил: – В видении, когда коснулся Кати. Никакой одержимости я не почувствовал, зато было довольно четкое и немного странное видение. Я видел мужчину и вспышки... Только не такие, как обычно. В смысле, обычно у меня все картинки приходят во вспышках света. Но в этот раз картинка была одна, а вспышки были как будто в ней. Теперь я понимаю, что это была вспышка фотоаппарата. Жаль я не видел, кого он фотографировал. И еще было что-то странное в этом видении, но я пока не могу понять, что именно.

– Интересное совпадение, – медленно произнесла Саша, как будто боясь потерять мысль, которая еще не до конца оформилась в ее голове. – В этой квартире живет уже второй, скажем так, творческий человек. Первый умер, со вторым что-то происходит. И ты видел первого, когда коснулся второго, значит, первый тоже имеет значение. Фотограф жил один? – Она посмотрела на Лилю.

Та отрицательно качнула головой.

– Дима говорил, у него жена была. Она, собственно, эту квартиру и купила. Наверное, тоже здесь жила.

– Надо выяснить, не случилось ли чего с ней. А если все же жива и

продала квартиру после смерти мужа, то, может быть, помнит какие-то странности? Может, она потому и съехала? Что если неупокоенный дух ее мужа не ушел в мир иной, а остался в нашем, и теперь мучает Катю? Нев ведь нам как-то давно читал лекцию об оседлых призраках, которые привязаны к месту и могут мстить живым.

– Это хорошая версия, – кивнул Войтех. – Может быть, это вообще его картины? Гронский же сказал, что это не стиль Кати. Может быть, это фотограф пытается что-то сообщить миру через нее, и в такие моменты он... как бы вселяется в нее? И его цель не мучить, а донести какую-то информацию. Это объяснило бы провалы в Катиной памяти. Непонятно, конечно, почему он рисует столь загадочные вещи. Мог бы просто написать Катиной рукой сообщение.

– Вероятно, для этого Кате надо быть медиумом, – предположил Нев. – Как той девушке Марине, которая получала сообщения в Скайпе. Возможно, для обычного человека сигнал, посылаемый призраком, слишком слаб и невнятен, Катя воспроизводит его, как может. Или сознание фотографа настолько изменилось после смерти, что не может послать внятные, связные образы, тем более буквы.

– В любом случае, у нас только один вариант продолжения расследования, – подытожила Лиля. – Разобраться со смертью фотографа. Кто будет говорить с его женой? – она покосилась на брата, как бы спрашивая, собирается ли он вызваться добровольцем на этот раз.

– Не, я пас, – тот поднял руки, – с меня ведьмы хватило. Кто знает, вдруг жена тоже не первой свежести?

– Так ты себе любовницу ищешь или свидетелей опрашиваешь?

– Одно другому не мешает, знаешь ли.

– Давайте я схожу, – перебила их Саша, пока не разгорелся настоящий спор. С первого дня знакомства все знали, что Сидоровы умеют поскандальить на пустом месте. – Хорошо бы выяснить, видела ли она Катю вживую или сделка оформлялась через агентство. Тогда я могла бы сказать, что сама живу в этой квартире и вижу что-то странное. Уж описать чувства, как будто тебя кто-то преследует, я сумею.

– Даже если она видела Катю, уже прошло какое-то время, – заметил Войтех. – Катя могла сдать квартиру, уехав в другое место искать вдохновение. Такая версия будет надежнее. Я пойду с тобой. Если будет возможность, постараюсь коснуться ее. Вдруг получится поймать еще какое-то видение?

– Представьте семейной парой, – внезапно предложил Ваня. – Если она увидит несчастную Сашку и озабоченного этим Витька, возможно, и

расскажет правду. Если там действительно что-то было, поэтому она и съехала, первому встречному такое не рассказывают.

Войтех как всегда едва приподнял брови в ответ и спокойно кивнул:

– Да, конечно. Это будет... целесообразно.

Глава 9

1 мая 2015 года, 19.35

Московский проспект

Договориться о встрече с женой фотографа, жившего раньше в квартире Кати, удалось лишь на восемь вечера. Несмотря на праздничный день, работа риэлтора не останавливалась и выходных не предполагала. Многие потенциальные клиенты использовали эти дни для того, чтобы посмотреть интересные их квартиры и дома. Ирина и вовсе не желала сегодня встречаться, пытаясь перенести встречу на другой день, но Войтех оказался весьма настойчив, и она сдалась.

Широкий Московский проспект в это время дня выглядел довольно пустым: все желающие уже покинули город и жарили шашлыки на дачах. Сашу родители тоже звали, пришлось сослаться на важные дела на работе. Пока она, тихонько мурлыкая под нос песню из радиоприемника, вела машину к жилому комплексу, где в данный момент проживала вдова Николая Семенцова, Войтех, сидя на пассажирском сиденье, что-то читал в смартфоне, стянув с правой руки перчатку. Проклятый экран не реагировал на палец в перчатке, поэтому ему приходилось рисковать.

– Судя по всему, фотографом Семенцов был хорошим, – наконец сказал он.

Саша покосилась на его телефон, только сейчас замечая, что он не читал, а просматривал фотографии.

– Покажи.

Войтех протянул ей смартфон, и Саша, замерев на очередном светофоре, быстро пролистала ленту. Для черно-белых в основном снимков позировали девушки разной степени раздетости. Ничего пошлого, все значимые места были прикрыты либо тканью, либо другими частями тела, но Саша могла себе представить недовольство соседей фотографа, если только те видели его работы. А то, что современные пенсионеры прекрасно обращаются с компьютерами, имея при этом возрастное любопытство, сомнений не вызывало. Уж наверняка все соседи ознакомились с фотографиями Семенцова, когда грузчики еще не успели покинуть его квартиру после переезда.

– Не знала, что ты разбираешься в таких вещах, – улыбнулась Саша, продолжая листать фотографии.

– Я просто посмотрел на количество лайков, – признался Войтех.

Саша рассмеялась.

– Читер. Но фотки действительно ничего, особенно вот эта...

Она собиралась показать ему снимок, на котором сильно накрашенная брюнетка, судя по растяжке – балерина или гимнастка, замерла в какой-то фантастически-воздушной позе, но в этот момент экран вдруг на мгновение озарился белым цветом, а затем вместо фотографии на нем появился символ входящего вызова и одно имя: «Ляшин».

Саша испуганно протянула смартфон Войтеху.

– Кажется, Катин отец звонит.

На лице Войтеха не дрогнул ни один мускул, но по его напряженному «Добрый вечер, господин Ляшин» Саша поняла, что он тоже не ждал звонка. Она приглушила звук радиоприемника и старалась не прислушиваться к разговору, но ничего не могла с собой поделать: слух как будто специально обострился до крайности. Слов самого Ляшина она не разобрала, но по репликам Войтеха поняла, что заказчик интересуется ходом расследования и недоволен задержкой.

– Вы же понимаете, ситуация осложняется тем, что мы работаем без ведома Катерины, – спокойно ответил на что-то Войтех, и Саша подумала, как было хорошо, когда они все считали эти расследования всего лишь хобби. Они в любой момент могли все прекратить и уехать. По крайней мере, тогда они так думали.

– Заказчик недоволен? – осторожно спросила она, когда Войтех попрощался с собеседником и отключился.

– Не то чтобы недоволен, но хотел бы уже получить какие-то результаты, – криво усмехнулся Войтех. – Я пообещал ему перезвонить после разговора с вдовой фотографа.

Саша кивнула. Она слышала это обещание.

– Ты, наверное, уже привык к этому, а для нас необычно, – все же не удержалась она и тут же почувствовала на себе заинтересованный взгляд.

– Что именно?

– То, что нужно перед кем-то отчитываться. Что кто-то ждет от тебя результатов и оценивает их.

Войтех промолчал. В салоне автомобиля повисло довольно ощутимое напряжение. Саша тоже молчала несколько минут, но рано или поздно они все равно должны будут поговорить обо всем, поэтому она снова спросила:

– Ты боялся того, что однажды они будут недовольны твоей работой?

– Боялся, – коротко ответил Войтех. Наверное, в любой другой день он на этом и закончил бы, но сейчас понимал, что Саша ждет от него

искренности. Возможно, это может стать первым кирпичиком в восстановлении ее доверия к нему. – Боялся до такой степени, что в какой-то момент это стало одним из самых страшных моих кошмаров. – Он вздохнул и продолжил, глядя исключительно в лобовое стекло: – Помнишь наше расследование в заброшенном военном городке? Когда нам всем снились кошмары под действием Зеркала Смерти.

Саша кивнула. Конечно же, она помнила.

– В самом первом сне я велел сворачивать расследование и уезжать. После этого Директор прислал мне письмо, в котором сообщал, что в моих услугах больше не нуждаются.

Саша снова кивнула, вспомнив и то, что при этом ему положили рядом с ноутбуком пистолет, полагая, что эта новость выбьет его из колеи настолько, что он им воспользуется. То есть в каком-то смысле его подсознание само положило ему пистолет.

– Тебе так нравилась эта работа?

– Мне нравилось то, что появилось вместе с ней. Я уже говорил вам недавно, в каком-то роде она дала моей жизни новый смысл. Возможность разобраться в себе, понимание, кем я стал. Не так-то просто однажды осознать, что ты можешь видеть прошлое и будущее. Подтверждение того, что там, на МКС, я не свихнулся от страха, что я действительно мог видеть НЛЮ, а потому не зря сломал себе карьеру. – Войтех вдруг понял, что голос начал звучать слишком эмоционально, поэтому осекся, несколько раз вдохнул и продолжил уже спокойнее: – Кроме этого, в какой-то мере она поспособствовала моему примирению с семьей, дала мне друзей, которых к тому времени уже не осталось. Тебя.

Саша бросила на него быстрый взгляд, вдруг понимая, что дыхание тоже сбилось, как будто это она сейчас рассказывала ему о самом сокровенном, а не он.

– Я знаю, что все это не стоит жизни людей, которые пострадали из-за меня, и даже не могу сказать, что не догадывался, как именно используют результаты моей работы в ЗАО. Я просто... предпочитал не думать об этом. Знаю, это эгоистично. И даже то, что, когда я узнал, как обстоят дела на самом деле, я с вашей помощью уничтожил ЗАО, меня не оправдывает, но ты, мне кажется, хотела правды. Вот она.

Саша только крепче сжала руль, борясь с желанием сделать лишний круг, чтобы у них было еще немного времени поговорить о важном, но время приближалось к восьми, их ждала вдова фотографа, а ей самой нужно было немного времени подумать над тем, что сказал Войтех.

Она припарковала машину и лишь тогда посмотрела на него. Как будто

боясь, что она все же соберется продолжить разговор, Войтех торопливо сказал:

– Пойдем, нас уже ждут.

Саша быстро взглянула на себя в зеркало, убеждаясь, что выглядит достаточно паршиво. Она специально не стала не то что поправлять макияж, а смыла тот, который нанесла с утра, чтобы выглядеть бледной и измученной преследованием непонятной сущности. Еще в лифте Войтех внезапно взял ее за руку, то ли изображая семейную пару, как она и предлагала, то ли просто по желанию. Саша в любом случае отказываться не стала.

Ирина Семенцова действительно уже ждала их. И либо совсем недавно вернулась, либо и дома предпочитала ходить в строгом костюме и стильных домашних туфлях. Огромная квартира с дизайнерской отделкой и дорогой мебелью в стиле лофт выгодно подчеркивала холодную красоту хозяйки. На вид Ирине было около сорока, хотя гладкое лицо почти без морщин, строгий макияж, стройная фигура и хорошая стрижка могли скрадывать несколько лет.

– Добрый день, меня зовут Войтех, это моя жена Саша, – вежливо поздоровался Войтех и протянул хозяйке руку, решив, что ему, как иностранцу, будет простительно некоторое нарушение этикета.

Он не стал надевать снятую в машине перчатку, поэтому Ирина, чуть замешкавшись, пожала незащищенную ладонь. Войтех дернулся почти незаметно, кто-то другой со стороны и не увидел бы, Саша просто ждала этого.

– Проходите, – вежливо, но прохладно пригласила Ирина. – На кухню, пожалуйста, я еще не успела выпить кофе.

Не дожидаясь ответа, она развернулась и пошла вглубь квартиры, Войтех с Сашей последовали за ней. На довольно просторной кухне горело лишь тусклое бра над барной стойкой, на которую и кивнула им Ирина.

– Чай, кофе?

Саша попросила кофе, Войтех отказался от всего.

– По телефону я не совсем поняла цель вашего визита, – сказала Ирина, поставив перед Сашей чашку американо. Она не спрашивала, нужны ли сахар или сливки, как будто не подвергала сомнению собственное мнение в вопросах приготовления кофе. Саша вдруг подумала, что не понимает, что общего у этой женщины могло быть с фотографом: пусть не художником, но человеком, в ее представлении, творческим, близким к искусству.

– Дело в том, что мы сейчас живем в вашей бывшей квартире на

Васильевском острове, – принялся выдавать заранее придуманную ложь Войтех. – И в последнее время нам кажется... То есть кажется моей жене, – он кивнул на Сашу, – как будто в нашей квартире есть еще кто-то, кроме нас. Понимаете?

Красиво очерченные брови Ирины медленно поползли вверх.

– Не совсем.

– Я много времени провожу на втором этаже, – начала Саша, – и иногда мне кажется, как будто за мной кто-то наблюдает...

– Там огромное окно, – пожала плечами Ирина. Она садиться на стала, прислонилась к кухонному шкафу и держала чашку в руках. – И много домов рядом. Может быть, кто-то и наблюдает.

– Нет, – Саша уверенно качнула головой и зябко поежилась, как будто вспоминая. Впрочем, она на самом деле вспоминала, что чувствовала полтора года назад, когда ее преследовал один из Темных Ангелов. – Ощущения очень яркие, как будто кто-то находится рядом со мной. Стоит повернуться – и я увижу его. Но я оборачиваюсь – и ничего не вижу. А иногда время как будто исчезает. Я ловлю себя на том, что не помню, что делала последний час. Как будто он просто исчез. Или порой рисую что-то, и не помню как это рисовала. Картины выходят жуткими, на них даже смотреть потом страшно.

Пока Саша говорила, Войтех видел, как меняется лицо Ирины. Она отчаянно пыталась сохранить невозмутимость, но он точно знал, что она понимает Сашины слова. Она уже видела это. В тот момент, когда он коснулся ее руки, перед глазами ожидало мелькнула вспышка: в ней Ирина стояла на втором этаже квартиры Кати – он узнал по огромному пространству и окну во всю стену – и резко оборачивалась к чему-то. Вспышка была короткой, но он успел увидеть испуг на лице женщины.

– И при чем тут я? – холодно спросила она, когда Саша замолчала.

– Вы жили в той квартире вместе с мужем, – напомнил Войтех, продолжая наблюдать за ее весьма красноречивой реакцией. – После его смерти ничего такого не чувствовали?

Ирина посмотрела на него и чуть прищурилась.

– Вы что, думаете, это, – она демонстративно усмехнулась, – призрак моего мужа является вашей жене?

– Я просто спросил, не чувствовали ли вы чего-то такого.

– Я почти не жила там после смерти мужа. Быстро продала квартиру и переехала сюда. Даже мебель всю там оставила. Вам лучше поговорить с той девушкой, которая у меня ее купила. И у которой, как я понимаю, вы сами купили эту квартиру.

– Мы ее снимаем. Хозяйка уехала куда-то в Китай, мы не знаем ее номера. Просто каждый месяц переводим деньги на карту.

– В любом случае я ничем не могу вам помочь, – Ирина поставила пустую чашку на стол и сложила руки на груди, давая понять, что прием окончен.

– Можете, – не двигаясь с места, заявил Войтех. – Вы тоже чувствовали что-то такое. Просто расскажите нам. Пожалуйста.

Ирина несколько долгих секунд разглядывала его, а затем перевела взгляд на бледную испуганную Сашу. На ее лице проступала внутренняя борьба, но сочувствие наконец победило.

– Это было не после смерти моего мужа, – едва слышно призналась она. – А до.

Войтех и Саша переглянулись. Если все это началось до смерти фотографа, тогда версию с его неупокоенным духом можно отбросить.

– Расскажите. Пожалуйста, – охрипшим от волнения голосом попросила Саша.

Ирина немного помолчала, как будто все еще решая, говорить или нет, а затем все же продолжила:

– На самом деле все это началось еще до того, как мы переехали в ту квартиру. Сейчас уже даже не вспомню, когда точно. Кажется, где-то сразу после прошлого Нового года или чуть раньше. Да, точно. У меня как раз несколько сделок было таких... продавала квартиры умерших людей. Еще коллеги шутили, что не к добру это. Как прицепится призрак какой-нибудь старушки-кошатницы, так не отвяжусь. Шутки-шутками, но где-то вскоре после этого мы с покойным мужем начали просыпаться по ночам от кошмаров. В самих кошмарах, конечно, нет ничего такого, и снились они нам разные, но почти каждую ночь. Среди этих сделок у меня вышла одна особенно хорошая. Владелец умер, а его дочь живет в Лондоне, ей отцовская квартира оказалась не нужна. Квартира была огромная, в хорошем районе. Высокие потолки, светлые комнаты, дорогая качественная отделка. Там владелец каким-то бизнесменом был, все мотался между Москвой и Питером, в квартире почти не жил, кухней так и вовсе, кажется, не пользовался. Вот после этой сделки у меня и накопилось достаточно средств, чтобы купить собственное жилье, до этого мы со свекровью жили. Мне эта квартира на Васильевском не очень нравилась, но Коля, когда увидел ее, прямо загорелся. Конечно, пришлось еще в нее денег вложить, там отделка страшненькая была, «цыганская», как я ее называю. В апреле прошлого года мы в нее переехали. Я дни считала до переезда, если честно. Коля пить начал, думала, хоть личная студия его отвлечет. Но... – она

развела руками.

– Лучше не стало? – с сочувствием поинтересовалась Саша.

– Стало только хуже. Вроде бы и клиенты у него были, модели и актрисы портфолио заказывали, и снимки его в разных журналах печатали, а он все равно продолжал пить. А потом началось вот то, что вы описываете. Ему казалось, будто на него кто-то смотрит, кто-то стоит за его спиной. Тоже говорил, что порой словно провалы в памяти случаются. Иногда после таких провалов находил сотни пустых кадров в фотоаппарате. Как будто одно место на стене фотографировал. Я, конечно, говорила, что это все от алкоголя, но, знаете, и сама что-то такое чувствовала. Кошмары сниться перестали, зато наяву ощущения были погаными. И почему-то только в студии, на первом этаже такого не случалось. А потом Коля умер, я быстро квартиру продала, как раз клиентка-художница нашлась, и съехала.

– Катю вы, конечно же, не предупредили, – с упреком сказала Саша.

Ирина посмотрела на нее, чуть прищулив глаза.

– Я тогда не знала, что ей это тоже останется. Думала, на нас и закончится. То есть на Коле, потому что после его смерти я как раз перестала это чувствовать.

– А как умер ваш муж? – поторопился спросить Войтех, пока Саша своей честностью и принципиальностью окончательно не настроила Ирину против них.

– Инсульт, – Ирина почти равнодушно пожала плечами. – Я ему даже разводом угрожала, но ему было плевать. В последнее время перед смертью пил по-черному, пару раз даже съемки срывал. В тот день я задержалась на работе, показывала объект в области, ночевать осталась там же, в Сестрорецке. Домой возвращаться было уже поздно, погода отвратительная. Может быть, если бы приехала... – Ее голос сорвался, и она замолчала, продолжив лишь через несколько секунд. – Приехала к полудню другого дня, зашла домой, его нет. Куртка и ботинки на месте. Поднялась в студию, а он там. Сидел на стуле, который иногда для съемок использовал, прямо по центру комнаты. Так и зачоченел, даже фотоаппарат из рук не выпал. Врачи сказали – обширный инсульт. Умер быстро. Не могу только понять, почему он там сидел? Дверь была заперта изнутри, значит, клиента у него не было. Если бы кто-то уходил, дверь снаружи запер бы. На самом фотоаппарате остались только пустые кадры, но он снимал их часа за три до смерти. Как будто сел на стул, фотографировал стену, а потом еще три часа так просидел и умер.

Ирина заметно разволновалась, налила себе стакан воды из графина и

залпом выпила.

– Так что мой вам совет, – она в упор посмотрела на Войтеху, как будто Саши и вовсе в квартире не было, – увозите жену оттуда. Срочно и подальше. Если оно к вам еще не прицепилось, то успеете. Я вот, видите, смогла.

Войтех зачарованно кивнул и сам почти не помнил, как они попрощались с хозяйкой и вышли на улицу. Очнулся лишь тогда, когда услышал Сашин голос:

– Бред какой-то. – Она чуть дрожащими руками вытащила из сумки пачку сигарет и прикурила, не торопясь садиться в машину. – Ничего не понимаю. Выходит, что это все началось еще с фотографом и его женой, потом они притащили это в новую квартиру, но после смерти фотографа «это», чтобы оно ни было, не последовало за Ириной, а осталось в квартире? И теперь преследует Катю? Я думала, тут уж либо человек, либо место. – Саша вопросительно посмотрела на Войтеху, как будто он мог знать ответ, но он не знал.

– Я сам понимаю не больше твоего, – признался он, вытаскивая из кармана снятую перчатку, чтобы вернуть ее на правую ладонь. К вечеру начался мелкий не то снег, не то дождь, и поднялся ветер, поэтому он немного замерз, но терпеливо ждал, пока Саша докурит, не садясь в машину сам. – Кажется, нам нужен мозговой штурм.

– Всенепременно. – Саша затушила докуренную только до половины тонкую сигарету о край мусорного бака и бросила ее внутрь. – А пока я предлагаю ехать домой, холодно до ужаса.

Войтех и не думал возражать.

1 мая 2015 года, 19.59

пр. Науки

– Какой-то дурацкий день, – то ли со вздохом, то ли со стоном протянула Лиля, опускаясь на диван рядом с Невом, который последние полчаса что-то читал.

– Разве? – рассеянно удивился он, не отрывая взгляда от книги. – Мне показалось, хороший был день. Все наконец возвращается на круги своя. Работа, исследование... Как будто ничего не произошло.

– Вот именно, «как будто», – передразнила она, запрокидывая голову назад, на подушки дивана, и глядя в потолок. – Это ты сегодня побывал на нашем совещании, потом на работе, потом снова на совещании – так день и прошел. Можно сделать вид, что все хорошо, что все как раньше. А я

сидела здесь и думала. Ничего уже не будет как раньше, Нев. ЗАО в том виде, в котором мы его знали, ликвидировано, а значит, моя миссия провалена. Общество отзовет меня, и я еще не знаю, что мне будет за то, что я их раскрыла перед вами. Всю работу по выявлению тех, кто стоял за «Прогрессивными технологиями» нужно начинать сначала, а мы даже не знаем, сможет ли этот Ляшин сдержать слово. Или мы так и будем сидеть все вместе в квартире Вани и бояться выходить по одиночке...

Нев закрыл книгу, которую все равно не читал, а лишь использовал как прикрытие, чтобы иметь возможность посидеть в тишине наедине со своими мыслями, отложил ее на столик и повернулся к Лице. Она тоже посмотрела на него, пряча истинные эмоции за маской демонстративного страдания, чем заставила улыбнуться.

– Иди сюда, – предложил Нев, раскрывая ей объятия.

Она с готовностью передвинулась ближе, положив голову ему на плечо и прикрыв глаза, позволяя себя обнять. Нев погладил ее по голове, словно маленького ребенка, и поцеловал в лоб.

– Все будет хорошо, – пообещал он. – Со мной тебе никого и ничего не стоит бояться. Уж точно не «Прогрессивных технологий» и не твое Общество.

– Да, только твоя жизнь в Питере, а моя – в Москве, – напомнила Лиля. – Ты не сможешь защищать меня двадцать четыре часа в сутки.

Нев ответил не сразу, продолжая рассеянно гладить и перебирать ее волосы. Лишь после довольно продолжительного молчания решился предложить:

– Так переезжай ко мне.

Она на мгновение затаила дыхание, и его рука тоже замерла. Нев поспешно добавил:

– Тебе необязательно решать это прямо сейчас. Просто имей в виду, что у тебя есть такой вариант.

– Почему не ты ко мне? – с улыбкой, которую он не видел, но мог услышать в ее голосе, уточнила Лиля.

– Потому что у меня трехкомнатная квартира, – спокойно пояснил Нев. – А в твоей однушке не найдется места для моей коллекции, – он кивнул на гобелен на стене, который сегодня скрывал как всегда запертую тайную комнату. – И потому что в Москве находится твое Общество, а в Питере, как я понимаю, у них нет филиала.

– Питер не так далеко от Москвы, чтобы они меня тут не достали, – хмыкнула Лиля, – если им это понадобится.

– Но все равно. Находиться с ними чуть ли не на одной улице не то же

самое, что в другом городе.

– Я и так с ними не на одной улице, слава богу. У нас офис на Тверской.

– Не так уж далеко от тебя, – пожал плечами Нев и снова поцеловал ее, на этот раз в макушку. – Как я уже сказал, тебе не нужно принимать решение сейчас. Давай я сделаю тебе ванну, ты как следует расслабишься, а потом мы откроем бутылку вина, приготовим что-нибудь вкусное и сделаем вид, что все у нас прекрасно и никому ничего не грозит. Один вечер мы точно можем себе это позволить. Как тебе такой план?

– Он прекрасен, – кивнула Лиля, подавив очередной вздох.

– Тогда я пойду включу воду.

Приготовив Лиле ванну и убедившись, что она закрылась в ней и в скором времени не выйдет, Нев включил на кухне радио погромче, чтобы тишина в квартире ее не насторожила, и торопливо скрылся в своей тайной комнате.

Открыв Книгу Темных Ангелов на нужной странице, он на мгновение замер, давая себе время еще раз все обдумать и принять другое решение. Однако правда была в том, что у него не было выбора. По крайней мере, все остальные варианты выглядели не такими привлекательными. Поэтому он решительно соединил кончики пальцев, замыкая контур и призывая чужую силу.

Несколько секунд спустя в пространстве перед ним возник узкий прямоугольник, толщиной не больше миллиметра, но способный перенести его за сотни километров.

Теперь он знал, на какой улице искать офис Общества. А более точный адрес ему подскажет Указатель.

Не медля больше ни секунды, Нев решительно шагнул в портал.

1 мая 2015 года, 21.06

ул. Тверская

Москва

Борис Евгеньевич Дятлов давно привык к тому, что в офисе на Тверской порой приходилось задерживаться допоздна даже по праздникам. Из сотен агентов Общества лишь немногие были привязаны к офису, но кураторы вроде него большую часть времени проводили именно здесь и имели ненормированный рабочий день. Особенно в те дни, когда им приходилось иметь дело с Шефом, который и вовсе работал всегда исключительно по своему графику. Он мог явиться в то время, когда

приличные люди собираются домой, и все кураторы были вынуждены сидеть на своих местах на случай, если понадобятся Шефу. Борис Евгеньевич ничего не имел против, потому что дома его все равно никто не ждал и заняться ему там было нечем.

Поэтому в начале десятого первого мая он спокойно сидел в кресле посетителя в кабинете Шефа и отчитывался перед ним за операции и агентов, которых курировал. Единственное, что его нервировало, – это неизбежность разговора насчет Лили и Нурейтдинова. С этим требовалось что-то немедленно решать, но Шеф почему-то медлил, а сам Борис Евгеньевич тоже не горел желанием продавливать эту тему.

Пока же Шеф спокойно слушал его отчет о «шкатулке желаний», на след которой вышел агент в Екатеринбурге. Он по обыкновению сидел, откинувшись на спинку кресла, прикрыв глаза и поглаживая кончиками пальцев небольшой шрам, рассекавший правую бровь. Видимо, так ему было проще воспринимать информацию на слух.

Борис Евгеньевич едва успел дойти до перечисления требуемых для продолжения операции ресурсов, когда дверь кабинета Шефа внезапно распахнулась и на пороге показался молодой агент. Это было неслыханной наглостью, но агент выглядел бледным, как смерть, что намекало на чрезвычайные обстоятельства.

– Шеф... Борис Евгеньевич... у нас... проблема.

Он задыхался от быстрого бега и ужаса, а потому говорил с трудом. Этого агента Борис Евгеньевич хорошо знал и понимал, что по пустякам он так нервничать не станет. Он тут же поднялся с места, готовый бежать и тушить любой «пожар».

– В чем дело?

– Избранник, – тонким, взвинченным голосом ответил агент. Теперь стало понятно, что задыхался до этого он не столько от бега, сколько все-таки от ужаса.

– Что с ним? – не понял Шеф, тоже встревоженно поднимаясь со своего места.

– Он здесь, – едва слышно выдохнул агент. Его глаза грозили вот-вот выпасть из орбит. – В офисе.

Борис Евгеньевич мгновенно рухнул обратно в кресло, как подкошенный. Такого не ожидал и не прогнозировал никто. И, естественно, никто не готовился к такому. К такому просто нельзя было подготовиться.

– Охрану на входе он уже миновал, – продолжал докладывать агент.

– Убил? – глухо уточнил Борис Евгеньевич.

– Нет, похоже, что только усыпил или обездвижил. Думаете, это

хороший знак?

Борис Евгеньевич медленно покачал головой. Сложно было предположить, что Избранник явится в офис Общества с миром. Он посмотрел на Шефа и едва слышно заявил:

– Михаил, вам надо уходить. Немедленно. Не дай бог он по вашу душу...

– Едва ли, – нарочито спокойно отозвался тот, но из-за стола вышел, пиджак застегнул и плащ с вешалки снял. – Уверен, он пришел за Перстнем. Остановите его, – велел он напоследок, уже выходя из кабинета. В коридоре его, конечно, ждала личная охрана.

– И как мы его остановим?

Молодой агент смотрел на оставшегося куратора с надеждой, словно у того была секретная кнопка, которая могла призвать какие-то неизвестные могущественные силы. Борис Евгеньевич сейчас многое отдал бы за подобную кнопку, но ее не существовало.

На мгновение в голове у него пронеслась мысль, что радикально настроенные члены Общества, голосовавшие за физическое устранение Нурейтдинова, были правы. Стоило сделать это, пока у них была такая возможность, но они не решились. Понадеялись на то, что изолировать от него один из даров будет достаточно. Да и Лиля должна была предупредить их, если он вдруг начнет выходить из-под контроля. Но либо она предала их, во что Борис Евгеньевич не верил, либо Нурейтдинов обхитрил и ее.

– Никак, – с горькой усмешкой ответил он. – Идемте, посмотрим, насколько все плохо.

Борис Евгеньевич заставил себя встать и вместе с молодым агентом поторопился к посту охраны. Внутри небольшой комнатки обнаружился всего один бледный как полотно охранник, передававший по рации информацию для остальных, призывая их перекрыть дорогу незваному гостю и сообщая, куда именно он направляется. Он ориентировался по изображениям на экранах, которые транслировали видео с камер наблюдения, и его трясло крупной дрожью.

– Что там? – спросил Борис Евгеньевич, наклоняясь к мониторам, словно боялся не разглядеть происходящее на экранах с большего расстояния.

– Да вот... – растерянно пробормотал охранник, но больше ничего так и не сказал.

Это и не требовалось. На одном из мониторов как раз было видно, как немолодой мужчина в обычных джинсах и свитере решительно поднимается по лестнице и выходит в коридор. Другой экран транслировал

ожидающую его вооруженную охрану.

– У них приказ стрелять на поражение, – тихо объяснил над его ухом молодой агент.

– Это бесполезно, – пробормотал Борис Евгеньевич.

И словно в подтверждение его слов Нурейтдинов спокойно, не скрываясь, вышел в коридор, как будто ему здесь ничего не грозило и грозить не могло. Охрана моментально открыла стрельбу: трое стреляли из пистолетов, у одного в руках был небольшой автомат. Нурейтдинов резко остановился, как будто налетел на невидимую стену, но даже не попытался увернуться. Впрочем, все выпущенные в него пули тоже налетели на ту же самую невидимую стену, замерли в пространстве и упали на пол. Охрана заметно растерялась, было видно, как они переглянулись между собой. А Нурейтдинов тем временем поднял руку и сделал ленивое движение кистью. Как будто страницу на планшете перелистывал. В ту же секунду оружие вырвалось из рук охранников и полетело в противоположную сторону коридора. Еще одно движение рукой – и глаза охранников закатились. Трое специально обученных людей рухнули как подкошенные.

Борис Евгеньевич с интересом склонил голову набок, чувствуя, как внутри затеплилась слабая надежда.

– Он не убивает, – пробормотал он. – Специально не убивает. Это не Избранник. Нурейтдинов себя контролирует, иначе он бы не оставлял живых.

– Он идет к хранилищу, Борис Евгеньевич, – констатировал теперь уже всем очевидный факт охранник. – И уже вывел из игры почти всех наших. Что делать?

– Скажите, чтобы никто к нему не приближался. Я попытаюсь с ним поговорить. Оставайтесь здесь.

Отдав эти распоряжения, Борис Евгеньевич тоже поторопился ко входу в хранилище. Он надеялся, что ему удастся убедить Нурейтдинова отступить. С Избранником едва ли кто-то смог бы договориться, но Лиля верила в разумность и железную волю носителя и смогла передать эту веру ему, поэтому он собирался попробовать.

Когда Борис Евгеньевич оказался у массивной бронированной двери, за которой скрывалось внушительное хранилище, Нурейтдинов уже стоял перед ней и пытался понять, как ее открыть. Замок здесь был хитрый, с обманками. С помощью магии его, конечно, все равно можно вскрыть, но потребуется сначала понять, куда эту самую магию нужно применить.

– Стой! – окликнул Борис Евгеньевич, замирая на почтительном расстоянии. – Не делай этого. Пожалуйста.

Нуреитдинов оглянулся и посмотрел на него удивленно и даже немножко растерянно. То ли не ожидал встретить здесь его, то ли не думал, что кто-то попытается вступить с ним в переговоры.

Они встречались всего один раз в жизни, когда Борис Евгеньевич помогал Лиле и ее друзьям выбраться из небольшого города в Сибири, в котором они оказались после побега из лаборатории ЗАО «Прогрессивные технологии» без денег и документов, а некоторые даже без нормальной одежды. Он делал это ради Лили в нарушение всех своих инструкций, потому что был обижен на Общество. В тот раз они с Нуреитдиновым только обменялись взглядами и парой фраз, старательно делая вид, что не знают ничего друг о друге, но Борис Евгеньевич хорошо запомнил его: как он двигался, как держал себя, как разговаривал. Заглянув в его глаза сейчас, он почувствовал, как томительно заныло в груди от дурного предчувствия.

Однако отступать было некуда. Силой они все равно ничего не могли сделать.

– Я знаю, зачем ты пришел, – Борис Евгеньевич постарался произнести это спокойно и уверенно. – Но я прошу тебя: не делай этого. Ты же понимаешь, к чему это приведет. Ты ведь этого не хочешь.

Нуреитдинов только криво усмехнулся и снова отвернулся, посмотрел на дверь.

– Лучше скажи мне, как ее открыть, – потребовал он. – Я ведь все равно это сделаю, но ты можешь сэкономить мне время.

– Не делай этого, – повторил Борис Евгеньевич. И добавил уже тише, словно боялся, что их подслушают: – Подумай о Лиле, о том, как это отразится на ней.

На этот раз Нуреитдинов повернулся к нему всем корпусом, на время забыв о двери.

– Именно о ней я сейчас и думаю, – заявил он, прищурив глаза.

Борис Евгеньевич помнил, что они были серыми, но сейчас казались черными из-за расширившегося на всю радужку зрачка.

– Тогда подумай еще раз, – посоветовал он. – Когда *он* вырвется наружу, с ней будешь уже не ты. Лишь твое тело, но не ты. А он не будет ее любить. Потому что не способен любить. И рано или поздно он ее погубит. Никто не сможет ее защитить от него.

– Об этом не волнуйся, – самоуверенно заявил Нуреитдинов с пугающей улыбкой на губах. – С ним я справлюсь.

– Это невозможно.

– Не говори *мне* о невозможном.

Он снова повернулся к двери, еще пару секунд рассматривал ее, а

потом просто очертил руками весь периметр, в конце концов найдя, где она на самом деле закрывается. Замок тихо клацнул, толстые металлические штыри в пазах шевельнулись и покорно отъехали в сторону. Нурейтдинов вошел в хранилище, а Борис Евгеньевич тихо выругался. Он вновь чувствовал себя бессильным, жалким и ничтожным, как всего неделю назад, когда пропала Лиля, а Шеф не захотел тратить ресурсы на ее спасение.

На мгновение у него появилась идея запереть хранилище и попытаться удержать Нурейтдинова там, но он отмел ее. Если он смог войти, сможет и выйти. А разозлить его – плохая идея.

Вскоре Нурейтдинов снова появился на пороге хранилища, крутя в руках Перстень Ангелов, но ни следа торжества в его взгляде Борис Евгеньевич не заметил. Лицо его выглядело скорее сосредоточенным, чем радостным. Да и перстень он не торопился надеть на палец.

– Ты подписываешь и себе, и ей смертный приговор, – предпринял Борис Евгеньевич последнюю попытку. – После такого уже никто не будет против твоего физического устранения. А ей достанется за компанию. Причем до тебя-то они едва ли доберутся, зато на ней отыграются за наше поражение.

Нурейтдинов замер и поднял на него еще более пугающий взгляд, если только это было возможно. Тот инстинктивно отступил назад, уже понимая, что ошибся. Перерезал не тот провод. Оставалось только надеяться, что бомба замедленного действия под названием «Избранник Темных Ангелов» не убьет его прямо сейчас.

Мгновение спустя он оказался прижат к стене, а его горло – сдавлено словно тисками. Он захрипел и попытался вырваться, но тут же замер, когда лицо Нурейтдинова приблизилось к его лицу. Теперь глаза полностью скрывала тьма.

– Только попробуйте тронуть ее. Передай это всем своим людям: если хотя бы один волос упадет с головы Лили, я уничтожу вас всех. Я найду и выслежу каждого члена вашего поганого Общества. И уничтожу вместе с семьями, включая престарелых родителей и новорожденных младенцев, чтобы вы никогда не смогли восстановиться.

– Ты этого не сделаешь, – прохрипел Борис Евгеньевич, скорее убеждая в этом себя.

Тиски, сжимавшие его горло, мгновенно разжались, Нурейтдинов отступил на шаг назад и улыбнулся.

– Хотите проверить? Правда хотите?

За его спиной появился прямоугольник переливающегося света, и он

шагнул в него, не оборачиваясь и не дожидаясь ответа. Просто исчез в мгновение ока, оставив Бориса Евгеньевича хватать ртом воздух у открытого хранилища, оказавшегося столь неэффективным.

1 мая 2015 года, 21.32

пр. Науки

Санкт-Петербург

Лиля не торопилась. Она долго лежала в ванне, прислушиваясь к музыке, лившейся из радиоприемника на кухне: Нев включил его достаточно громко, чтобы и ей было слышно. Два раза она подливала себе горячую воду, чтобы не замерзнуть. Когда густая мыльная пена окончательно осела, а кожа на пальцах рук и ног сморщилась, Лиля наконец спустила воду, но после этого позволила себе еще довольно долго стоять под горячими тонкими струями душа, смывая с себя все тревоги и переживания. Она знала, что эффекта не хватит надолго.

Наконец закончив с водными процедурами, она не торопясь вытерлась, накинула тонкий шелковый халат прямо на голое тело и вышла из ванной комнаты.

Тишина в квартире ее сразу насторожила. Радио на кухне продолжало петь песни, но Лиля не слышала никаких других звуков, словно в квартире не было никого, кроме нее. Конечно, Нев мог просто выйти в магазин, заметив, что чего-то не хватает для предстоящего позднего ужина, но она не слышала, чтобы хлопала входная дверь. Может быть, он ушел, пока она была в душе?

– Нев? Ты тут? – позвала она.

Он не отозвался. Лиля заглянула в спальню и на кухню, но они были пусты. Она уже решила, что он действительно ушел, когда в гостиной раздалось едва слышное звяканье стекла, от которого у нее почему-то мурашки побежали по спине. Однако Лиля заставила себя дойти до гостиной и заглянуть в нее.

И тут же шумно выдохнула: Нев стоял у единственного шкафа в этой комнате, в котором хранились не книги, а «парадная» посуда. Судя по всему, он выбирал бокалы.

– Ты чего опять не отзываешься?

Он обернулся и удивленно посмотрел на нее.

– А ты меня звала? Я не слышал.

– Может, тебе слух проверить? – едко предложила она, все еще чувствуя, как в груди колотится сердце.

Он повел бровью и снова отвернулся к шкафу.

– В моем возрасте, вероятно, это будет не лишним, – сдержанно ответил он, заставив Лилю поморщиться.

Ей совершенно не хотелось, чтобы слова прозвучали так. Поэтому она подошла к нему сзади, обняла за талию и быстро поцеловала в основание шеи.

– Извини, ты меня просто напугал. Что ты тут ищешь?

– Не могу решить, какое вино мы будем пить и, соответственно, какие бокалы для него взять.

– А у нас есть всякое? – удивилась Лиля.

– Да, мы же еще месяц назад купили. И с тех пор не пили.

– Тогда я голосую за белое, – заявила Лиля, еще раз его поцеловала и выпустила из объятий. – Но раз у нас достаются парадные бокалы, пойду надену что-нибудь более приличное и менее удобное.

– А мне и так нравится, – с улыбкой заметил Нев, доставая бокалы для белого вина.

– Не сомневаюсь. Но все равно переоденусь.

И она вышла из комнаты, оставив его с бокалами наедине. Нев уже собирался последовать за ней, когда услышал, как на журнальном столике завибрировал Лилин смартфон. Экран светился фамилией «Дятлов».

Нев поставил бокалы на столик, взял смартфон и после секундного колебания сбросил вызов. А потом полностью отключил аппарат и положил его обратно, но на этот раз экраном вниз.

Он не хотел, чтобы сегодня им кто-нибудь мешал.

Глава 10

1 мая 2015 года, 21.35

пер. Каховского

В снятой Войтехом квартире все было спокойно, тихо и навевало сон. Ваня, развалившись, сидел в офисном кресле за письменным столом, на котором сейчас стоял всего один ноутбук, транслирующий происходящее в мастерской Кати. В углу тихо бубнил телевизор, показывая американский блокбастер. Видимо, не очень увлекательный, потому что Ваня в какой-то момент почти полностью убрал звук, а потом так его и не включил. Сам он при этом играл в стрелялку на телефоне, громко комментируя происходящее.

– Наконец-то, – вместо приветствия заявил он, услышав хлопок входной двери. – Я тут себе уже всю задницу отсидел, – добавил он, когда Саша и Войтех появились на пороге комнаты. – Пора меня кому-нибудь сменить.

– Я тебя сменю, – заверил Войтех, подходя ближе и вглядываясь в экран. – Как там Катя?

– Творит, – бросил Ваня, пожимая плечами и лишь мельком взглянув на ноутбук.

Катя действительно спокойно сидела на высоком стуле перед мольбертом. Войтех удовлетворенно кивнул и отвернулся. Ваня выключил игру, с некоторым удивлением взглянул на экран телевизора, как будто там давно шел совсем не тот фильм, который он начинал смотреть. Он встал, потянулся, хрустнув суставами, и поинтересовался:

– Как вы съездили-то? Узнали что-нибудь новое?

– Новое и крайне интересное, – отозвалась Саша из прихожей.

Она прошла на кухню, заглянула во все коробки от пиццы, которые так и остались стоять на столе, но ни в одной ничего не нашла.

– Ты что, все съел? – обиженно поинтересовалась она, возвращаясь в комнату.

– Да сколько там оставалось, – отмахнулся Ваня, ходя из угла в угол, чтобы размять затекшие конечности. – Так что там про фотографа-то?

– Фотографа преследовало нечто, как и нашу Катю. – Саша плюхнулась на диван, вытянула ноги и вкратце пересказала разговор с Ириной. – Так что вот, – закончила она. – Надо утром звать Нева, возможно,

у него будут идеи, что такое могло прицепиться к фотографу и после его смерти осталось в квартире. Или, может быть, сейчас его напярчь? – она вопросительно посмотрела на Войтеху. – Лучше пусть он узнает еще дома, у него же умных книжек много, вдруг понадобится что-то посмотреть?

Войтех кивнул, бросил взгляд на часы, занимая место Вани в офисном кресле, и достал смартфон.

– Надеюсь, я не прерву что-нибудь романтическое, – заметил он, с улыбкой покосившись на Ваню. – Не хотелось бы злить темного мага.

Ваня, как раз дошедший до балконной двери и обернувшийся, чтобы пойти обратно, остановился и чуть прищурился, сверля Войтеху взглядом.

– Твоим здоровьем я готов рискнуть, – наконец выдал он.

– С другой стороны, Нев старше и опытнее, – тщательно сдерживая рвущийся наружу смехок, заметила Саша. – Наверняка он знает, что нужно вешать носок на дверь, если не хочешь, чтобы тебя потревожили. Ну, или в данном случае – выключать телефон.

Ваня перевел на нее раздраженный и немного растерянный взгляд, поскольку упоминание носка на двери ему ни о чем не говорило, но спросить ничего не успел.

– Добрый вечер, Нев, – первым сказал Войтех, поскольку гудки уже сменились довольно резким «Слушаю вас». – Надеюсь, я вам не помешал? У нас появились некоторые новые вводные данные.

Он обстоятельно пересказал ему разговор с женой фотографа, время от времени поглядывая на изображение Кати на экране. На задворках сознания начала скреститься какая-то тревожная мысль, но Войтех, занятый разговором, пока не мог поймать ее за хвост.

– Мы хотели бы завтра с утра все это обсудить, но, может быть, вы посмотрите в своих книгах, что это могло бы быть?.. Да, конечно, я понимаю, что информации непросто мало...

Он осекся, заметив на экране что-то странное, подался вперед, словно пытаясь разглядеть мелкую деталь.

– Иван, а ты можешь показать тот угол? Его какая-нибудь камера снимает? – Он ткнул пальцем в экран.

Ваня, до этого прислушивавшийся к разговору Войтеху и Нева и пытавшийся представить себе вопросы последнего, не сразу понял вопрос. А когда понял, подошел к столу и, чуть отодвинув кресло с Войтехом, склонился над ноутбуком.

– Вот этот, что ли?

На экране показался абсолютно пустой угол Катиной мастерской, в котором не стояли даже картины. Саша тоже поднялась с дивана и подошла

ближе, еще не понимая, что именно увидел Войтех, но услышав тревогу в его голосе.

– Странно, мне показалось... – Войтех тряхнул головой и снова поднес к уху трубку, в которой к нему взывал Нев. – Да, извините, мне тут просто кое-что показалось.

Ваня тем временем от скуки сменил еще несколько изображений, показывающих Катину мастерскую под разными углами. Войтех продолжал что-то сбивчиво говорить Неву до тех пор, пока на одном из изображений не появился некромант. Он стоял в Катиной мастерской, неприятно скалясь прямо в камеру и глядя Войтеху в глаза, словно мог видеть его сквозь пространство.

– Стой! Верни! – потребовал Войтех, вскакивая с места. Кресло с громким скрежетом отъехало назад и едва не опрокинулось, вовремя остановленное Сашиной рукой.

Ваня удивленно покосился на непривычно возбужденного Войтеха, но послушно вернул изображение, только на нем уже никого не было.

– Ничего не понимаю... – пробормотал Войтех растерянно. Он до боли в глазах вглядывался в экран, прекрасно осознавая, что на нем никого нет. Неужели показалось? Как тогда, на дороге?..

– Войтех, объясни, в чем дело? – потребовала Саша. Неприятная тревога теперь овладела и ею. Она не знала, что именно Войтех ищет на видео, но ей казалось, что она сама смотрит в экран ноутбука и не замечает чего-то очень важного.

Войтех сел обратно в кресло, на этот раз игнорируя голос Нева в забытой трубке. Его трясло, внутренности завязывались в тугий узел то ли из-за тревоги, то ли из-за страха. Он только не мог понять: это говорит интуиция или его просто пугает то, что на этот раз он действительно сходит с ума?

– Не знаю, – он покачал головой. – Я только что снова совершенно отчетливо видел его...

– Его? – переспросила Саша, уже догадываясь, кого именно он имеет в виду.

– Какой-то день у Катюшки нашей непродуктивный, – перебил их Ваня, но слова произнес медленно, как будто еще сам додумывал начатую мысль.

Войтех вопросительно посмотрел на него, мгновенно переключаясь с некроманта на происходящее с Катей, только почему-то тревога от этого возросла.

– В каком смысле?

Ваня вывел крупное изображение, на котором была видна не только Катя, но и холст перед ней: на него легло всего несколько черных линий.

– Она за мольбертом уже часов пять сидит, – пояснил Ваня. – И намалевала только это.

Саше показалось, что на нее вылили ушат холодной воды. Вот, вот что казалось ей странным! Вот чего она не видела на трансляции: чтобы Катя двигала рукой, в которой держала кисть.

– Можешь посмотреть, когда она рисовала в последний раз? – дрожащим от возбуждения и тревоги голосом попросила она.

Ваня пощелкал клавишами и переключился с трансляции на просмотр записи, после чего включил перемотку назад.

– Что-то вы оба нервные какие-то, – заметил он, глядя то на Сашу, то на Войтеху.

– Ускорь, – вместо ответа попросила Саша, поскольку Катя на записи так и сидела на стуле.

Ваня ускорил перемотку, потом еще и еще, и вот наконец Катя подняла руку к мольберту. Саша посмотрела на время внизу экрана.

– Она так уже почти три часа сидит!

– И что? – Ваня все равно не понимал ее тревоги. – Может, созерцает. Хотя... что вы там говорили про фотографа?

– Вот именно! – Саша испуганно посмотрела на Войтеху. – Что если с Катей то же самое? Нужно срочно что-то сделать!

Еще когда Ваня перематывал запись, Войтех тоже наконец поймал за хвост мысль, царапавшую сознание с того самого момента, как он сел за ноутбук и увидел Катю. У фотографа в его видении было странное выражение лица: бессмысленное, пустое, как будто здесь присутствует только оболочка, а мысли, чувства и сознание далеко. Полыхали вспышки, но снимал он пустоту перед собой. И точно такое же выражение лица было сейчас у сидящей перед мольбертом Кати.

Войтех снова поднес трубку к уху и лаконично попросил:

– Нев, приезжайте прямо сейчас.

Не слушая ответ, он сбросил звонок, поднялся с места и поспешил в прихожую.

– Нужно привести ее в сознание.

– Я с тобой! – тут же отозвалась Саша, на ходу хватая свою сумку.

Она всегда держала в ней маленький несессер с запасом необходимых медикаментов, который после знакомства с Войтехом прилично пополнился. Еще до того, как они узнали, что именно вызывает его видения, Саша выяснила, что в этот момент его сердце работает на износ, а

артериальное давление заметно повышается, из-за чего иногда идет носом кровь. Именно тогда она добавила в несессер и препараты, призванные его экстренно понижать. Пользовалась редко, в последний раз почти год назад, когда они проводили расследование в Нижегородской области и Войтех потерял сознание в подвале дома, где когда-то происходили жуткие вещи. Но с тех пор она еще тщательнее следила за сроком годности препаратов и всегда пополняла запасы. Если Катя, как и фотограф до нее, рискует сейчас умереть от инсульта, у Саши были с собой все необходимые лекарства, чтобы попробовать не допустить этого.

– И я с вами, – не стал оставаться один Ваня, тоже вслед за ними торопливо выходя в прихожую.

Войтех в последний момент схватил ключи от Катиной квартиры, и они все вместе помчались к ней. Естественно, регулярно занимающийся бегом Войтех обогнал даже любителя экстремальных видов спорта Ивана, а Саша и вовсе отстала от них обоих.

По лестнице Войтех взлетел без проблем, сразу ко входу в мастерскую. Вот дверь открывал дольше, чем надеялся: руки почему-то сильно дрожали, и он никак не мог попасть ключом в замочную скважину. Но наконец он оказался внутри и сразу же бросился к Кате, которая сидела все в той же позе.

– Катя! – Он потормошил ее за плечо. – Катя, ты меня слышишь?

Та не отзывалась и не реагировала. Она медленно моргала и не теряла равновесия, но руки ее безжизненно лежали на коленях, а когда Войтех коснулся ее, кисть выскользнула из пальцев и упала на паркет, даже не запачкав его: краска давно высохла. Было непонятно, в сознании девушка или нет.

Когда Саша вбежала в мастерскую, Войтех еще пытался привести Катю в чувство, а Ваня бестолково суетился рядом.

– Дай мне, – с трудом проговорила запыхавшаяся Саша, тут же отодвигая обоих.

Как она и думала, пульс Кати уже стремился к опасному максимуму, а давление наверняка приближалось к критической отметке. Еще немного, и они бы опоздали. В отличие от Войтеха, Сашины руки не дрожали, и сама она внешне никак не выказывала волнения, в критических ситуациях включая «режим врача». Только сердце стучало сильнее обычного. Хотя Саша не могла сказать наверняка: от волнения за Катю или бега перед этим. Она быстро ввела в вену необходимое лекарство и оглянулась на ребят.

– Окно откройте.

Ваня тут же подбежал к окну и распахнул его настежь, впусив в

просторную мастерскую холодный воздух, пахнувший дождем.

– Что с ней? – встревоженно спросил Войтех.

Саша снова посмотрела на сидящую перед ней девушку. Она не шевелилась и никак не реагировала на происходящее. Пульс начал медленно снижаться, но в сознание она пока не пришла.

– Нужно уложить ее.

Войтех с готовностью подхватил Катю на руки и уверенным шагом направился к лестнице на нижний этаж. Там он уложил ее на диван в гостиной, подсунув под голову маленькую подушку. Катя продолжала смотреть в одну ей видимую точку. Войтех непроизвольно погладил ее по голове.

– Давай же, очнись...

Саша еще что-то делала с ней, но должного эффекта ее действия не оказывали.

– Надо вызвать «скорую», – наконец решила она.

– Ага, и как мы объясним, кто мы такие и что делаем в ее квартире? – возразил Ваня. – Нам ее папаша голову отвернет, если узнает, что мы себя перед дочуркой раскрыли.

– То есть ты считаешь, что он не отвернет нам голову, если узнает, что мы не уследили за ней? Считай, что мы уже все равно трупы, а девушке нужно помочь!

– Я могу отвезти ее в больницу, – предложил Войтех. – Скажу, что зашел навестить, дверь была открыта. У нее провалы в памяти, она не может быть уверена, что закрывала ее.

– Нет, лучше «скорую», – настаивала Саша. – Не стоит лишний раз тормозить ее, тем более в моей машине будет не слишком удобно везти ее. И я должна остаться на тот случай, если понадобится еще помощь, а потом рассказать врачам, что уже вводила. Вот Ваня может уйти.

– Буду ждать вас внизу, – с готовностью кивнул тот, однако не успел он сделать и пары шагов, как Катя вдруг глубоко и шумно вдохнула, на секунду прикрыла глаза, а когда снова открыла их, взгляд ее стал осмысленным, и в нем промелькнул испуг.

Она настороженно осмотрела все вокруг, как будто не понимала, где находится и как здесь оказалась, скользнула взглядом по застывшему в неестественной позе Ване, с тревогой смотрящей на нее Саше, и остановилась на Войтехе.

– Войтех? – Его имя далось ей с трудом, как будто она очнулась после очень долгого сна.

– Катя! – Тот облегченно выдохнул и присел рядом с ней на диван,

заглядывая в глаза. – Ты как? Ты в порядке?

– Что случилось? – она нахмурилась. – Кто эти люди?

– Это мои друзья, – не давая никому произнести и слова, ответил Войтех. – Я им много про тебя рассказывал, им очень захотелось взглянуть на твои картины. Вот мы и зашли. Дверь мастерской оказалась открыта, а ты словно в ступоре сидела перед мольбертом. Что случилось?

– Не знаю. – Катя поморщилась, закрыла глаза и потерла лоб. – Не помню. Мне кажется, я только что была в совсем другом месте. Там было так страшно... Или я просто спала и мне снился кошмар?

– А что за кошмар? – тут же заинтересовался Ваня, возвращаясь от двери.

– Можно мне сначала осмотреть вас? – попросила Саша. – Я врач. У вас было очень высокое давление, нужно убедиться, что сейчас все в порядке.

Катя снова удивленно посмотрела на них, как будто уже забыла о присутствии посторонних людей в своей гостиной.

– Кто вы такие? Как вы тут оказались?

– Я же сказал, это мои друзья, – напомнил Войтех, нахмурившись. Судя по всему, девушка оставалась дезориентированной.

– Какого черта ты притащил сюда друзей? – Катя села на диване, бросив на Войтеха взбешенный взгляд. Этот внезапный переход от растерянности к раздражению пугал его еще сильнее. – Кем ты себя возомнил? Вон отсюда! Вы все! Убирайтесь!

– Кажется, картинки нам не покажут, – едва слышно хмыкнул Ваня, снова направляясь к выходу.

– Катя, пожалуйста, спокойнее, мы уже ходим, – попросила Саша. Оставляя ее одну сейчас казалось ей не лучшим вариантом, но злить – еще худшим. И вовсе не из-за ее отца, а из-за нее самой. Сейчас ей требовался покой. – Вам лучше не волноваться и до утра не вставать с дивана. Да, наверное, прийти без звонка было не лучшей идеей, мы извиняемся и уже уходим. Вы, главное, не волнуйтесь, вам нельзя. – Она перевела взгляд на Войтеха. – Мы подождем тебя внизу.

Саша надеялась, что одному ему удастся успокоить Катю. Тот кивнул, давая понять, что попытается это сделать. Тогда она торопливо догнала Ивана в прихожей и секунду спустя за ними захлопнулась дверь.

Войтех посмотрел на все еще взволнованную и раздраженную хозяйку квартиры, примирительно улыбнулся и даже позволил себе осторожно коснуться ее руки.

– Прости. Это было спонтанное решение, мы не собирались

врываться. Просто я испугался за тебя.

Как минимум это было истинной правдой. Катя, словно почувствовав это, немного успокоилась и легла обратно на подушки. Остатки сил покинули ее, и она даже не смогла ничего ответить. Тем не менее Войтех видел, что сейчас она просто устала и напугана, но сознание ее определенно здесь, никуда не делось. Он встал, взял плед, валявшийся на кресле рядом с диваном, и укрыл им ее.

– Отдыхай. Тебе действительно лучше полежать. Не хочешь рассказать, что тебе снилось?

Она помотала головой, натягивая плед до самого носа. Войтех видел, что ее то ли слегка знобит, то ли просто трясет, но сейчас больше ничем не мог ей помочь. Он только понимал, что времени у них осталось мало.

– Тогда отдыхай. Я сам захлопну дверь.

Катя не стала его останавливать.

1 мая 2015 года, 22.49

Пока они дожидались приезда Нева и Лили, Войтех сидел за ноутбуком и проматывал записи с камер, на которых, как ему казалось, он видел некроманта. Но ни на одной из них не было и следа постороннего присутствия в Катиной квартире. Саша с тревогой наблюдала за его действиями, и даже Ваня кидал озабоченные взгляды.

– Ничего не понимаю, – Войтех свернул окно с воспроизведением записи и снова вывел на экран трансляцию, на которой Катя мирно спала на диване. Или как минимум дремала. – Я видел его так же отчетливо, как вижу сейчас Катю. Неужели это действительно просто галлюцинации?

– Знаешь, я бы даже поржал над тобой, если бы самому однажды не показалось, что там что-то есть, – внезапно без тени улыбки признался Ваня. – В тот вечер, когда мы с Сашкой картину сперли. – Он бросил мрачный взгляд на большое полотно, которое снова стояло отвернутым к стене. Никто в нем больше так ничего и не видел, но его присутствие все равно вызывало чувство беспокойства.

– Может быть, тогда Катя все-таки действительно не собиралась проветривать? – предположила Саша. Ей не сиделось на месте, поэтому она встала с дивана и прошлась по комнате, поглядывая на часы. Со времени звонка Неву прошло уже около сорока минут, они с Лилей должны были приехать с минуты на минуту. – И это что-то появляется на камере перед ее приступом?

– Но почему тогда в прошлый раз видел только я, а в этот – только

Дворжак? – покачал головой Ваня. – И почему оно не записалось на видео?

– Может, его видит самый восприимчивый человек из тех, кто смотрит? В прошлый раз им оказался ты, в этот – Войтех?

– Айболит, ты меня извини, конечно, но ты же не считаешь меня восприимчивее себя?

Саша молча пожала плечами, других вариантов она предложить не могла.

– Войтех, ты что думаешь?

– Что мне действительно стоит проверить мою опухоль, как только вернусь в Москву, – хмуро проворчал тот. – Потому что некроманта я уже видел, и не в квартире Кати. И тогда это точно не могло быть связано с ее феноменом.

– Если только та дрянь, что глючит ее, не прицепилась к тебе, пока ты к ней в гости ходил, – заметил Ваня.

Войтех ничего не успел на это ответить: раздался звонок в дверь, и Саша впустила в квартиру Нева и Лилю. Оба выглядели не очень-то довольными. Это давало основания подозревать, что их действительно оторвали от чего-то более приятного.

– Что у вас тут случилось такого срочного? – поинтересовался Нев. – И хочу сразу предупредить: я ничего не успел посмотреть в своих книгах.

– У нас едва не случилось ЧП, после которого нас всех закопали бы в братской могиле, на которой ЗАО поставило бы памятник на возвращенные им деньги, – хмуро ответил Ваня, поглядывая на сестру.

– Мы выяснили, как умер фотограф, которому раньше принадлежала Катина квартира, – добавила Саша. – И судя по всему, если бы не поставили в ее мастерской камеры, то утром уже нашли бы и ее холодное тело.

Саша вкратце пересказала новоприбывшим и разговор с женой фотографа, и произошедшее с Катей.

– По всему выходит, что фотограф где-то подцепил какую-то дрянь, а после его смерти она осталась в этой квартире и прицепилась к Кате. Ваня высказал предположение, что она могла прицепиться и к Войтеху, поэтому он видел... некроманта.

Нев странно побледнел, нахмурился и молча отошел к окну. Лилия проводила его встревоженным взглядом, но ничего не сказала, вместо этого села на диван и вопросительно посмотрела на Войтеху.

– Некроманта?

– Долгая история, – отмахнулся тот. – Но это из-за него я попал под машину. И, кстати, после того, как я отключился, для меня все

продолжилось. То есть моя галлюцинация преследовала меня и в беспамятстве... – он задумчиво замолчал. – Мне сказали, что я подозрительно долго не приходил в себя, хотя даже сотрясения мозга не получил. И Катю мы тоже долго не могли привести в чувство. Она сказала, что до того, как мы ее разбудили, была в другом месте. То есть ей все казалось очень реальным. Фотограф, судя по всему, часами сидел в прострации. Вероятно, тоже находился совсем в другом месте и что-то там видел. Даже пытался фотографировать это.

– Все эти переливания из пустого в порожнее очень интересны, – язвительно заметил Ваня. – Но мы ни на шаг не приблизились к пониманию того, что там происходит. И из-за чего оно происходит.

– Все, что мы знаем: это происходит на втором этаже и осталось от фотографа, – Войтех развел руками. – И это заставляет видеть чертовски реальные и пугающие сны.

Саша, поглядывавшая на окно, к которому отошел Нев, и размышлявшая, не будет ли наглостью приоткрыть его и закурить в присутствии всех, внезапно обернулась.

– А помнишь, что сказала Ирина? – возбужденно спросила она у Войтеха. – Когда мы поинтересовались, не чувствовала ли она чего после смерти мужа? Она сказала, что не жила больше в той квартире, быстро продала ее, даже мебель оставила! Она оставила там все, что осталось от мужа. Что если поэтому эта дрянь и не ушла за ней? Что бы это ни было, оно было привязано не к фотографу, а к какой-то его вещи, которая осталась Кате, находится на втором этаже и вызывает все это!

– Да что там из мебели на втором этаже? – нахмурился Войтех. – Там же мастерская. У фотографа там была студия, но Катя, судя по всему, выбросила все лишнее. Едва ли темная сущность живет в какой-нибудь подставке для кистей?

– А мы сейчас посмотрим, – предложил Ваня, наклоняясь к ноутбуку, чтобы как следует рассмотреть обстановку в мастерской Кати.

– Зеркало, – неожиданно подал голос Нев, не оборачиваясь.

Зато к нему повернулись все остальные.

– Зеркало? – переспросила Лиля.

– Какое зеркало? – не поняла Саша.

– Вот это, что ли? – Ваня вывел на экран большое зеркало, висевшее на стене в мастерской, к которому были повернуты все рабочие мольберты. – Оно тут при чем?

– Если мы ищем одержимый предмет, то зеркало больше всего подходит на эту роль, – Нев наконец повернулся к остальным, скрещивая

руки на груди. – Никому из вас чертовски реальные кошмары и галлюцинации ничего не напоминают?

Его друзья медленно переглянулись, убеждаясь, что каждый понял, о чем он говорит. Полтора года назад в заброшенном городке именно Зеркало Смерти вызывало их пугающие сны и не давало выбраться.

Ваня тут же повернулся к компьютеру, снова интенсивно зашелкал клавишами, выводя на экран другие стоп-кадры.

– Кажется, Нев прав, – заявил он. – Смотрите, зеркало висит так, что в нем могла отражаться та картина, которую мы уволокли, – он кивнул на стоящую у стены картину.

– Точно! – Саша подошла к нему и тоже склонилась над ноутбуком. – Вернее, в нем отражались те, кто видел в этой картине что-то. Я еще когда Гронского ждала, пересмотрела эти записи, мы все стояли в одном месте, когда видели что-то. А Ваня в другом, потому и не видел. Только я не связала это с зеркалом. Но постойте, – она выпрямилась и посмотрела на Нева. – Мы ведь уничтожили то зеркало.

– А кто сказал, что оно существовало в единственном экземпляре? – пожал плечами Ваня и тоже повернулся к Неву. – Я же прав? Ведь их могло быть два или даже больше?

– Да дело-то не в зеркале, – пробормотал Нев, снимая очки и потирая переносицу. – Дело в том, что живет внутри. Когда я уничтожил то зеркало, я видел его. Или... чувствовал. Сложно объяснить. Суть в том, что внутри сидело нечто, питающееся человеческим страхом, выпивающее его до дна. И аналогичная тварь вполне может жить и здесь. Очевидно, попало оно туда недавно. Откуда – даже предположить не берусь.

– Но вы можете его уничтожить, как уничтожили предыдущее? – уточнил Войтех, который уже дал себе пару мысленных подзатыльников.

Как он мог не узнать эти ощущения, когда смотрел на картину? Ведь во время Сашиного ритуала он стоял к Зеркалу Смерти спиной достаточно долго.

– Думаю, могу, – кивнул Нев. – Хотя придется снова выпустить того... другого.

– А другого способа нет? – тут же мрачно поинтересовалась Лиля. – Может быть, зеркало просто убрать?

– В ваше бездонное хранилище? – хмыкнул Ваня. – Уничтожить как-то надежнее, на мой взгляд. Пока оно существует, его могут вынести и воспользоваться. Не так ли было с прошлым? – он насмешливо посмотрел на сестру.

Лиля бросила на него испепеляющий взгляд.

– А ты помнишь, какой он? Тот *другой*? Уверен, что и на этот раз Нев сможет снова запереть его? Это не шутки. Нельзя вызывать его без конца, словно мастера на час, и надеяться, что, выполнив за нас всю сложную работу, он будет снова и снова покорно возвращаться туда, откуда приходит!

Ваня хотел ей что-то ответить, но сигнал вызова смартфона сбил его с мысли. Увидев на экране имя, Ваня удивленно приподнял брови.

– Да, дядя Боря, – деланно бодро поприветствовал он, снова покосившись на сестру. – Да, она тут. Сейчас дам ей трубку.

И он протянул смартфон Лиле. Та приняла его и поторопилась скрыться на кухне. Говорить с куратором в присутствии остальных ей все еще казалось неловким, хотя они давно уже все знали, и даже Ваня пережил тот факт, что старый друг их родителей оказался членом той же организации, что и его сестра-двойняшка.

Пользуясь тем, что она ушла, Войтех тихо поинтересовался у Нева:

– Вы-то сами как считаете? Сможете его потом усмирить?

Нев пожал плечами.

– Вы же понимаете, что гарантии я дать не могу. Но я думаю, что справлюсь.

– Звучит не очень обнадеживающе, – осторожно заметила Саша.

Ее всегда пугало, когда Нев выпускал «другого», и каждый раз она боялась, что он не вернется обратно. Отчасти она была согласна с Лилей. Если есть возможность, лучше бы просто изолировать зеркало.

– Но попробовать стоит, – с нажимом повторил Ваня. – Я за то, чтобы такие вещи решать радикально. Нев всегда справлялся, и сейчас справится.

– Не справится.

Голос Лили, вновь появившейся на пороге комнаты, прозвучал тихо, но очень внятно. Незнакомо жестко. Наверное, никто из ее друзей еще ни разу не слышал такого тона.

Нев надел очки и посмотрел на нее исподлобья. И этот взгляд тоже показался всем чужим, незнакомым, пугающим. Все пространство комнаты мгновенно наэлектризовалось, казалось, что искры вот-вот засверкают в воздухе.

– Что? – холодно переспросил Нев.

– Я говорю, что ты не справишься, – она помахала в воздухе Ваниным смартфоном. – Я даже не уверена, ты ли это еще.

Трое их друзей удивленно и настороженно смотрели то на Лилию, то на Нева, не понимая, что происходит, хотя и догадывались, что это как-то связано с Обществом, в котором состояла Лилия.

– Что сказал дядя Боря? – спросил Ваня.

– Ты выключил мой телефон, чтобы он мне не дозвонился, да? – игнорируя вопрос брата, спросила Лиля у Нева. Голос ее едва заметно дрожал, но было сложно определить от чего: от страха или от злости. – Ты отправил меня принимать ванну, а сам напал на офис Общества? Как ты оказался там так быстро? Как ты вообще узнал, где он?

– Отвечая по порядку на твои вопросы: да, да, портал, ты сама сказала, – голос Нева все еще оставался спокойным, холодным и отчужденным.

– Тогда ответь и на главный вопрос: это все еще ты? Я все еще говорю с Невом? Или это уже Избранник?

– Это все еще я.

Саша на всякий случай быстро шагнула к Войтеху, зато Ваня поднялся из-за стола, мгновенно став выше всех в комнате, и сделал шаг вперед, оказавшись таким образом почти между Лилей и Невом. Наверное, даже если бы сейчас глаза последнего заливала пугающая чернота, он бы все равно так сделал. Лилия могла состоять в тысяче тайных обществ, но она все равно навсегда останется его сестрой, ответственность за которую он добровольно возложил на свои плечи после смерти родителей.

– Ты можешь толком объяснить, что произошло? – потребовал Ваня. – Нев, зачем вы наведывались в Общество?

– Он похитил Перстень Ангелов. Дар Богатства. Теперь у него четыре дара от четырех Ангелов. Он в одном шаге от того, чтобы стать Избранником, – нервно сообщила Лилия.

– И если ты перестанешь смотреть на меня, как на дьявола, я даже объясню, зачем я это сделал, – все так же спокойно предложил Нев.

Лилия молча изобразила приглашающий жест, потому что ее глаза уже поблескивали от слез, и она явно не хотела давать им волю, а за твердость голоса не могла поручиться.

– Я сделал это ради Саши, – Нев перевел взгляд на Сашу, которую Войтех обнял за плечи, как будто пытался уберечь от надвигающейся опасности. – Я знаю, как избавить вас от Ангела раз и навсегда. И вас, и всех ваших потомков. Возможно, я даже смогу заставить его отпустить ваших предков. Для этого мне и понадобился Перстень.

Саша ошарашенно смотрела на него, чувствуя себя очень странно. Его слова долетали до нее, но как будто разбивались о невидимую преграду, не добравшись до цели. Еще в тот момент, как Лилия сказала, что именно Нев похитил у Общества, она вспомнила его давнишние слова о том, что для снятия с нее проклятия ему необходима Книга Темных Ангелов, которая

уже и так была у него, и Перстень. На поиски этого Перстня они в свое время бросили все силы, но так и не нашли его. И вот теперь новость о том, что он нашелся, заставила ее сердце забиться чаще. Неужели она сможет избавиться от проклятия? Не жить больше в постоянном страхе? Не просыпаться ночами от кошмаров? Не думать о том, куда попадет после смерти?

– Что? – только и спросила она, хотя не была уверена, что произнесла это вслух. В горле мгновенно пересохло, а по телу разливался странный жар. Наверное, если бы Войтех не обнимал ее, она села бы на ближайший стул.

– Подождите, – внезапно подал голос Ваня. – То есть когда мы искали Перстень, чтобы спасти Сашку, он был у вас? – он хмуро посмотрел на сестру.

– Да, был, – ничуть не смутившись, ответила та. – И я даже просила куратора дать мне его для ритуала, но это сочли слишком опасным. – Она снова посмотрела на Неву. – Ты понимаешь, что четыре дара – это слишком много? Я уже не смогу вернуть тебя, если что-то пойдет не так. Никто не сможет.

– Все пройдет хорошо, – убежденно повторил Нев. – Если только Саша согласится на ритуал.

Все одновременно посмотрели на растерянную Сашу. Она расширившимися не то от ужаса, не то от восторга глазами смотрела на Неву, а затем судорожно кивнула.

– Конечно же, я соглашусь на ритуал! Вы же понимаете, что это даже не вопрос?

– Дело в том, что для этого ритуала... мне сначала придется снять вашу защиту, – объяснил Нев причину своих сомнений. – И таким образом приманить Ангела. Вы будете наживкой.

– Вам не кажется, что это слишком рискованно? – тут же возмутился Войтех. – А если Ангел заберет ее?

– Я постараюсь этого не допустить.

– Вы *постараетесь*? – переспросил Ваня.

Нев молча пожал плечами, давая понять, что может предложить только такой вариант. И Саше его хватило.

– Я согласна рискнуть, – твердо заявила она.

Войтех на мгновение крепче прижал ее к себе, а затем отпустил, развернув к себе лицом. В ее глазах не было ни капли сомнения. В ее глазах никогда не было сомнения, когда она решалась на важные для себя вещи, даже если ему они казались чистой воды безумством.

– Хорошо, – наконец согласился и он. – Давайте сейчас разберемся с чертовым зеркалом, а затем обсудим подробности.

Глава 11

1 мая 2015 года, 23.35

пр. Кума

Катя беспокойно ходила по большой гостиной, совмещенной с кухней, то и дело натыкаясь на углы мебели. После ухода Войтеха и его странных друзей она не смогла долго лежать, как советовала брюнетка. Руки дрожали, голова кружилась, и ее немного мутило. С каждым днем все становилось только хуже, и если раньше ей удавалось чем-то отвлекать себя, то сейчас не радовало даже новое знакомство с приятным и симпатичным мужчиной. Каждую минуту неумолимо тянуло в мастерскую. Взять в руки кисть, расчехлить краски и писать. Она одновременно хотела этого и боялась. Боялась, потому что каждый раз после очередного «сеанса» ей становилось плохо физически и морально. Она совсем не помнила часов, проведенных за мольбертом, и это пугало еще сильнее. Картины, написанные в таком состоянии, вызывали восторг и отвращение одновременно. Хотелось вынести их на помойку и сжечь, но эти мысли причиняли почти физическую боль.

Она ходила по комнате и не знала, что ей делать. Нужно подняться и посмотреть, что она нарисовала в этот раз. Забавный нерешительный поклонник сказал, что нашел ее в мастерской. Значит, она что-то рисовала. Ей казалось, что если она прямо сейчас не узнает, что осталось на холсте, просто сойдет с ума.

Она торопливо подошла к лестнице и даже ступила на первую ступеньку, но тут же остановила себя. Хватит. Это надо прекратить. Она сходит с ума, пора это признать и обратиться за помощью к отцу. Когда она первый раз рассказала ему об ощущении, что ее кто-то преследует, он сразу забеспокоился, словно к этому были какие-то предпосылки. Тогда Катя решила больше ничего не говорить, не беспокоить зря, ведь она сама не знала наверняка, так это или нет. И еще боялась, что он сочтет ее сумасшедшей. Но сейчас ей было плевать. Пусть считает. Только пусть поможет, сделает что-то! Остаться и дальше один на один с кошмарами стало невыносимо.

Она зашла в спальню, вытащила из шкафа чемодан и принялась кидать в него одежду. Катя решила прямо сейчас ехать на вокзал. Ну и что, что поезда не будет до утра? Она подождет там. Где угодно, только не в этой

квартире.

Тошнота усилилась, и в голове шумело так сильно, что мысли перестали оформляться в связные предложения. Вместе с одеждой в чемодан улетела настольная лампа, зимние ботинки и книжка, которую она читала. Да, и самой бы не забыть переодеться: ее одежда измазана краской, полиция остановит ее в таком виде.

Катя полностью разделась, вытащила из шкафа новенькое вечернее платье, которое купила как-то по случаю и еще ни разу не надевала. Если она приедет такая нарядная, отец не испугается сразу. Не подумает, что что-то случилось. Ей не хотелось пугать его с порога. Она натянула платье прямо на голое тело, закрыла чемодан, вытащила его в гостиную и остановилась. Где же телефон? Нужно вызвать такси. Побыстрее, пока не развели мосты.

Уехать, срочно уехать! И больше не возвращаться в эту квартиру. Никогда. Все началось, когда она переехала сюда. Поэтому больше она сюда не вернется. Нужно только найти телефон...

И ей совсем не жалко оставшихся тут вещей и картин. Она купит новые вещи и напишет новые картины. Легкие, красочные, какие писала раньше. Где же чертов телефон?!

Неужели наверху? Катя снова подошла к лестнице и посмотрела наверх. Да, наверное, он там.

Подниматься почему-то было страшно. Стены вдруг почернели, покрылись влажным мхом и стали отвратительно вонять. По ним потекла черная краска, как будто кто-то нескончаемым потоком лил ее сверху. Сердце забило еще сильнее, стучало уже в голове, и Катя не сразу сообразила, что еще один стук, вторивший ему, – посторонний. Он сбивал ритм сердца, гвоздями впиваясь в голову, поэтому она раздраженно обернулась.

Стучали в дверь. Кто мог прийти в такой час? Если снова соседка, она спустит ее к чертям с лестницы!

Катя торопливо спустилась вниз и распахнула входную дверь. На пороге оказался тот самый поклонник и еще какой-то седой мужик, которого она не знала.

– Ты не вовремя! – она попыталась захлопнуть дверь, но Войтех ловко удержал ее.

– Катя, стой, я здесь, чтобы помочь тебе. Мы оба здесь для этого. Пожалуйста, позволь нам войти и все тебе объяснить.

– Если ты сейчас не исчезнешь, я вызову полицию, – по инерции пригрозила она.

Мозг, объятый паникой, просто не успел воспринять его слова. Сейчас Катя понимала только одно: пока они тут, она не может просто взять и уйти.

Хотя почему? Пусть остаются. Даже если хотят ее ограбить. Ей ничего не жалко.

И все же следующая фраза, которую сказал ей Войтех, достигла цели:

– Катя, все, что тебе кажется, на самом деле тебе не кажется.

Она остановилась, хотя уже направлялась к чемодану, и медленно обернулась.

– Что?

Войтех и сопровождавший его мужчина прошли за ней в квартиру, она смутно слышала, как за ними захлопнулась дверь.

– Я знаю, что у тебя бывают не только провалы в памяти, но и кошмары. Те самые, которые заставляют писать странные картины, – Войтех говорил спокойно и убедительно, медленно приближаясь к ней, но казалось, что он говорит с маленьким ребенком и боится его напугать. – Ты думаешь, что сходишь с ума, но это не так...

– Может быть, мы просто поднимемся наверх, я сделаю то, что должен, и мы закончим на этом? – неожиданно перебил его пожилой мужчина.

– Нет, я думаю, она имеет право знать.

– Все равно не поверит.

– По крайней мере, это будет ее выбор.

Тошнота как будто немного улеглась, и даже голова стала кружиться меньше, только сердце все еще грохотало в груди. Все, что они говорили, казалось Кате странным, но разве то, что происходит в ее жизни, само по себе не странно? Может быть, этот разговор ей тоже только кажется?

– О чем вы? – все же спросила она. – Откуда ты знаешь о моих кошмарах? Это снова твоя... экстрасенсорика?

– Можно и так сказать, – Войтех слабо улыбнулся. – Это неважно, Катя. Я занимаюсь исследованием подобных случаев. И мы, – он обернулся на своего спутника, который выглядел совершенно безучастным, – уже сталкивались с подобным. Поэтому мы знаем, что делать. То, что заставляет тебя видеть эти кошмары, живет... если так можно о нем сказать, в зеркале в мастерской. Оно пришло с семьей, которая жила тут до тебя. И теперь оно пытается извести тебя. Оно... питается тобой. Твоим страхом.

Катя тряхнула головой, пытаясь уложить в ней все то, что он сказал. Как бы странно это ни звучало, но в его словах был смысл. Ведь она сама

сейчас думала о том, что все началось после переезда в эту квартиру. Она покупала сюда новую мебель, но очень многое осталось от прежних хозяев. И большое зеркало в стильной раме уже висело в мастерской, когда она переехала сюда. Она только немного перевесила его так, чтобы в нем не отражалось солнце, и косые лучи не портили картины.

Она кивнула в знак того, что поняла и поверила ему, а потом обхватила себя руками, словно замерзла. Катя внезапно поняла, что на ней надето нелепое вечернее платье, в котором она собиралась ехать на вокзал. В здравом уме она бы никогда до такого не додумалась. Не лучшее ли это доказательство его слов?

– Но... что это такое? Откуда оно там взялось?

– Думаю, что самое близкое определение, существующее в нашем языке, – это демон, – спокойно объяснил пожилой мужчина.

Он подошел ближе к лестнице, ведущей на второй этаж, Катя и Войтех машинально последовали за ним.

– То есть это сверхъестественная сущность, которая никогда не была человеком, – добавил он, заглядывая вверх и начиная осторожно подниматься. – С большой долей вероятности она бессмертная.

Катя, шедшая второй, остановилась и удивленно обернулась к Войтеху, но тот легонько подтолкнул ее вперед, и они все вместе поднялись в мастерскую. Здесь тревожное ощущение только усилилось, но от пожилого мужчины исходила странная уверенность, как будто он точно знал, что делать. Это успокаивало и пугало одновременно. Откуда он знает? Кто он такой? Войтех сказал, что они расследуют подобные случаи. Охотники за привидениями? Разве они существуют не только в фильмах и книгах?

– Кто вы? – Катя посмотрела на Войтеха, и внезапная догадка озарила ее: – Наше знакомство ведь не было случайным, да? Ты заранее знал, что что-то есть в моем зеркале, поэтому так стремился попасть сюда?

– Нет, я не знал про зеркало, – вынужден был признаться Войтех. – Я просто знал, что с тобой что-то происходит и тебе нужна помощь. Твой отец нашел меня, но просил сделать все незаметно для тебя. По большей части это мне удалось. Но времени осталось мало, сегодня ты едва не умерла. Поэтому у нас больше нет времени на скрытность.

Катя понимающе кивнула и со страхом взглянула на то самое зеркало. Второй мужчина уже стоял перед ним, с любопытством разглядывая. По крайней мере, ей так казалось, потому что лица его она не видела, да и вообще старалась смотреть в ту сторону меньше. Краем глаза она заметила и начатую картину, возле которой стоял стул. На холсте было всего несколько черных линий, но сейчас они почему-то не пугали ее. Как будто

в глубине души она знала, что эти двое ей помогут. Или просто очень хотела в это верить.

– Но если эта сущность бессмертная, как вы можете помочь? – опомнилась она, снова посмотрев на пожилого мужчину.

– Если что-то нельзя убить, это еще не значит, что его нельзя изгнать, – спокойно отозвался тот.

– Это типа экзорцизма, что ли? – нахмурилась Катя. – Вы не похожи на священника.

В этот момент она встала так, что увидела в зеркале отражение мужчины. И тот взглянул на нее через зеркало. Катя вздрогнула всем телом и едва не вскрикнула, увидев абсолютно черные глаза и дьявольскую улыбку.

– Нет, Катя, я не священник. Но я послан ангелами.

Катя удивленно приподняла бровь. На ее взгляд, ничего ангельского в этих залитых чернотой глазах не было, но она не стала больше ничего спрашивать. Даже если его послал сам дьявол, чтобы вернуть сбежавшего из ада демона, она не станет возражать.

– Тогда делайте, что нужно, – разрешила она, а затем улыбнулась уголком губ, посмотрела на Войтеха и добавила: – Все равно я отсюда съеду.

– Лучше тебе немного отойти, – предложил тот, пряча ее за свою спину.

Тем временем второй мужчина коснулся раскрытой ладонью поверхности зеркала. То ли гладил ее, то ли искал наиболее подходящее место.

– Узнал меня, да? – пробормотал он едва слышно. – Я тебя тоже.

Его рука остановилась и теперь плотно прижалась к зеркальной поверхности. Секунду спустя от его ладони в стороны поползли мелкие трещины. Яркое освещение мастерской, которое никто не приглушил после того, как она писала здесь, внезапно потускнело, хотя все лампы продолжали гореть. Катя удивленно посмотрела на потолок, а затем перевела взгляд на Войтеха, но тот лишь молча кивнул, призывая ее тоже молчать.

– Не сопротивляйся, – произнес тем временем мужчина. – Ты не можешь ничего мне сделать.

Трещины поползли сильнее, послышался неожиданно громкий скрежет и хруст. Слишком громкий. Катя не сразу поняла, что это стон, смешанный с рычанием. Она попятилась назад, а Войтех отчего-то шагнул вперед, словно под гипнозом. Реальность снова почернела, превратившись

в рваные мазки на холсте. Кате показалось, что кто-то словно подталкивает ее назад, и она отступила еще, к лестнице, уже ничего толком не видя перед собой.

Раздался звон бьющегося стекла, и реальность разлетелась перед глазами осколками. Катя дернулась назад, но там внезапно не оказалось пола. Она нелепо взмахнула руками, пытаясь поймать равновесие, но его невозможно было поймать.

Сердце на мгновение ушло в пятки, в голове успела промелькнуть мысль о том, что это конец, но в следующую секунду что-то до боли сжало предплечье. Катю дернуло вперед, руку пронзило резкой болью, но главное, что она перестала падать.

– Держу тебя, все в порядке, – выдохнул над ухом Войтех.

Катя открыла глаза, только сейчас понимая, что до этого держала их закрытыми. Зеркальная рама была пуста, пол усеивали тысячи мелких осколков. Пожилой мужчина отряхивал плащ. Когда он повернулся к ним, его глаза уже были похожи на человеческие. Теперь Катя обратила внимание на то, что они серые.

– Вот и все, – резюмировал он, улыбнувшись.

И улыбка эта была точно такой же, какую она видела в зеркальном отражении.

*2 мая 2015 года, 00.04
пер. Каховского*

Войтех и Нев ушли уже достаточно давно. Саша с Ваней торчали в комнате у ноутбука, наблюдая за тем, что происходило у Кати, а Лиля предпочла побыть в одиночестве на кухне.

Она поставила чайник и даже заварила кофе во френч-прессе. Ни кофемашины, ни даже капельной кофеварки в снятой Войтехом квартире не было, зато был френч-пресс. Лилия не любила такой кофе. Более того: ей сейчас и кофе-то совсем не хотелось. Но то ли она таким образом пыталась оправдать свое нахождение на кухне, то ли употребление горького напитка превратилось в своего рода рефлекс. В любой непонятной ситуации сохраняй спокойствие – и пей кофе.

Сохранять спокойствие получалось плохо. Посторонний наблюдатель сразу бы заметил, что двигалась она нервно, рвано, часто забывая, что собиралась сделать. К счастью, никто за ней не наблюдал, поэтому Лилия и не чувствовала необходимости скрывать нервозность.

В голове у нее постоянно прокручивался разговор с куратором. Его

взволнованный голос так и звучал в ушах, снова и снова рассказывая о том, что Нев устроил в офисе Общества. И даже когда эта история звучала в ее голове уже в сотый, наверное, раз, внутри все равно все холодело.

Особенно от вывода, которым Борис Евгеньевич закончил разговор.

– Тебе пора все это закончить. Другого выхода не осталось. Он теряет контроль. И мы тоже теряем контроль. Это наш последний шанс.

– Что, по-твоему, я должна сделать? – Лиля помнила, что губы почти не слушались, когда она задавала вопрос.

– Убить носителя. Только ты еще можешь это сделать. От тебя он не ждет подвоха.

Лиля поставила перед собой чашку кофе и села. Только после этого вспомнила, что не достала ни молока, ни сливок.

«Убить носителя».

Эта фраза повторялась у нее в голове снова и снова. Не Нева. Даже не Нурейтдинова. Куратор постарался максимально обезличить ее потенциальную жертву. В его устах это был уже даже не человек. Носитель. Сосуд.

– Пойми, он все равно уже практически мертв, – с нажимом сказал куратор, когда она промолчала. – Тот человек, которого ты знаешь. Останется лишь тело, которым они будут управлять как марионеткой. Ты ведь не хочешь для него такой судьбы, правда?

Лиля смотрела на чашку черного кофе и мысленно соглашалась с куратором. Да, она не хотела для Нева такой судьбы. Она бы сейчас многое отдала за то, чтобы он мог снова стать скромным неуверенным в себе заикой. В каком-то смысле он ей нравился и тогда.

Сил встать и дойти до холодильника она в себе не нашла. Зато на столе стояла маленькая сахарница с торчащей из нее ложкой. Лиля не любила кофе с сахаром, но совсем черный не любила еще больше.

Чайная ложка с мелким белым песком на мгновение замерла над чашкой. Лиля повернула ее очень медленно, наблюдая за тем, как сладкие кристаллики падают в горячий напиток, мгновенно растворяясь.

«Вот так будет проще всего, – подумалось ей. – Выстрелить из пистолета сложно, зарезать или задушить – тем более. А яд в еду – это легко. Это очень... по-женски».

Она бросила ложку в чашку и закрыла лицо руками, потом запустила пальцы в волосы и взлохматила их. О чем она только думает?

«Тебе пора все это закончить. Другого выхода не осталось...»

– А еще кофе есть?

Голос Нева заставил ее вздрогнуть и едва ли не подпрыгнуть на месте.

Как будто он застал ее за попыткой отравить его еду на самом деле, а не в мыслях.

Она вскинула на него испуганный взгляд. Он стоял в дверном проеме, то ли не решаясь войти, то ли просто не зная, нужно ли. Лиля кивнула на френч-пресс, в котором хватало кофе на еще одну порцию. Только после этого Нев вошел, как будто ее кивок послужил для него молчаливым приглашением.

– Вы уже закончили с зеркалом? – поинтересовалась Лиля, пока он брал чашку и наливал кофе.

– Да, это было быстро. Дольше разговаривали.

Он сел за небольшой стол напротив нее и только после этого заметил, что на столе нет ни сливок, ни молока. Он тоже не любил черный кофе, но тоже почему-то не стал вставать и подходить к холодильнику. Вместо этого посмотрел на нее.

– Теперь Сашина очередь. Хотя для нее придется кое-что приготовить.

– Я не хочу в этом участвовать, – покачала головой Лиля и машинально поднесла к губам чашку.

Приторно-сладкий и вместе с тем резко-горький привкус заставил ее поморщиться. Она поставила чашку обратно и принялась помешивать ее содержимое ложечкой, то и дело задевая стенки.

– Почему?

Он спросил это так спокойно, что ей захотелось выплеснуть кофе ему в лицо и заорать. Действительно, почему это она – член секретного общества, веками противостоящего магам и магии, – не хочет принимать участие в ритуале? Особенно если ритуал используется для призвания неконтролируемой сверхъестественной сущности, и в его процессе они все могут погибнуть. А если и не погибнут они все, то он точно навсегда уйдет в небытие. А она уже ничего не успеет сделать.

Нет, если уж *заканчивать*, то до ритуала.

И лишить Сашу единственной возможности избавиться от проклятия рода. И убить человека, который ее любит и доверяет ей.

В этот момент Лиля как никогда злилась на собственную мать, которая выбрала ее. Все эти проблемы могли бы быть у Вани. Почему она выбрала ее?

– Лиля?

Его рука дотянулась до нее через стол и накрыла ее руку, которой она судорожно сжимала чашку.

– Я не хочу, чтобы ты это делал, – не глядя на него, отозвалась Лиля. – Это слишком опасно. И для Саши, и для тебя. И для всего человечества,

если уж на то пошло.

– Ты должна верить в меня.

Она настолько не ожидала подобных слов, что удивленно подняла на него взгляд. Нев хмурился, а в его глазах застыла немая мольба, но Лиля не понимала, о чем именно он умоляет.

– Почему это?

– Потому что мне это сейчас необходимо. Лиля, чтобы все сделать правильно, мне нужно, чтобы ты верила в меня. Чтобы ты верила мне. Я делаю это для нас в первую очередь.

Ее лицо исказилось на мгновение, словно она собиралась заплакать, но в последний момент удержала себя.

– О чем ты говоришь, черт побери? Ты ради нас нападаешь на моих коллег и собираешь опасные артефакты? Ради нас собрался вызвать этого дьявола и поиграть с ним? Я ничего не понимаю. Каким образом это поможет *нам*?

Нев вздохнул и выпустил ее руку, отклонился назад, на спинку стула. Тот раздражающе скрипнул под ним.

– Я не могу тебе сейчас все объяснить. Я расскажу тебе после ритуала.

– Почему не сейчас?

– Потому что... не время. И потом, ты либо мне доверяешь, либо нет. Выбор за тобой, но без тебя нам будет сложно все сделать. Мне будут нужны пять человек для Печати, при этом ни я, ни Саша не сможем быть вершинами. Поэтому нам и так нужны еще двое. И лично мне будет проще со всем справиться, если ты будешь там. Ты нужна мне там. Просто имей это в виду.

Он встал, так ни разу и не пригубив содержимое чашки. Лиля наблюдала за его медлительными движениями, но никак не могла поймать взгляд.

Ее все еще одолевали сомнения. Один дорогой ей человек требовал от нее совершить убийство и спасти мир. Принести малую жертву ради общего блага. Другой играл с огнем, предлагал всем вместе рискнуть жизнями, чтобы спасти одного человека. Или погубить целый мир.

Все, чему ее учили с детства, требовало от нее поступить так, как просил первый. Но в этом была одна проблема: если она и решится подсыпать Неву яд, ей придется принять его вместе с ним. Иначе она не сможет с этим жить.

– Я буду участвовать.

В лучших драматических традициях фраза застала его на самом пороге. Нев обернулся и благодарно улыбнулся ей. А Лиля только сделала

еще один глоток сладко-горького напитка.

2 мая 2015 года, 00.09

пр. Кима

Нев ушел сразу, как закончил с зеркалом, а Войтех остался с Катей, хорошо понимая, что после такого девушку нельзя бросить в одиночестве.

Они спустились вниз, Войтех усадил Катю на диван, а сам занялся приготовлением чая. Никому из них даже в голову не пришло наводить порядок: пол мастерской так и остался усыпан мелкими осколками зеркала.

– Ты уверен, что на этом все закончится? – напряженно уточнила Катя, принимая из рук Войтеха чашку горячего чая, но не делая попытки его пригубить.

– Нев говорит, что, разрушая зеркало, он изгоняет этого... демона или что оно там? Я ему верю, поскольку другой точки зрения на это все равно нет. Но это... скажем так, неточная наука.

– Но как-то ведь оно попало в это зеркало? – резонно возразила Катя. – Значит, может вернуться...

– Не думаю, что оно вернется к тебе, – он ободряюще улыбнулся.

Катя снова посмотрела на его руки, которые по-прежнему были затянуты в тонкие перчатки. Даже странно, они знакомы совсем недолго, а она почти перестала обращать на эту деталь внимание.

– Значит, ты экстрасенс, который сражается с темными силами? – со слабой улыбкой спросила она, все-таки поднося чашку к губам. Ее бил озноб, и очень хотелось согреться. – По заказу состоятельных людей вроде моего отца?

Войтех приглушенно рассмеялся и покачал головой.

– Нет, я всего лишь искал ответы на свои вопросы, но немного запутался в процессе. И теперь не знаю, как мне из всего этого выпутаться. Борьба с темными силами – побочный эффект. – Он немного помолчал, разглядывая ее бледное лицо, и поинтересовался: – Ты не в обиде на меня?

– За что? – Она выглядела искренне удивленной.

– За то, что я обманул тебя. Втерся к тебе в доверие, изображал заинтересованного кавалера, вместо того чтобы честно все объяснить?

– Так ты только изображал заинтересованного кавалера? – притворно удивилась она, но тут же махнула рукой. – Да ничего страшного, ты все равно не совсем в моем вкусе. Просто заинтриговал перчатками и разговорами про экстрасенсорику. А если бы ты сразу сказал, что в моем зеркале живет демон, я, скорее всего, больше не пустила бы тебя на порог.

– Мы действительно до последнего момента не знали, что там живет демон, – напомнил Войтех. – Как только поняли, решили, что пора открыться.

– Мы? – переспросила она. – Ты и этот... посланник ангелов?

На этот раз Войтех усмехнулся нервно и снова покачал головой.

– Нас пятеро. Кстати, извини, это мы украли у тебя картину. Завтра же вернем. Просто была версия, что дело в картинах, которые ты пишешь.

– Сделайте одолжение: сожгите ее сами, – мрачно попросила Катя. – Я собираюсь сделать то же самое с остальными...

Она прикрыла глаза и, заметно дрожа, выдохнула. Покачала головой, а когда снова посмотрела на него, в ее глазах поблескивали слезы.

– Я рада, что все закончилось. Правда. Но я не знаю, как мне дальше жить с этим. Демоны, видения, экстрасенсы, посланники ангелов... Все это ненормально. Мир и так никогда не казался мне комфортным и безопасным. А теперь я вообще не знаю, как в нем существовать бок о бок... со всем этим. И ведь даже к психотерапевту с такой проблемой не пойдешь: отправит к психиатру, который закормит какими-нибудь таблетками... Впрочем, может, тогда получится все это забыть.

– Ты всегда можешь позвонить мне, – предложил Войтех после недолгого колебания. – Как минимум, я не отправлю тебя к психиатру, и ты сможешь выговориться.

– А твоя девушка не будет против? – не удержалась от кокетства Катя, улыбаясь сквозь наворачнувшиеся на глаза, но так и не пролившиеся слезы.

На этот раз Войтех даже не улыбнулся, только заметно помрачнел. Кате на мгновение стало неловко: может быть, у него с этим связана какая-нибудь личная драма? Не просто же так люди становятся экстрасенсами и выбирают в жизни такой странный путь. Но его ответ отчасти ее успокоил:

– Нет, несколько поколений семьи моей девушки преследует и убивает могущественная сверхъестественная сущность. В какой-то момент она и сама думала, что сходит с ума. Так что не думаю, что она будет против.

Катя несколько секунд с сочувствием разглядывала его лицо.

– Разве вы не можете ей помочь? Этот мужик, который приходил с тобой... Разве он не может изгнать и эту сущность?

Войтех долго смотрел в одному ему видимую точку на полу. Катя уже подумала, что он провалился в какой-нибудь транс, но он вдруг встрепенулся, шумно вздохнул и снова посмотрел на нее.

– Пожалуй, нам все-таки придется рискнуть и попробовать это сделать.

Глава 12

*2 мая 2015 года, 4.15
Средний проспект В.О.*

Этой ночью Саша не спала ни минуты. Она вернулась домой в четвертом часу, поскольку после решения Катиной проблемы они еще больше часа обсуждали предстоящий ритуал и все, что для него понадобится. Загвоздка состояла в том, что в этот раз им были нужны два дополнительных человека, и если одного она еще знала где взять, то со вторым возникла настоящая проблема. Кого можно попросить участвовать в ритуале по призыву темных сил, шансов остаться живым после которого не так и много? Кто согласится на это ради нее? В первую очередь, конечно, Саша подумала о родителях, но Нев твердо заявил, что ее кровные родственники исключены. Проклятие было сделано на крови, и родители только испортят ритуал.

Лучшим кандидатом на роль последнего участника казался студент медицинского университета Женя, который пару раз ездил с ними на расследования, но тот проходил стажировку во Франции и до лета возвращаться не собирался. Не то чтобы в скором проведении ритуала была такая необходимость, жила же Саша с проклятием тридцать лет, но никто из них не был уверен, что Общество не предпримет попытки вернуть себе Перстень. Да и теперь, когда свобода замаячила на горизонте, Саша не могла ждать.

Лишь спустя полчаса обсуждений, в которых мелькала даже идея позвать старшего брата Войтеха, Ваня вспомнил о еще одном человеке – Анне Замятиной. Девушке, сестру которой они спасли из лаборатории ЗАО. Мало того, что Анна в какой-то степени была обязана им, так она еще и знала, кто они на самом деле, и даже однажды видела ритуал Нева. Ваня уверял, что сможет уговорить ее.

Вернувшись домой, Саша честно легла в постель, но не смогла даже закрыть глаза. Сердце билось как сумасшедшее, пальцы непроизвольно сжимали кулон, нагрев металл до такой степени, что он казался почти горячим.

В этой постели полтора года назад она точно так же пыталась уснуть и не могла, потому что Ангел стоял рядом и ждал момента, чтобы забрать обещанную жертву. Сейчас ей тоже казалось, будто он рядом. Знает, что

они задумали, и снова выжидает момент. Нев сказал, что ему придется снять с нее защиту, прежде чем окончательно избавить от проклятия. И Саше казалось, что Ангел ждет именно этого. Она убеждала себя, что это всего лишь игра ее воображения, но ничего не могла поделать. И этот страх, и возбуждение в предвкушении свободы не давали уснуть.

Завязав простыню в узел от непрерывного вращения с боку на бок, Саша встала. Квартира располагалась в старом доме, оконные рамы здесь оставались деревянными, уже немного рассохшимися, а батареи – еще чугунными, наверняка с большим налетом внутри, не пропускающим тепло, поэтому в комнате было прохладно. Накинув на себя теплый длинный халат с капюшоном, Саша вышла из спальни, прошла на кухню, не включая свет, затем зашла в гостиную, провожаемая скрипом старых половиц.

Большой дубовый шкаф занимал весь угол, немного заслоняя окно. Саша подошла к нему и раскрыла створки. Здесь она когда-то нашла альбом, завернутый в газету. Альбом с портретами всех ее предшественниц, носивших кулон, передававших его дочерям и внучкам, и умиравших после этого. Нев сказал, что, вероятно, сможет освободить и их тоже.

А если нет?

Если у него ничего не получится? Он не только не освободит всех проклятых женщин ее рода, но и убьет ее? Не лучше ли не пытаться? Она ведь уже знает о проклятии, от Максима из-за него ушла, чтобы не привязывать к себе. У нее есть огромное преимущество перед предшественницами: современные методы контрацепции позволяют не иметь детей, если этого не хочешь. Ее кулон останется с ней до самого конца. Надо бы узнать у Нева, если ее потом и похоронят с ним на шее, может быть, Ангелу она так и не достанется? И не нужно сейчас рисковать, шансы невелики. Еще ее прабабушка писала в дневнике, что от проклятия невозможно избавиться, так зачем же лезть в петлю добровольно?

Саша с силой захлопнула дверцы шкафа. Что за мысли? Конечно же, надо рискнуть. Невозможно жить в постоянном страхе, невозможно просыпаться ночами и проверять, не порвалась ли цепочка, не расстегнулся ли замок. Больше всего на свете бояться потерять кулон. Да, шансы невелики, но они есть. Нев когда-то говорил, что мог бы попытаться помочь ей, имея два дара Темных Ангелов, теперь у него их четыре. Все получится. Вот во что надо верить.

Но не только это тревожило ее. Предстоял еще разговор с Максимом. Он даже не думал отказываться от участия в ритуале для ее защиты, но

тогда на кону стояла ее жизнь, она была его женой. Сейчас же все изменилось. Он хотел детей, она не могла ему их дать, это тоже была одна из причин их добровольного и легкого развода. Они не скандалили, не делили имущество и остались друзьями, какими были до брака. Но как она сейчас может прийти и сказать ему, что они нашли способ избавить ее от Ангела? Не сочтет ли он это лицемерием? Для него они не смогли найти выход, а для другого – смогли?

Саша знала, что утром все эти проблемы уже не будут казаться такими неразрешимыми, ночь всегда усугубляет их. Нужно просто уснуть, и завтра все будет по-другому, но сказать было проще, чем сделать.

Она открыла ноутбук и с удивлением обнаружила Войтеху в сети.

«Почему ты не спишь?»

Он ответил почти сразу, как будто тоже сидел за компьютером:

«Сидоров храпит так, что стены трясутся».

Саша улыбнулась, и тут же от него пришло новое сообщение:

«А ты?»

«Не спится».

«Боишься?»

«Немного».

«Хочешь, я приеду?»

Саша хотела. Возможно, так же сильно, как хотела избавиться от проклятия. Чтобы он приехал, сидел на этом диване, а она наматывала круги по гостиной. Она бы психовала, по сто раз повторяя свои страхи, а он улыбался и успокаивал ее. Говорил, что все будет хорошо, что с ней ничего не случится.

Нет, Войтех ведь никогда не обещает того, в чем не уверен.

Он говорил бы, что шансы гораздо выше, чем она думает. Что Нев – сильный маг, и если не сможет он, то не сможет никто. И наверняка говорил бы, что выбор только за ней.

Все это было бы возможно, если бы между ними не оставался повисший в воздухе разговор обо всем произошедшем. Саша знала, что если он приедет, она не сдержится, затронет эту тему. Она сейчас не в том душевном состоянии, чтобы рассуждать здраво, мыслить спокойно и логически. Она захочет услышать от него те слова, которые он ей не скажет. Они поругаются и, возможно, уже никогда не помирятся.

«Нет, не нужно. Я справлюсь».

Войтех молчал довольно длительное время. То ли уже успел куда-то отойти, то ли раздумывал, что ответить. В глубине души Саша даже надеялась, что он и не ответит, а через полчаса постучит в ее дверь, но он

всегда делал так, как она просила.

«Тогда ложись. Попробуй уснуть».

Саша, конечно, легла, но так и не уснула.

Утро наступило слишком быстро. Она не успела даже придумать, как именно попросить Максима еще раз рискнуть своей жизнью ради нее. Но когда позвонил Войтех и сообщил, что Ване действительно удалось уговорить на эту авантюру Анну, Саша поняла, что дальше оттягивать некуда.

Прежде чем ехать к бывшему мужу, Саша сначала позвонила. Не хотелось поставить его и себя в неловкое положение, если у него дома кто-то есть. Мама, конечно, утверждала, что никаких серьезных отношений с другой женщиной у него в данный момент нет, да и сам он ни словом не обмолвился, когда приезжал, но несерьезных женщин тоже иногда приводят к себе. К счастью, Максим был дома и разрешил приехать, ни на секунду не задумавшись.

Другая женщина в его квартире все-таки была. Татьяна, приходившая к ним помогать с генеральной уборкой еще тогда, когда они жили вместе. С обычной ежедневной и еженедельной Саша справлялась сама, но несколько раз в год, когда требовалось вылизать всю огромную трехкомнатную квартиру вместе с окнами и самыми дальними уголками, возникала необходимость в помощниках.

– Решил, что откладывать эту катастрофу дальше уже некуда, – улыбнулся Максим, пропуская ее в квартиру. – Хотел завтра, но твои родители позвали всех на дачу. Тебя же тоже звали?

Мама действительно звонила позавчера, но Саша с трудом помнила, что отвечала.

– Ты, конечно же, отказалась? – правильно понял выражение ее лица Максим.

Саша неловко пожала плечами.

– Там же будут твои родители. Думаю, нам еще рано собираться всем вместе.

– Рано не рано, а однажды придется это сделать. Наши семьи слишком давно дружат, чтобы ты могла игнорировать все совместные праздники и встречи. Думаю, даже Дворжака тебе рано или поздно придется привести.

Саша вздохнула, понимая, что они подобрались к цели ее визита.

– Может, и не придется.

– Так и не помирились?

– Дело не в этом.

Максим только сейчас разглядел ее уставший встревоженный вид и

кивнул в сторону кухни.

– Выпьешь со мной кофе? Мне тоже необходимо отдохнуть от этой проклятой уборки. С тобой это было проще.

Саша улыбнулась, проходя за ним на кухню. Здесь ничего не изменилось, только на широком подоконнике больше не хранились ее вещи. Она любила сидеть на нем, поэтому там всегда лежали плед, планшет, какая-нибудь наполовину прочитанная книга, пачка сигарет и прочие мелочи. Сейчас же подоконник был девственно пуст.

– Так что у тебя стряслось? – спросил Максим, подставляя чашку в кофемашину.

Саша села за широкий стол и сцепила под ним руки в замок. Почему-то так было немного проще.

– Мы нашли способ снять с меня проклятие.

Максим обернулся, удивленно приподняв брови.

– Вот как? Кажется, для этого был нужен какой-то перстень, но вы не знали, где его взять?

– Нев нашел его.

– Ну что ж... – Он немного помолчал, а затем улыбнулся: – Поздравляю. Это прекрасная новость. Только почему у тебя такой испуганный вид?

– Потому что теперь это еще опаснее, чем было в прошлый раз. И я не знаю, как мне решиться на это.

Максим поставил на стол две чашки кофе, подвинул к ней вазочку с печеньем и сел напротив.

– Почему опаснее?

– Потому что у Нева теперь четыре дара Ангелов, понимаешь?

– Разве это не дает ему больше силы?

– Лиля считает – да и все мы тоже, на самом деле, – что он может не справиться с этой силой.

Максим знал достаточно, чтобы ей не пришлось объяснять.

– Кроме того, в этот раз он должен быть со мной в круге. То есть нам нужны еще два человека. Еще два человека должны рискнуть жизнью ради меня. И если у них есть хоть какие-то шансы, то у меня, честно говоря, их не так много. Сначала Нев должен будет снять защиту, а ты знаешь, что это значит.

Максим кивнул, медленно поднес чашку к губам, как будто давал себе время подумать, а затем опустил ее обратно.

– Кто второй человек?

– Анна. Сестра той девочки, которая была с нами в лаборатории.

Однажды она видела, как мы проводили похожий ритуал.

– Плюс она вам должна.

Саша кивнула, хоть ей эта мысль и была неприятна. Они спасли ее сестру, и, наверное, Сашиной заслуги в этом было больше всего. И даже не из-за них самих Карина попала в лабораторию, ее уже разрабатывал Долгов, он же ее сдал своим работодателям и сам же похитил. То есть Анна действительно была им должна.

– Мы ее не принуждали, – сказала Саша, как будто хотела оправдаться. – Она могла отказаться.

Она немного помолчала, а затем все же добавила:

– Ты тоже можешь. Я пойму.

– В самом деле?

Саша, до этого предпочитавшая рассматривать содержимое чашки, подняла голову и посмотрела на бывшего мужа. Нет, ни в его тоне, ни на его лице не было насмешки или желания отказаться от ритуала из-за страха. Да и Саша слишком давно и хорошо знала его, чтобы подозревать в этом. И боялась просить не потому что думала, что он может испугаться.

– Зачем тебе это, Саш? – спросил он. – В прошлый раз на кону стояла твоя жизнь. У тебя не было выбора, и у нас всех не было выбора. А сейчас? Ты хочешь добровольно рискнуть – зачем? Сама говоришь, что шансы у тебя невелики. Ради возможности иметь детей, которых даже не хочешь? Или может быть, – Максим прищурился, глядя на нее, как ей казалось, с подозрением, – ты не хотела их от меня, а от него очень даже не против?

Прежняя Саша уже вскочила бы с места и заявила, что он может не участвовать, если не хочет, но подозревать ее в том, что его она любила недостаточно сильно, не имеет права. Однако Саша нынешняя осталась сидеть. Когда речь заходит о собственной жизни, на некоторые принципы и убеждения можно закрыть глаза.

– Порой мне хотелось их от тебя, – как можно спокойнее сказала она. – О детях от него я не думала. Возможно, потому что к тому моменту, как мы начали встречаться, уже знала, что это невозможно. Но сейчас речь не о детях, а обо мне. Я не могу так больше, понимаешь? То есть могла бы, конечно, если бы не было вариантов. Но теперь, когда появился шанс, я не могу им не воспользоваться. Я не могу жить в постоянном страхе. Не могу все время переживать за сохранность кулона, потому что самый большой мой страх – снова остаться без защиты и пережить весь тот ужас, из которого вы меня едва вытянули. И лучше уж рискнуть и проиграть, чем всю жизнь думать, что не использовала свой шанс. Да, я знаю, что никто не обязан рисковать ради меня. И благодарна тем, кто это делает. Если бы у

меня была возможность сделать все самой, я бы не стала никого просить. Но одна я не могу.

Максим вздохнул, поставил на стол чашку и пересел ближе к Саше, накрыв ладонью ее сцепленные в замок руки.

– Ты всегда была такой. Лучше попробовать и получить по лбу, чем испугаться и отойти в сторону. Наверное, ради просто бывшей жены я бы этого не сделал, но ты была, есть и всегда будешь моей маленькой соседкой, которую я люблю и для которой сделаю все.

Саша улыбнулась ему в ответ, почему-то вместо облегчения ощущая странную тяжесть на сердце, как предчувствие чего-то дурного.

– Хочешь, я помогу тебе с уборкой?

Его брови удивленно взлетели вверх.

– Поможешь с уборкой? Анне вы хотя бы сестру спасли.

Теперь она рассмеялась.

– Она придет только пятичасовым Сапсаном, до этого времени мне все равно нечем заняться. Лучше я буду драить пол, чем накручивать себя. Нев сказал, что к ритуалу все подготовит сам.

2 мая 2015 года, 19.07

пр. Науки

К семи часам в квартире Нева собрались все участники будущего ритуала. Все выглядели напряженными и сосредоточенными, как будто готовились к тяжелейшему испытанию в своей жизни. Анна, которую Ваня с Сашей привезли сюда прямо с вокзала, казалась самой спокойной. Возможно, потому что единственная плохо понимала, во что ввязывается. Наверное, если бы знала, не согласилась бы. Саша не могла не думать об этом. Как и о том, что все эти люди рискуют жизнями ради нее, ради ее прихоти. Она выглядела напуганной и то и дело порывалась все отменить, но запрещала себе даже думать об этом. Второго шанса в ее жизни может и не быть.

Нев явился последним и притащил с собой довольно внушительную дорожную сумку, забитую чем-то под завязку. И тут же огорошил всех известием, что им нужно ехать за город.

– Почему? – удивился Войтех.

– Еще во время прошлого ритуала я понял, что устраивать такое в жилом доме – не лучшая идея, – спокойно пояснил он. – Ангел – существо могущественное и обидчивое. В прошлый раз все обошлось, но сейчас я бы предпочел перестраховаться. Лучше это сделать в каком-нибудь безлюдном

месте.

– Чтобы в случае чего не забрать с собой на тот свет кого-нибудь лишнего? – хмуро поинтересовался Ваня.

– Как-то так, – кивнул Нев, ничуть не смутившись.

Лиля посмотрела на него исподлобья. Ей по-прежнему не нравилась эта идея, но она понимала, что не сможет отговорить друзей. Либо никто из них толком не понимает, чем они рискуют, либо так уверены в самообладании Нева. А если уверены они, то должна быть уверена и она, он ведь просил об этом. Остановить все это безумие могла только Саша, но она, похоже, не собиралась этого делать. Лиля не знала, как поступила бы на ее месте.

– И куда мы поедem? – только и спросила она.

Нев показал им на карте деревню, которая находилась довольно далеко от черты города. Ехать туда придется минимум часа два, а то и больше. К тому времени на улице совсем стемнеет. На удивленные взгляды и закономерные вопросы о том, почему он выбрал именно эту деревню, он лаконично пояснил:

– Я точно знаю, что эта деревня давно вымерла. Там стоит дом, который принадлежал родителям моего отца. Я гостил там каждое лето, пока был ребенком. Это хорошо знакомое мне место, с которым связано много счастливых воспоминаний. Я надеюсь, они помогут мне.

Никто не стал уточнять, как именно и в чем они могут помочь, чему Нев был очень рад. Ему не хотелось ударяться в подробности, особенно не имея возможности рассказать правду о ритуале, который он собирался провести.

И у Саши, и у Максима были достаточно большие автомобили с хорошей проходимостью, поэтому даже если дорога к покинутой деревне заросла, шансы доехать все равно имелись. Побросав в багажник Сашиной Ауди все необходимые вещи, они тронулись к выезду из города.

Нев оказался прав: ехать пришлось долго. Несмотря на то, что майские праздники были в самом разгаре, многие дачники еще только торопились на шашлыки, а потому выезд из города привычно стоял. Лишь километров через тридцать стало немного свободнее. Заявленные два часа миновали, когда они только-только свернули с широкой трассы на узкую дорогу, ведущую к нескольким деревням, в том числе и нужной им.

Саше пришлось ехать первой, поскольку Нев сидел в ее машине на переднем пассажирском сиденье, показывая дорогу. Лиля и Войтех расположились сзади, а Ваня и Анна остались во второй машине с Максимом. Километров за десять до самой деревни скорость пришлось

сбросить до черепашей, поскольку все жилые дома остались позади, и сюда уже несколько месяцев, а то и лет не ступала нога человека. Разве что каких-нибудь сталкеров, желающих получить дозу адреналина. Плотные тучи затянули небо, и вдали от городского освещения стало совсем темно.

– Нев, скажите честно, какие у нас шансы? – не выдержала Саша, когда свет фар выхватил первые покосившиеся крыши и заборы.

– Саша, мне очень жаль, но это не тот случай, когда можно оценивать шансы, – обтекаемо ответил Нев, глядя прямо перед собой, как будто боялся, что они могут заблудиться, хотя конечно же, это было не так. Он хорошо помнил дорогу. Не желал сейчас смотреть на Сашу по другой причине. – Я не буду врать: вы очень сильно рискуете... Вот, где-нибудь тут остановитесь. Это нужный нам дом.

Сильно переживать о том, где припарковаться, здесь не имело смысла: даже посреди дороги их машины никому не могли помешать, поэтому и Саша, и Максим за ней просто остановились друг за другом и заглушили двигатели.

Войтех честно старался не поддаваться страху, который охватил его с того момента, как они сели в машины, но тот продолжал нарастать. Как и всегда, когда дело касалось Саши, страх переставал быть просто эмоцией, которую можно контролировать. Он становился живым существом, опутывающим сердце тонкими, холодными, режущими нитями.

Когда они вышли на улицу и оглянулись по сторонам, стало еще хуже. Длинная улица, по обеим сторонам которой стояли темные дома с кое-где провалившейся крышей, уходила в темноту и терялась среди густых зарослей еще голых деревьев. Асфальта под ногами не было, а грунт давно размыло дождями. Дом, в котором когда-то проводил детство Нев, выглядел не намного лучше, но, по крайней мере, в его окнах были целы стекла и он не грозился вот-вот развалиться, погребя под собой незадачливых гостей.

Вид заброшенной деревни угнетал Войтеха и напоминал о Комсомольской, с которой когда-то все началось. Это заставляло сердце не просто тревожно сжиматься, но и тоскливо ныть. Однако Войтех не мог четко определить причину: то ли дело было в плохом предчувствии, то ли просто в дурных воспоминаниях.

Каким образом это место могло воскрешать в Неве воспоминания радостные, он тоже не представлял.

Ваня вытащил из багажника большую сумку, в которую Нев, как оказалось, сложил необходимые для ритуала вещи, и протянул ее их темному магу.

– Ну что, приступим, помолясь? – нарочито весело предложил он,

оглядываясь по сторонам.

– Идемте в дом, – кивнул Нев. – Только оставьте телефоны в машине. Нам не нужно, чтобы нечаянный звонок прервал ритуал.

Замка на двери не висело, потому что и запирать в доме было нечего. Жалкие остатки мебели, которые уже не используешь даже на даче, да немного мусора.

Внутри пришлось включить предусмотрительно захваченные фонари, чтобы не споткнуться и ни на что не напороться. Нев поставил сумку на колченогий стул и принялся в первую очередь вытаскивать из нее свечи. Несколько десятков толстых белых свечей, которые он купил сегодня в магазине возле дома. Он складывал их на подоконник, поскольку другой подходящей поверхности здесь не было.

– Нам как всегда потребуется замкнутый контур, – объяснял он параллельно своим действиям. – Будем делать его из свечей, как тогда, в Научном городке. Должно хватить на достаточно широкий круг, в котором свободно поместимся мы с Сашей. Если свечи останутся, можно поставить их отдельно, чтобы было посветлее.

Девушки кивнули и принялись расставлять свечи в указанном порядке.

– Не понимаю, как вы меня на это уговорили, – заметила Анна, хотя в ее голосе не слышалось сожаления. – Вот уж не думала, что однажды запишусь в ряды... кхм... почти что сатанистов.

– Да ладно, какие сатанисты, – махнул рукой Ваня, заглядывая в сумку Нева через его плечо. Тот как раз вытащил нож с длинным острым лезвием. – Или мы чего-то не знаем?

– Было бы проще, если бы мы были сатанистами, – нарочито спокойно ответил Нев. – Сатана не так страшен, как тот, кого мы собрались вызвать.

Лиля тихо выругалась сквозь зубы.

– А если свечи упадут? – мрачно уточнила она, случайно задев одну свечу ногой и повалив ее. – Нам всем конец?

– Последствия могут быть непредсказуемыми, – кивнул Нев. – Поэтому давайте постараемся, чтобы они не падали. Я хочу также напомнить, что никто из вас не должен сходить со своего места, иначе стабильность Печати будет нарушена. Поверьте, мы этого не хотим. Фонари тоже отложите в сторону, нужно только пламя свечей.

Когда фонари расположились на подоконнике под вторым окном, Нев продолжил:

– Надо распределить вершины. – Он обвел всех задумчивым взглядом, похлопывая лезвием ножа по левой ладони. – Лиля, как и раньше, может быть Жизнью. И тогда Иван должен быть Смертью.

– Опять я, – притворно вздохнул тот.

– Любовь... – Нев, не обращая внимания на Ванины слова, бросил быстрый взгляд на Максима, который в прошлый раз стоял на этой вершине, и перевел его на Сашу. – Полагаю, Войтех будет уместнее?

Та почувствовала на себе взгляды и самого Войтеха, и Максима. Возможно, и все остальные тоже смотрели на нее, но эти два жгли гораздо сильнее. Однако прежде, чем Саша успела что-либо ответить, Максим высказался сам:

– Давайте не менять коней на переправе. Я ею был, я и буду. Наверное, остатки гордости *бывшего* мужа должны бы возмутиться, но я не думаю, что люблю Сашу меньше, чем он.

– Возможно, Войтеху и в самом деле будет лучше занять вершину Власти, – заметила Лиля. – Едва ли это нам поможет, конечно, что все же он экстрасенс, чувствует и понимает больше нас. И среди нас он всегда был лидером.

Нев пожал плечами, как бы говоря, что его этот вариант устраивает. Он повернулся к Анне и осторожно поинтересовался у нее:

– Как у вас с благосостоянием? Вам пока достается вершина Богатства, но если у вас есть серьезные финансовые затруднения, то лучше нам попытаться переиграть вершины.

– Знаете, я последние пять лет пашу как проклятая, – хмыкнула Анна. – Так что с благосостоянием у меня полный порядок.

– Прекрасно, – Нев улыбнулся.

После этого он расставил всех по нужным вершинам, проколол каждому кончик пальца и напомнил, что кровью нужно пометить две свечи, но не те, что стоят рядом друг с другом. Когда это было сделано, он достал из сумки Перстень Ангелов и надел его на безымянный палец правой руки. Последней он вытащил из сумки Книгу.

– Вы готовы? – обратился он к Саше, которая стояла чуть в стороне.

Та внезапно почувствовала, что совершенно не готова. Да и к чему тут можно быть готовой? Умереть через несколько минут? И потянуть за собой еще шесть человек? Может быть, прав был вчера Максим, не нужно ей это. Ради чего ей подвергать опасности себя и друзей?

– Нет, – неуверенно ответила она. – И у вас всех еще тоже есть последний шанс передумать.

– Так, Айболит, вот давай без этого! – поморщился Ваня. – Опять начинается. Я тебе в прошлый раз говорил: поздн^як метаться. Только теперь у нас еще и кровь взяли, так что точно поздн^як.

– Он прав, – кивнул Максим, а затем улыбнулся: – Ты уже вымыла мне

квартиру, я готов отработать.

– А я потратила шесть тысяч на билет не ради обычной прогулки в заброшенную деревню, – поддержала их Анна.

Саша почувствовала, как губы сами собой расплываются в благодарной улыбке, а внутри поднимается что-то вроде уверенности.

– Все будет хорошо, – Войтех тоже ободряюще улыбнулся ей, против обыкновения заверив в том, в чем сам сомневался. – Я думаю, мы все справимся. Зато ты сможешь разнообразить украшения.

Лиля единственная промолчала. И это оказалось настолько заметным, что все тут же на нее покосились.

– Что? – спросил она, скрещивая руки на груди в защитном жесте. – Мне не нравится эта затея, я это сразу сказала. Я считаю, что риск слишком велик. И не оправдан. Но Нев заверил меня, что он справится. И я выбираю верить ему.

– Саш, не слушай мою сестру, она всегда была трусихой, – отмахнулся Ваня, а затем повернулся к Неву: – Мы все в вас верим. Начинайте.

Нев посмотрел на Сашу, и та наконец тоже кивнула.

– Я готова.

– Тогда отдайте мне ваш кулон, – Нев протянул к ней руку.

Не давая себе передумать, Саша стащила кулон через голову, не расстегивая цепочку, и протянула Неву, с удивлением отмечая, что рука почти не дрожит. Нев забрал кулон и спрятал его в карман брюк. После этого он сделал приглашающий жест в сторону круга из свечей и даже подал Саше руку, помогая переступить через маленькие язычки пламени. Сам он сделал то же самое.

Они встали в круге лицом к лицу. Нев открыл книгу в нужном месте. На мгновение замер, то ли собираясь с мыслями, то ли давая и себе шанс передумать. Он на секунду прикрыл глаза, а когда открыл их, серая радужка спряталась за расплывшимся черным зрачком. Саша непроизвольно вздрогнула, заметив это. Никогда ей не привыкнуть к этим метаморфозам. Она поспешно отвела взгляд, предпочтя смотреть чуть выше его головы.

Нев принялся нараспев читать какой-то текст на никому незнакомом и непонятном языке. Пламя свечей раскачивалось из стороны в сторону в такт его словам, все увеличиваясь, как будто тянулось друг к другу, стремясь соединиться в единую линию.

Все замерли в ожидании, когда Ангел проявит себя, но пока ни грохота, ни вибрации, сопровождающих прошлый ритуал, никто не чувствовал.

Пламя свечей постепенно удлинялось, пока не коснулось соседнего фитиля и не слилось в один неразрывный огненный круг. Контур замкнулся, а Нев замолчал.

Он поднял на Сашу глаза, теперь уже полностью залитые чернотой, а когда заговорил – голосу его вторил другой, нечеловеческий:

– Сделка завершена. Приходи и забирай ее.

Никто не дернулся, поскольку для всех остальных его слова прозвучали все на том же незнакомом языке. А мгновение спустя неизвестно откуда взявшийся ветер одновременно задул все свечи в комнате, погрузив ее и участников ритуала в непроглядную темноту.

2 мая 2015 года, 22.47

Заброшенная деревня

Ленинградская область

Темнота окутала его таким плотным коконом, что, казалось, вместе со светом исчезли и звуки. Максим аккуратно пошевелил пальцами левой руки, как будто хотел проверить, не исчезло ли заодно и пространство вокруг. Пальцы шевелились, ощущая пустоту. Сколько прошло времени, он не знал, но ни звуки, ни свет так и не появились. Он точно помнил, что в комнате было два окна, а значит, рано или поздно глаза должны были начать различать очертания предметов и людей, но этого почему-то не происходило.

– Эй? – наконец осторожно позвал он.

– Тихо, – тут же раздалось слева.

Голос принадлежал Войтеху, хотя с той стороны от него должна была стоять блондинка из Москвы, Анна. Максим послушно замолчал. Через несколько томительно долгих минут не выдержал уже и Войтех.

– Нев, что происходит?

Тот молчал.

– Нев?

Снова молчание.

– Здесь есть кто-нибудь?

– Я же, – напомнил Максим.

– Sakra. А остальные?

Этот вопрос остался без ответа.

– Что происходит? – спросил Максим.

– Не имею ни малейшего понятия.

Войтех обернулся, стараясь не сходить с места, и попытался

дотянуться до одной из свеч, которые не составляли круг и были расставлены просто на полу, но руки нащупывали лишь пустоту и клочья пыли и грязи. Яркий огонек зажегся справа: Максим вытащил из кармана зажигалку и щелкнул ею.

Они с Войтехом медленно огляделись, все еще не сходя с места. Маленького дрожащего пламени не хватало, чтобы осветить всю комнату, но даже то, что они увидели, заставило сердце биться чаще. Нев и Саша стояли не так уж далеко, свет до них дотянулся бы, но сейчас на их месте никого не было. Как не было ни Сидоровых, ни Анны.

Войтех почувствовал холодок, пробежавший по спине, и без того не отпускавшая тревога возросла, а в горле появился горький ком.

– Я могу сойти с места? – неуверенно спросил Максим.

Войтех кивнул.

– Очевидно, мы уже не составляем Печать Ангелов.

Максим поднял повыше руку с зажигалкой и медленно обошел небольшую комнату по периметру. Помещение показалось ему немного меньше, чем было раньше, но он не мог сказать наверняка. Зато был точно уверен, что все люди – кроме одного, с которым он хотел остаться наедине меньше всего, – и вещи куда-то исчезли. Не было ни колченого стула, ни пустой сумки на нем, ни десятков расставленных по полу свечей. Окон на стенах он тоже не обнаружил. Как и двери.

– Что, черт возьми, происходит?

– Видимо, у Нева что-то пошло не так, – неестественно спокойно ответил Войтех, все это время молча следивший за ним.

Он вытащил из кобуры пистолет и снял его с предохранителя. Просто на всякий случай. Комната выглядела пустой, но Войтеху почему-то казалось, что они не одни в этой темноте, и он хотел быть готовым к внезапной опасности. Интуиция подсказывала ему, что от этой опасности, если она на самом деле существует, пистолет ему не поможет, но оружие в руках, готовое выстрелить по его команде, всегда внушало ему немного спокойствия. Что-то еще казалось странным, но пока он не понимал, что именно.

– Прекрасно, – проворчал Максим. – И что нам теперь делать?

– Я не знаю.

Максим захлопнул зажигалку. Войтех слышал, как он нервно прошелся из угла в угол. В пустой комнате можно было не опасаться наткнуться на что-то. Снова оставшись в темноте, Войтех занервничал сильнее, но просить Максима дать ему зажигалку не стал. Зря Нев велел всем отложить фонари в сторону, сейчас был бы хоть какой-то источник

света.

– Как мы вообще сюда попали? – снова спросил Максим и получил тот же ответ:

– Я не знаю.

– Я точно не сходил с места. И здесь нет ни окон, ни дверей. Как такое вообще возможно?

Войтех чувствовал, как в нем медленно, но верно поднимается раздражение. Запертая комната, исчезновение друзей, полная темнота и тишина, присутствие бывшего мужа Саши, его вопросы – все это не позволяло установить душевное равновесие, так необходимое в стрессовой ситуации.

– Не знаю.

– Что, черт возьми, вообще ты знаешь? – судя по раздраженному тону Максима, он испытывал те же эмоции.

– Я знаю, что ты действуешь мне на нервы, – не выдержал Войтех. – Хватит ходить из угла в угол, я пытаюсь думать!

Максим остановился.

– Думать надо было раньше, – зло заявил он.

Он снова сделал шаг вперед и задел что-то ногой. Предмет отлетел в сторону и ударился о стену. Этот посторонний звук привел обоих в чувство.

– Что это? – спросил Войтех, оглядываясь, хотя не видел даже собственных рук.

– Что-то валялось на полу.

Максим снова щелкнул зажигалкой, и оба увидели у стены большую толстую свечу: одну из тех, что привез Нев.

– Откуда она здесь? – нахмурился Войтех. – Мы же осматривали комнату, ее не было.

– Мы осматривали комнату при свете несчастной зажигалки, могли не увидеть, – пожал плечами Максим.

Он потянулся к свече и поднес к ней зажигалку. В тот момент, когда язычок пламени лизнул фитиль, Войтех вдруг ясно понял, что делать этого не следует.

– Нет!

Однако его возглас утонул в яркой вспышке. Когда она погасла, оказалось, что одна из стен комнаты, где они очутились, – стеклянная. За стеклом в ровном круге из горящих свечей стояла Саша, но ни Нева, ни Сидоровых, ни Анны рядом не было. Саша стояла с открытыми глазами и смотрела прямо перед собой, но, казалось, не замечала того, что осталась одна.

И Войтех, и Максим несколько долгих секунд непонимающе смотрели на нее. Максим пришел в себя первым. Поставив свечу на пол, он шагнул к стеклу и постучал по нему.

– Саша!

Она даже не шелохнулась, как будто не услышала.

– Саша, ты слышишь меня?

– Она не услышит, – внезапно сказал Войтех.

Максим обернулся к нему.

– Почему? Это всего лишь стекло.

– Это не стекло. – Войтех покачал головой. Мысль, что именно не так в этой комнате, наконец оформилась в слова, приведя его в еще больший ужас. – Это зеркало.

– Что?

Войтех поднял левую руку, в которой бы зажат пистолет.

– Я правша. И ты, насколько я знаю, тоже.

Максим опустил голову, глядя на собственную левую руку, в которой все это время держал погасшую зажигалку.

Войтех прижал ко лбу руку с пистолетом, но металл почему-то не охлаждал кожу. Должно быть, он так крепко сжимал рукоятку, что та нагрелась от его ладони. Войтех не понимал, что происходит, знал лишь одно: они каким-то образом оказались по ту сторону зеркала. И зеркало это – Зеркало Смерти. Нев уничтожил его прошлой ночью, но Войтех хорошо помнил ощущение отражения в нем. Он не знал как, не знал почему, но чувствовал, что сейчас отражается в нем. Это было невозможно, нереально, но это было так.

– Даже если это зеркало, а не стекло, его все равно можно разбить, – возразил Максим.

Он снова ударил по стеклянной стене, на этот раз кулаком, но та даже не треснула. Саша тоже не обернулась.

– Если ты поможешь мне, мы справимся быстрее.

Войтех покачал головой.

– Ты не понимаешь. Нам его все равно не разбить. Если это то, что я думаю, никто, кроме Нева, с ним не справится.

– О, прекрасно! – Максим отошел от стекла и раздраженно посмотрел на него. – Слышал я уже про вашего Нева. Он должен был снять с Саши проклятие, но вместо этого она стоит там одна, мы здесь, где остальные и что происходит – вообще непонятно. Ты уверен, что ваш Нев все еще на нашей стороне?

Войтех стиснул зубы.

– Отойди, – коротко велел он, поднимая руку с пистолетом.

Максим послушно шагнул в сторону, и Войтех выстрелил. Раз, второй, третий. Знал, что стекло не разобьется, но все равно старался стрелять так, чтобы не задеть Сашу, если вдруг пуля пролетит насквозь. Все три предсказуемо упали вниз, не причинив стеклу ни малейшего вреда. Какая-то часть него внезапно подумала, что, возможно, нужно целиться как раз в Сашу, тогда он сможет пробить стекло, но проверять эту теорию он не стал.

– Это ведь была твоя идея с ритуалом, не так ли?

Он обернулся. Максим стоял у противоположной стены, прислонившись к ней затылком, и смотрел на него с каким-то незнакомым выражением в глазах. Войтеху почудилась в них смесь ненависти и насмешки.

– Это была идея Нева, – как можно спокойнее ответил он.

– Но ты мог остановить его. Или отговорить Сашу. Не подвергать ее такой опасности. Впрочем, о чем это я? Ты ведь с самого первого дня знакомства с ней подвергал ее опасности.

Войтех прикрыл глаза и медленно досчитал до десяти. Он напомнил себе, что если его ощущения правдивы, и они на самом деле каким-то образом отражаются в Зеркале Смерти или более того – находятся в нем, все их чувства и эмоции усилены многократно. Нечто подобное он испытывал в заброшенном городе под Москвой. Тогда ему никак не удавалось держать себя в руках, он несколько раз срывался. Если сейчас и он, и Максим находятся под воздействием зеркала или чего-то похожего, то им следует как можно лучше себя контролировать.

– Тебе было мало того, что ты увел у меня жену, – продолжал тем временем Максим. – Ты захотел сделать ее нормальной, без проклятия. Понял, что женщина с дефектом не для тебя? И лучше ей умереть, чем быть такой?

Хрустнули костяшки пальцев правой руки, сжатой в кулак.

– Это было ее желание.

– Со мной у нее таких желаний не возникало.

– Хоть какие-нибудь желания с тобой у нее возникали?

Войтех прикусил язык, но было уже поздно. Максим отлип от стены и шагнул к нему.

– Со мной она была счастлива, – тихим, угрожающим голосом припечатал он. – Да, может быть, я не мог дать ей тех приключений, которые дал ты, но я давал ей много всего другого. Я никогда ее не обманывал, никогда не подвергал опасности ее жизнь. Из-за меня она ни разу в жизни не плакала и не страдала. А ты даже не нашел в себе сил

извиниться за все.

– Тебе откуда знать?

– Иначе разве она стояла бы сейчас там? Если бы ты смог ее убедить, что любишь такой, какая она есть?

– Саша больше не твоя забота!

Максим усмехнулся, но улыбка эта показалась Войтеху весьма зловещей.

– Помнишь, ты однажды сказал мне: «Продолжай так себя вести, и скоро все станет с точностью до наоборот»? Так вот сейчас я могу сказать тебе то же. И поверь мне, я сейчас к этому гораздо ближе, чем ты был тогда.

Войтех инстинктивно, не отдавая отчета своим действиям, поднял руку с пистолетом и внезапно узнал в этом моменте свое видение. То самое, которое накрыло его, когда он пожал Максиму руку в Сашиной квартире. Тогда он не мог представить себе, что заставит его направить на него пистолет, но сейчас поймал себя на мысли, что готов выстрелить. Максим сказал ему правду. Правду, которую Войтех и так знал, а потому боялся ее.

Он быстро отвел руку в сторону и нажал на спусковой крючок. Пуля вылетела из ствола и мгновение спустя ударила в старую деревянную стену, отколов от нее горсть щепок и разбросав их вокруг. В то же мгновение какая-то ниточка, натянутая как тетива в луке, порвалась в нем самом. Он снова выстрелил – и снова что-то лопнуло внутри. Еще и еще.

– Что ты делаешь? – спросил Максим.

– Пытаюсь сделать так, чтобы эти пули не оказались в тебе, – процедил сквозь зубы Войтех.

У него оставался последний выстрел. Войтех почти успел испытать облегчение от осознания того, что справился с наваждением и не убил Максима. В этот момент сам Максим неожиданно подался вперед и испуганно спросил:

– Это еще кто? Как он там оказался?

Войтех обернулся и проследил за его взглядом.

Саша все так же стояла в круге горящих свечей, но теперь она была не одна. В дальнем углу шевельнулась неясная тень, шагнула вперед и внезапно оказалась некромантом. Скаля зубы в пугающей усмешке, он приближался к Саше сзади. В руках его поблескивал нож. Тот самый, которым Нев делал надрезы у них на пальцах.

– Саша!

Войтех первым оказался у стеклянной стены и заколотил по ней рукояткой пистолета.

– Саша!

Максим присоединился к нему, но что бы они ни делали, Саша их не слышала. Некромант уже стоял у нее за спиной и заносил руку для удара, еще мгновение – и убьет ее. Войтех в отчаянии оглянулся по сторонам, не зная, что можно сделать. Его взгляд зацепился за ровный огонек свечи. Зазеркалье появилось тогда, когда они ее зажгли. Так может быть, все довольно просто?

Не давая себе передумать, он выпустил последнюю пулю в свечу. Как всегда, выстрел оказался точным: пламя мгновенно погасло, а вместе с ним погасли и свечи в соседней комнате.

Темнота снова поглотила весь мир.

2 мая 2015 года, 22.50

Нев чувствовал, что что-то идет не так. Стабильность Печати была под угрозой, словно кто-то мог вот-вот покинуть свою вершину и нарушить течение энергии. Учитывая, что он уже ощущал присутствие Ангела, откликнувшегося на его зов, это едва ли могло быть хорошей новостью. Чтобы все прошло гладко, ему требовалась вся возможная сила. Следовало поторопиться.

Прижимая Книгу Ангелов к груди, он осторожно перешагнул через свечи, образующие круг, и оказался на его внешней стороне. Невзирая на темноту, в которую погрузилась комната после того, как пламя погасло, никто из участников ритуала не шевелился и не подавал голоса. Нев слышал только неровные дыхания да приглушенный шорох одежды, когда кто-нибудь осторожно переступал с ноги на ногу.

Даже в крошечной темноте он видел расплывчатую тень, которая вышла из угла комнаты и медленно приблизилась к кругу в центре Печати.

«Давай же, заходи», – мысленно подгонял Нев, чувствуя, как сердце бьется все быстрее, а тот, кто прячется за дверью, нетерпеливо стоит на пороге, готовый в любой момент переступить его и полностью вытеснить его самого.

Избранник Темных Ангелов. Непобедимое бессмертное существо, наделенное неограниченной силой и способное уничтожить все человечество. Нев чувствовал его предвкушение как свое собственное.

Бесформенная тень шагнула в круг свечей, оказавшись всего в полуметре за Сашиной спиной, медленно обошла ее и остановилась прямо перед ней. Момент настал.

Одним щелчком пальцев Нев заставил вспыхнуть все свечи. На тех,

что образовывали круг, языки пламени взметнулись особенно высоко. Они наклонились, коснулись фитиля соседней свечи и замерли в таком положении, снова создав непрерывный круг.

Теперь Ангела увидели все, и в первую очередь его увидела Саша. Она дернулась в сторону и едва не упала, вовремя увидев перед собой горящий круг и резко остановившись. Ей нельзя покидать его, как бы страшно ни было. Она машинально потянулась рукой к шее, но кулон на ней больше не висел. Саша в ужасе посмотрела на приближающуюся тень, понимая, что между ними не осталось ни одной, даже самой призрачной преграды. Она перевела взгляд на Неву, мысленно умоляя мироздание только об одном: увидеть в его глазах уверенность в контроле над ситуацией, однако те были залиты безнадежной и пугающей как сама смерть чернотой.

Но именно в тот момент, когда она повернулась к нему, Нев выбросил вперед руку, и кулон, который она за секунду до этого пыталась нащупать на себе, взлетел в воздух. Едва ли можно было сказать, что Нев бросил его ей. Это больше походило на управляемый полет: цепочка образовала идеально ровный круг и мгновение спустя оказалась у Саши на шее. Старый металлический кулон скользнул вниз по ее груди, оказавшись на том самом месте, где висел последние двадцать шесть лет. Саша едва не согнулась под его неожиданной тяжестью.

Ангел замер на месте, и Войтех, наблюдавший всю эту сцену со стороны, не дыша, явственно почувствовал его удивление и... растерянность. Если эти существа в принципе могли переживать подобные эмоции.

– Саша, не шевелитесь, он не сможет причинить вам вреда, – тихо велел Нев.

Он двинулся по кругу, наступая на пол буквально в сантиметре от горящих свечей.

– Я был избран твоим братом, который даровал мне Смерть в знак своего одобрения. И его именем я приказываю тебе оставить эту женщину и всех, кто родится после нее, и отпустить тех, кто родился до нее.

Бесформенная трепещущая фигура издала какой-то странный звук, похожий на утробное рычание. Никто не заметил, чтобы она шевелилась, но при этом ее лицо – или то место, где у нее могло бы быть лицо, – оставалось обращено к Неву, несмотря на то, что тот перемещался вдоль круга.

– Я был избран твоим братом, который даровал мне Жизнь в знак своего одобрения. И его именем я приказываю тебе оставить эту женщину и всех, кто родится после нее, и отпустить тех, кто родился до нее.

Пламя тех свечей, что были расставлены по комнате, взметнулось вверх. Дом содрогнулся, словно по его стенам ударили чем-то огромным и тяжелым. От этой вибрации несколько свечей упали и покатались к стене. К счастью, не те, что образовывали круг. Плохая новость состояла в том, что они не погасли, а продолжили гореть, роняя на деревянный пол расплавленный парафин.

– Я был избран твоим братом, который даровал мне Перстень в знак своего одобрения. И его именем я приказываю тебе оставить эту женщину и всех, кто родится после нее, и отпустить тех, кто родился до нее.

Теперь дом затрясло так сильно, как будто где-то рядом находился эпицентр землетрясения. В окнах треснули и осыпались стекла, свечи упали и покатались к разным стенам, подчиняясь неведомым законам природы. Даже из круга одна не удержалась, но пламя соседней тут же запылало ярче, и мгновение спустя круг снова замкнулся. Те свечи, что покатались по полу, остановились, столкнувшись со стенами или мусором. Одна лизнула высохший хлам в углу, другая – край почти сгнившей занавески.

– Твою мать, – процедил Ваня, видя, как весело занялся огонь. Одна-две минуты – и они окажутся в огненной западне.

– Я был избран твоим братом, который даровал мне Книгу... – Нев повысил голос, заметив начинающийся пожар и заволновавшись. – В знак своего одобрения. И его именем я приказываю тебе оставить эту женщину и всех, кто родится после нее, и отпустить тех, кто родился до нее.

Саша не знала, что произошло дальше. Все это время она стояла в круге вместе с пугающей до обморока тенью, а потом вдруг оказалась на том месте, где остановился Нев, закончив излагать свои «приказы». Сам же он теперь находился в круге вместо нее.

– Я ваш Избранник, – не дрогнувшим голосом закончил он. – И властью, которую вы мне дали, я изгоняю тебя туда, откуда ты пришел. Твоя сделка с ее прабабкой аннулирована!

Рычание сменилось ревом. Пламя свечей из круга поднялось вверх и взметнулось высокой стеной. И вместе с этим огонь, уже начавший лизать стены дома, тоже пополз быстрее.

– Нев! – вскрикнула Лиля, когда тот скрылся за стеной огня, оказавшись в ловушке.

– Лиля, стой! – приказал Ваня, видя, что сестра готова ринуться в огонь. – Не сходи с места!

– Не сходить с места? – тут же послышался голос Анны. – Мы все сгорим к чертовой матери!

Комната действительно полыхала. Едкий дым поднимался вверх, расстился в стороны, все ближе и ближе подбираясь к участникам ритуала. Еще немного – и огонь перекроет дверь. Тогда им будет не выбраться.

– Нев, поторопитесь! – пытаюсь перекричать треск лопающихся от жара деревянных перекрытий и рев разозленной сущности, попросил Ваня.

Войтех до хруста сжал пальцы в кулаки. Он не знал, что делать. Если они останутся на местах, то, скорее всего, погибнут все. Если сойдут со своих вершин – нарушат ритуал. И тогда вообще неизвестно, чего ждать.

– Саша, уходи хотя бы ты! – без особой надежды потребовал он, поскольку она единственная сейчас не участвовала в ритуале.

Та отчаянно замотала головой, хотя от невыносимого жара пот уже тек по спине и лицу, а инстинкт самосохранения вопил во всю глотку о том, что ей нужно убираться отсюда как можно скорее. Но как она могла уйти, зная, что ее друзья оказались здесь по ее вине? Бросить их и всю жизнь жить убийцей шестерых людей, среди которых ее бывший муж и любимый мужчина? Лучше погибнуть вместе с ними.

– Я не брошу вас, – упрямо заявила она.

– Не будь душой! – рявкнул Максим, но тут же добавил: – У меня в багажнике канистра с водой, плед и огнетушитель. Принеси их сюда! Быстрее, Саша!

С этим она не стала спорить. Пятью литрами воды и одним огнетушителем огонь не погасить, но выбраться им будет проще, когда Нев закончит ритуал. О том, что этого может не случиться, Саша, выбегая из горящего дома, старалась не думать.

Максим, в отличие от нее, всегда сохранял идеальный порядок в машине, поэтому поиски необходимых вещей заняли не так много времени, но огонь, казалось, играл с ней наперегонки. Пока она дрожащими от волнения и ужаса руками вытаскивала плед и воду, стараясь унести все это одновременно с огнетушителем, пламя уже вырвалось наружу, начав облизывать стены дома с внешней стороны и быстро заползая на крышу. Едва не плача, Саша снова побежала к дому, почти не чувствуя веса своей ноши, но пламя полыхнуло перед самым ее лицом в тот момент, когда она поднималась на порог. Она инстинктивно дернулась обратно и закрылась рукой. Нога соскользнула с разбитого временем порога, и она упала.

В следующую секунду вместе с новым всполохом огня в дверном проеме показался Максим. Он успел стащить с себя куртку и попытался прибить ею огонь, давая возможность выбраться остальным. Первой, кашляя и прикрывая лицо рукой, выбежала Анна, следом за ней Лиля, а

потом Войтех и Ваня вытащили Нева. У Вани полыхал рукав куртки, поэтому Саша торопливо вскочила на ноги и набросила на него плед, чтобы погасить пламя.

Все происходило в пугающей тишине, сопровождаемой лишь треском огня, и Саша только сейчас поняла, что даже не заметила, когда затих рев.

– Мать твою, выбрались! – огласил окрестности Ваня, когда они все вместе отбежали к машинам.

– Едва успели, – добавил Войтех, глядя на объятый пламенем дом. Потом он перевел взгляд на Нева, который стоял, привалившись к машине. Войтех продолжал поддерживать его за плечо просто на всякий случай. – Вы как?

Нев ничего не ответил, только поморщился, прижимая руку к груди, и жестом дал понять, что с ним все в порядке. Он кашлянул: от дыма у него першило в горле – и повернулся к Саше.

– Вы свободны от Ангела, – хрипло сообщил он. – И вы, и все ваши потомки. И предшественницы тоже. Кроме той, что заключила сделку.

Саша несколько долгих секунд смотрела на него, как будто не понимала смысла сказанных слов. Только сейчас до нее дошло, что в тот самый момент, когда он накинул на нее кулон, она решила, что ничего не вышло, и он просто снова спрятал ее. Все дальнейшие события развивались так быстро, что ей некогда было думать и сожалеть об этом, но сейчас, в это самое мгновение, она вдруг поняла, что все действительно кончилось.

Почти не сознавая того, что делает, она бросилась к Неву, едва не сшибив его с ног, и крепко обняла. Пожалуй, только рука Войтеха позволила ему все же устоять под натиском ее благодарности.

– Я буду вечной вашей должницей, Нев.

Он слабо улыбнулся, осторожно ответив на ее объятие, но тут же снова кашлянул, на этот раз смущенно.

– Не стоит, Саша. Это... Вы ничего мне не должны.

– Еще как должна, – проворчала Лиля, у которой руки до сих пор немели от страха. – Это было... не хотела бы я увидеть это снова.

Саша наконец отпустила Нева, медленно оглядев друзей. Все они так или иначе пострадали от огня: одежда была грязной, кое-где сожженной, лица тоже перепачканы сажей. Куртку Максима придется выбросить; Ване – обработать обожженное плечо; Лиле – немного подстричь шикарные белокурые волосы, которые пострадали в огне и теперь торчали в разные стороны грязным спутавшимся клубком.

– Что там произошло? – спросила Саша.

– Эта тварь бросилась на Нева, – обхватив себя руками, сообщила Лиля, поскольку остальные молчали. – Я думала, Ангел заберет его с собой. Но, видимо, ты его победил?

Она вопросительного посмотрела на Нева, который крутил в руках очки, как будто решая, стоит ли их протирать. И, пожалуй, впервые в жизни действительно стоило. Он все еще стоял, привалившись к машине, и после вопроса Лили едва заметно качнул головой.

– Нет, не я. Тот, другой, Избранник. Точнее, я использовал его силу. И Ангел был вынужден уйти. Спасибо вам за то, что не сошли со своих мест, – добавил он, обведя всех подслеповатым, но очень выразительным взглядом. – Если бы Печать была нарушена, ничего бы не вышло.

– Погодите, – Ваня выступил чуть вперед, непонимающе глядя на Нева. – Что значит – тот другой? Разве Избранник – это не вы?

– Как бы мне ни хотелось так думать, – усмехнулся Нев, – я всего лишь носитель. Сосуд. Тело. Физическая оболочка, которая стала бы проводником силы и воли Ангелов. Избранник все это время охотно делился со мной силой, чтобы я поверил в то, что я ее контролирую. Но в определенные моменты он забирал контроль себе. Нас все это время было двое. Нас и сейчас двое. Здесь, – он приложил руку к груди, – где-то внутри.

– Это все, конечно, интересно, – вступила Анна, которая мало что понимала из их разговора, – но что нам делать с этим? – Она кивнула в сторону полыхающего дома.

Все остальные проследили за ее взглядом. Ритуал закончился, Ангел ушел, но огонь, уже начавший пир, не собирался просто так его заканчивать. Пламя взмывало вверх, треща и как будто смеясь. Улица освещалась почти как днем, и стало понятно, что она гораздо длиннее, чем казалась сначала.

– Вызвать пожарных и сматываться? – не слишком уверенно предположил Максим.

– Ага, те приедут и найдут внутри следы дьявольского ритуала, – поежилась Саша.

Ваня только фыркнул.

– Я тебя умоляю, Айболит. Пока они сюда приедут, здесь останутся одни угольки. Хотя я думаю, что дом спокойно догорит и сам. Здесь сейчас слишком мокро, чтобы огонь перекинулся на другие. Но вызвать пожарных где-нибудь с трассы все равно можно. Кстати, Нев, домик-то ваш был застрахован?

– Да черт с ним, пусть горит, – махнул рукой Нев. – И никаких следов

ритуала там не останется. Что могут найти? Свечи? Сомневаюсь.

– Там осталась твоя книга, – напомнила Лиля, глядя на огонь.

Нев тоже посмотрел на горящий дом и вздохнул, покачав головой.

– Ей ничего не будет. Я потом ее заберу.

Еще некоторое время они смотрели на полыхающий пожар, не решаясь уехать. Это казалось кошмарным, неправильным. Когда они добрались до широкой трассы, не рискуя встретиться на узкой дороге с движущимися навстречу машинами, Максим все же позвонил в пожарную часть.

Глава 13

3 мая 2015 года, 2.59

пер. Каховского

Через незанавешенное окно в комнату падал свет уличного фонаря, желтой полоской расстился по полу и переходил на противоположную стену и потолок. В этой полоске шевелились, извиваясь как змеи, причудливые тени, то переползая с места на место, то замирая в углу. Войтех смотрел на эти тени, и со стороны могло показаться, что он внимательно их разглядывает, пытаясь угадать, что именно их отбрасывает, но на самом деле мысли его были далеко.

Вроде бы они со всем разобрались: нашли и устранили причину Катиных провалов в памяти и страшных картин, избавили Сашу от проклятия, хотя на это уже никто и не надеялся, а интуиция все равно твердила ему, что это еще не конец. Он что-то упустил. Войтех давно научился доверять интуиции, которая в последние дни и вовсе обострилась до крайности, но никак не мог понять, что именно его тревожит.

Нев был уверен, что уничтожил зеркало и изгнал прятавшуюся в нем сущность. Почему же тогда во время ритуала Войтех чувствовал его воздействие? И что вообще значило это странное видение? Произошло ли все на самом деле или существовало лишь в его голове? Максим ни словом не обмолвился о чем-то подобном, но в тот момент, когда он садился в машину, где его на этот раз ждали Нев и Лиля, Войтех поймал его взгляд и понял, что даже если странная комната и необычное видение существовали только в голове, то у них обоих. Максим тоже это видел и помнил. И это снова чертовки напоминало видения, которые насылало Зеркало Смерти. Полтора года назад им всем тоже снился один и тот же сон.

Поговорить об этом с Невом Войтех не успел. Тот уехал с Максимом, а Саша отвезла сначала Анну в отель, а затем его и Ваню сюда, в эту квартиру. Но если бы во время уничтожения зеркала в Катиной квартире что-то пошло не так, и Нев не был уверен в результате, наверное, он сказал бы? Может быть, это не интуиция, а паранойя? И Войтех просто ищет повод, чтобы задержаться в Санкт-Петербурге немного дольше, потому что разговор с Сашей так и не состоялся? Он не знал ответ на этот вопрос, как не знал наверняка, почему так и не смог поговорить с ней. Не то боялся узнать, что она не простит, не то ждал какой-то подсказки от Вселенной,

что делать и как говорить, но все его обостренное восприятие почему-то упрямо молчало, когда дело касалось Саши. Как будто хотело, чтобы он сам решил проблему, в которую сам же вляпался.

Его мысли прервал скрип двери Ваниной комнаты, и мгновение спустя тот показался на пороге.

– Дворжак, ты не спишь? – громким шепотом спросил Ваня, глядя на диван.

– Нет, – отозвался Войтех, стоявший у окна.

Ваня вздрогнул и резко обернулся.

– Тьфу ты, черт! Какого хрена ты там делаешь?

Войтех пожал плечами, не став отвечать.

– Слушай, а у тебя таблетки есть?

– Какие таблетки?

– Обезболивающие. Плечо болит, ужас просто.

Войтех кивнул в угол, где лежала сумка с его вещами.

– Возьми в боковом кармане. Правда, они от головной боли, не знаю, помогут ли от ожога.

– Выпью две, – отмахнулся Ваня.

Когда Саша привезла их сюда, она даже умудрилась немного обработать Ванино пострадавшее плечо, хотя было видно, что она валится с ног. Плечо пострадало несильно, специальной помощи не требовало, но Саша все равно написала на бумажке название мази, которую ему лучше завтра купить. Однако даже маленькие ожоги бывают болезненными.

Ваня нашел в сумке Войтеха таблетки, проглотил две и еще две выдал себе на ладонь.

– На будущее, – прокомментировал он. – А ты чего не спишь-то?

– Билеты нам покупал, – Войтех кивнул на раскрытый, но уже погасивший экран ноутбук. – Завтра втроем уезжаем одиннадцатичасовым Сапсаном.

Ваня удивленно приподнял бровь.

– Втроем?

– Твоя сестра сказала, что останется на все праздники.

– Да я не о ней. Ты что, тоже едешь?

Теперь пришла очередь Войтеха удивляться.

– Я живу в Москве, между прочим, – напомнил он. – И мне нужно доложить Ляшину о расследовании, он ждет. Надеюсь, вопрос с ЗАО на этом действительно решится, и вы все будете свободны.

Ваня медленно выпрямился, подошел к Войтеху, осмотрел его со всех сторон, как музейный экспонат, и наконец хмыкнул не то восхищенно, не

то разочарованно:

– Ну ты и придурок... С другой стороны, может, так и лучше. Мы теперь все, как ты говоришь, свободны, расследований больше не будет, проклятие с Сашки сняли, она вдвойне свободна. Макс, конечно, позлится, но простит. В конце концов, видели глазки, что покупали. Он лучше всех знает, что у нее вместо мозгов одни эмоции. Побесилась – и вернулась. Понять и простить, что уж. Спокойной ночи!

Ваня хлопнул его по плечу и скрылся за дверью своей комнаты. Войтех еще несколько долгих секунд смотрел на дверь, медленно осознавая смысл Ваниных слов. Он убеждал себя, что так действительно будет лучше для всех, в первую очередь – для самой Саши, но ноги уже вынесли его в коридор и влезли в ботинки, а руки стащили с вешалки куртку.

Возможно, он уже опоздал. Саша могла все решить, а Максим и вовсе, забросив домой Нева и Лилу, поехать к ней, а не к себе, но Войтех чувствовал, что должен все узнать сегодня, прямо сейчас. Если он опоздал и с визитом, и с извинениями, он примет это. Но если еще не опоздал, если еще есть хоть крохотный шанс, он обязан его использовать. Он же сам всего полгода назад жалел, что упустил все возможности и бездарно потратил отведенное им время. Вселенная сжалась над ним и дала понять, что время еще не упущено, а он снова наступает на те же грабли.

В три часа утра, конечно, не ходил ни один вид общественного транспорта, однако поймать такси оказалось несложно, и уже через пятнадцать минут он входил в темную парадную дома на Среднем проспекте. Даже если дверь сейчас откроет Максим и даст ему в челюсть, это все равно будет лучше, чем незнание.

Однако дверь открыла Саша, и Войтех почувствовал, как волна облегчения прокатилась от макушки до пяток. Если бы она была не одна, Максим едва ли позволил бы ей открыть кому-то дверь глубокой ночью. Она уже, наверное, успела лечь спать, потому что выглядела взъерошенной и сонной, зябко куталась в теплый халат, накинув капюшон на голову, и переступала с одной босой ноги на другую.

– Войта? Что-то случилось?

Он помотал головой.

– Нам нужно поговорить.

Саша нахмурилась, бросила взгляд на висящие на стене часы.

– В половину четвертого ночи? Это не подождет до утра?

– Я уезжаю утром. И слишком долго тянул.

Саша наконец посторонилась, пропуская его в квартиру. Он зашел, прислушиваясь к звенящей тишине вокруг. По крайней мере, она точно

одна. Что, конечно, не отменяет того факта, что он все равно мог опоздать. Войтех торопливо скинул ботинки и швырнул куртку на вешалку, даже не убедившись, что она не упала, как будто боялся, что Саша сейчас передумает и выгонит его.

Саша провела его в гостиную и села на диван, показывая, что готова слушать. Войтех опустился рядом. И – странно – все те слова, которые крутились у него в голове по дороге к ней, снова исчезли. Как будто глубоко внутри стояла какая-то преграда на такие важные разговоры.

Саша молча смотрела на него, давая возможность начать первым. Он глубоко вдохнул – и как в омут с головой. Заговорил торопливо, не давая ей вставить ни слова, даже если бы она вдруг захотела:

– Саш, послушай, я знаю, что виноват перед тобой. И за то, что обманывал тебя с первой нашей встречи, и за то, что подверг смертельной опасности. За то, что произошло с тобой в лаборатории и после. Я виноват, я знаю. И знаю, что ты обижена на меня. Не только за все это, но и за то, что больше недели не находил слов, чтобы все объяснить. Что собирался уехать завтра, так и не поговорив. Теперь, когда все закончилось, когда ты свободна... и от меня с моими расследованиями, и – самое главное – от Ангела, ты можешь вернуться на свою работу, можешь вернуться к Максиму. Он простит тебя, я знаю. Возможно, так было бы правильнее, но... – голос сорвался, но Войтех тут же продолжил, не давая себе даже нормально вдохнуть: – Помнишь, я однажды сказал тебе, что для меня главное, чтобы ты была счастлива? Неважно, со мной или с другим. С тех пор кое-что изменилось.

Он снова прервался и на этот раз молчал дольше. Саша вынуждена была спросить:

– Что?

Войтех заставил себя посмотреть на нее, поймал взгляд карих глаз в полутьме гостиной.

– Я хочу, чтобы ты была счастлива со мной, а не с другим. Да, я понимаю, что я не лучший выбор для тебя. Я не умею быть предельно честным, не умею говорить того, что ты хочешь услышать, не всегда поступаю так, как ты считаешь правильным. Я не могу дать тебе всего того, что может дать Максим. Мы разные, но... Но я люблю тебя. Действительно люблю. И прошу только об одном: останься со мной. Останься, несмотря на все мои недостатки, несмотря на все то, что я сделал. Если тоже любишь меня, останься. И я обещаю: я сделаю все, чтобы ты никогда об этом не пожалела.

Он замолчал, тяжело дыша и ожидая ее ответа, но она тоже молчала.

Смотрела на него, и по ее взгляду он никак не мог понять, о чем она думает. В тот момент, когда он уже почти решил, что все потеряно, она внезапно взяла его правую руку и аккуратно, не касаясь кожи, стянула с нее тонкую матерчатую перчатку. Положила ее рядом с собой на диван и протянула ему свою руку ладонью вверх.

– Коснись меня.

Войтех непонимающе посмотрел на ее ладонь, а затем на нее.

– Что?

– Коснись меня, – повторила она. – Ты ведь ловишь видения от контакта. Коснись и посмотри, что нас ждет, если мы опять будем вместе.

Он снова перевел взгляд на ее ладонь. Протянул руку, замер на одно мгновение, боясь не самого видения, а того, что может увидеть в нем, а затем аккуратно прикоснулся к теплым пальцам. Видения не последовало, и он полностью положил свою ладонь на ее. Он ощущал лишь тепло и нежность ее кожи, пульсирующую на запястье жилку, слышал взволнованное дыхание. Мир перед его глазами остался прежним.

– Ну что?

– Я ничего не вижу.

Саша улыбнулась, и Войтех, увидев ее улыбку, улыбнулся в ответ.

– Мой дар как будто не работает с тобой.

– Это ведь к лучшему, не так ли?

Свободной рукой Саша стащила с него вторую перчатку и уже сама вложила пальцы в его ладонь, затем скользнула чуть выше, по предплечью, но и тогда видения не торопились его посещать. Совсем осмелев, Войтех наклонился к ней и коснулся ее губ в нерешительном поцелуе. Саша не остановила его, не отстранилась, и в данный момент это радовало еще сильнее отсутствующих видений. Он запустил пальцы в волосы на затылке, чуть крепче прижимая ее к себе и углубляя поцелуй. Саша отвечала ему с жадностью соскучившегося человека, который уже успел похоронить надежду еще когда-нибудь целовать его.

Войтех не помнил, как они оказались в спальне, как и когда исчезла их одежда. Саша скользила ладонями по его телу, то поднимаясь вверх, касаясь кончиками пальцев его лица, то опускаясь ниже, к груди, словно хотела убедиться, что он действительно не ловит видений от нее. Обнимая ее, он не мог сказать, что проверяет то же. По правде говоря, он вообще не мог ничего сказать. И меньше всего хотел думать о каких-то там видениях. Просто наслаждался ею в своих объятиях, понимая, что тоже боялся больше не почувствовать этого.

Лишь некоторое время спустя они смогли оторваться друг от друга. Не

открывая глаз, Войтех коснулся лбом ее лба, слушая шумное дыхание и чувствуя, как бешено бьется ее сердце.

– Это значит да? – хрипло спросил он, не решаясь посмотреть на нее, хотя еще минуту назад, не стесняясь, разглядывал.

– Да, – выдохнула Саша.

– Ты вернешься со мной в Москву?

Она ответила не сразу, и ее ответ заставил уже появившуюся было улыбку снова исчезнуть.

– Нет.

Войтех даже дышать перестал, не зная, что сказать на это, но Саша продолжила сама:

– Ты переедешь ко мне в Питер?

Он все же улыбнулся. Его ничего не держало в Москве. Даже когда он работал на ЗАО, он мог жить где угодно. Теперь, когда ЗАО больше нет, тем более.

– Да. Конечно. Конечно, я перееду, если ты этого хочешь.

– Хочу больше всего на свете.

3 мая 2015 года, 10.27

пр. Науки

Это был самый странный из когда-либо снявшихся ему снов. Нев знал, что у его поступка будут определенные последствия, но ждал не совсем этого.

Он спал и знал, что спит, поэтому причудливые образы, ощущения невесомости и полной неподвижности его не пугали. Страшно стало потом, когда все исчезло и его окружила непроглядная тьма. Уже знакомая фигура в бесформенном балахоне отделилась от этой тьмы и приблизилась к нему. Нев сам не знал, как именно умудряется различать Ангелов, но сразу понял, что к нему пришел не тот, которого он разозлил, забрав у него Сашу и весь ее род, а другой. Жизнь.

В прошлый раз они со Смертью приходили к нему вместе. Точнее, подловили его в параллельном измерении. Он думал, они хотят задержать его там, но они лишь поделились своими дарами.

И вот теперь Жизнь снова пришел к нему и снова в другой реальности: в реальности сна. Нев сразу понял причину его прихода.

Он пришел забрать свой дар. Нев пошел против одного из них вместо того, чтобы позволить Избраннику обрести полную силу. Как и у любого выбора, у этого была своя цена. И хотя он не думал, что платить придется

так много, он был готов это сделать. Да и кто его теперь спрашивал?

Смерть наступила быстро и почти безболезненно. Так мечтают уйти многие: в собственной постели, во сне. Нев лишь успел подумать, что лучше бы Лиля не оставалась у него на ночь сегодня. Каково ей будет обнаружить утром в своей постели мертвеца?

Тоннеля он не увидел. И света тоже. Впрочем, он давно знал, что для него в конце пути свет теперь уже невозможен. Он лишь гадал, что будет дальше. Время узнать ответ на вопрос, который в той или иной степени тревожит каждого, для него настало.

Страх снова исчез. Видимо, «дальше» места этому чувству не остается. А вот место для грусти нашлось. И для сожаления тоже.

Слишком рано. Он ведь так много не успел...

В тот момент, когда Нев чувствовал, что готов сделать последний шаг, он снова увидел Ангела. И снова Темного.

Смерть преградил ему путь в загадочное «дальше». Пришел он по той же причине, что и его брат: забрать свой дар. Нев не мог поверить в собственную удачу. Почему они решили оставить его в живых? Ведь если бы Смерть оставил дар при нем, то на этом бы все и закончилось.

Лишь потом, проснувшись посреди ночи в холодном поту от резкой боли в груди, Нев понял: у Ангелов свои правила и ограничения. Раз наградить дарами Смерть и Жизнь могут только вместе, то и забрать, видимо, тоже только так. Один за другим.

По его губам скользнула улыбка. Грудь болела так, словно на нее уронили бетонную плиту, он с трудом дышал и не мог пошевелиться, только слепо пялился в темный потолок, но его заполняло такое счастье, какое до сих пор он не мог себе представить: он жив и свободен уже от трех Ангелов.

Нев не помнил, как снова уснул, да и снов в ту ночь он больше не видел. Проснулся, когда за окном было уже довольно светло, и даже не понял, что именно его разбудило. То ли тихая музыка, доносившаяся с кухни, то ли умопомрачительная смесь запахов, источник которых находился там же. Судя по всему, Лилия уже готовила завтрак.

Встать оказалось не так-то просто. Тело было ватным, непослушным. Слабым. Голова сильно закружилась, стоило ему всего лишь сесть, но Нев все-таки заставил себя встать, едва мир перестал вращаться. Накинув на плечи халат – сразу после пробуждения он всегда немного мерз, поэтому халат каждое утро ждал его на спинке стула – он медленно побрел в сторону кухни.

Здесь смесь запахов распалась на составляющие: пахло жареным

тестом, ванилью, корицей и кофе. Лиля стояла у плиты, облаченная в тонкий шелковый халат, и готовила то ли оладьи, то ли просто толстые маленькие блинчики. Она тихо подпевала радио и даже слегка пританцовывала, что заставило Неву улыбнуться. Он привалился плечом к дверному косяку, позволив себе какое-то время просто наблюдать за ней.

Она словно почувствовала его взгляд и оглянулась, поприветствовала улыбкой.

– Я уж думала, ты решил сегодня не просыпаться, – заметила она, наливая на сковороду тесто.

Вытерев руки о полотенце, она подошла к нему и игриво поцеловала в уголок рта. Нев в который раз подумал, что «домашний» вариант Лили: в халате, без косметики, с небрежно сколотыми на затылке волосами – нравится ему даже больше, чем ухоженная красотка с безупречными локонами и в туфлях на высоком каблуке. Та Лили радовала глаз всех мимо проходящих мужчин, улыбалась многим. Эта принадлежала только ему. От одной этой мысли можно было сойти с ума от счастья.

– А который час?

– Половина одиннадцатого. Что довольно много, учитывая, что обычно ты просыпаешься в начале девятого.

Она улыбалась и выглядела по-утреннему беззаботно, но в глубине зеленых глаз он видел тщательно скрываемую тревогу. Нев решил не пугать ее рассказом о том, что случилось ночью, поэтому только равнодушно пожал плечами.

– Мы поздно легли, а я очень устал. Магия отбирает немало сил. А что на завтрак?

– Панкейки. Ванильные с корицей.

– Панкейки? – нахмурившись переспросил Нев.

– Это такие маленькие толстые блинчики. Не говори, что не знаешь. Ты все знаешь.

– Знаю, конечно. Просто не понимаю, почему их не называют просто блинчиками.

– Потому что «просто блинчики» другие, – усмехнулась Лилиа и, возвращаясь к плите, командовала: – Садись, несколько штук уже готово. Кофе будешь?

– Конечно. Какое может быть утро без кофе?

– Не очень доброе.

Лилиа поставила перед ним тарелку с маленькими пухлыми блинчиками и чашку с кофе и чмокнула в макушку. Он дождался, пока она сняла со сковороды очередную партию и, временно отложив готовку, села

за стол напротив него.

К тому моменту Нев понял, что Перстень Ангелов, который он надел перед ритуалом, все еще у него на пальце. Он стянул его и задумчиво покрутил в руках, почувствовав, как мгновенно напряглась Лиля, как раз севшая за стол.

Он протянул руку и положил перстень рядом с ее тарелкой.

– Передай его своему куратору с моими извинениями, – попросил он.

Лиля долго смотрела на перстень, не касаясь его, потом подняла недоверчивый взгляд на Нева.

– С чего вдруг? Ты устроил такой переполох в офисе Общества, чтобы забрать его... Ради одного ритуала?

– Как ни странно. Я не говорил тебе, но ко мне приходил один из них. Из Ангелов. Любовь. Тот Ангел, дар которого оставался мне до полного вступления в силу.

Лиля судорожно вздохнула, выдавая испуг, и Нев поспешил ее заверить:

– Ни мне, ни тебе он не может причинить вреда. Мы сделок не заключали... Хотя ко мне он как раз пришел с предложением одной.

– Какой?

– Его дар в обмен на Сашу.

Это прозвучало спокойнее, чем он ожидал. Лиля в ответ на это не издала ни звука, только озабоченно нахмурилась.

– Это он подсказал мне, что Перстень у вас, – продолжил Нев. – Точнее, он сказал, что у меня есть четыре дара, а остальное я понял сам. Только ты могла перехватить его. Тогда, в пещере.

Лиля смущенно опустила взгляд в тарелку.

– Он обещал мне бессмертие в обмен на Сашину жизнь. И знаешь, я был почти готов пойти на эту сделку.

Когда она подняла на него удивленный и немного шокированный взгляд, он развел руками.

– Лиля, мне пятьдесят пять. И как бы ты ни старалась делать вид, что это не проблема, это не так. Ангел сказал, что я больше не буду стареть. А я бы так хотел остановить для себя время на двадцать лет. Великий соблазн.

– И что же тебя остановило? – едва слышно уточнила она.

– Сначала понимание того, что и через двадцать лет я не продолжу стареть. И еще через двадцать. Вы все состаритесь и умрете, а я так и буду жить. Снова один. А потом я вспомнил все те ситуации, когда Избранник брал контроль надо мной, и понял, что когда он войдет в полную силу, я уже ни на что не смогу повлиять. Меня вообще уже не будет. Будет только

он в моем теле. Тогда я решил, что не хочу этот дар. Никогда. И я подумал, что если вместо того, чтобы отдать ему Сашу, заберу ее у него навсегда, то он никогда не одобрит меня. Но чтобы у меня все точно получилось, мне требовался Перстень, поэтому я его и забрал.

– Почему ты мне ничего не сказал?

Нев пожал плечами.

– Не знаю. Боялся, что ты не поверишь в мои намерения. Боялся, что если озвучу их, Ангел о них узнает. Я делал вид, что согласился на его сделку, чтобы он точно пришел по моему зову. Не хотелось срыва.

Лиля понимающе кивнула. Хмуриться она перестала, и никаких следов недовольства на ее лице Нев не нашел. Она лишь улыбнулась.

– Значит, теперь ты в безопасности?

– Более чем, – ему не удалось скрыть горечи в этой фразе. – Сегодня ночью ко мне приходили Смерть и Жизнь. Они лишили меня своих даров. Видимо, сочли, что я более не достоин. Поэтому я прошу ваше Общество сохранить перстень. Скорее всего, мне не удастся его при себе удержать. Да и книгу мы, вероятнее всего, уже не найдем. Больше я не Избранник.

Она протянула руку через стол и сжала его ладонь.

– Это ведь хорошо. Ты останешься собой. Разве это не главное?

Он погладил ее пальцы, прислушиваясь к тихому мурлыканью песни из радиоприемника, скользнул взглядом по тарелке с – кто бы мог подумать? – панкейками и покачал головой.

– Без магии я всего лишь пожилой мужчина, скучный и нерешительный, который никому и никогда не был интересен.

– Мне он нравился, – возразила Лиля. – А теперь нравится еще больше. Потому что требуется огромная сила воли, чтобы контролировать такую силу. И требуется огромная сила духа, чтобы от нее отказаться. Такие люди – редкость. Поэтому я надеюсь, что твое предложение о переезде все еще действительно, хоть ты больше и не великий темный маг.

Его брови удивленно поползли вверх, но вместе с ними приподнялись и уголки губ.

– Если ты этого хочешь.

– Сейчас я хочу, чтобы мы наконец поели, – со смешком заметила она. – А то мои бедные панкейки уже совсем остыли.

Нев выпустил ее руку и коснулся кончиками пальцев тарелки. Мгновение спустя от трех пухлых блинчиков пошел едва заметный пар.

– Я теперь едва ли смогу открывать порталы и метать молнии, но некоторые знания и умения никуда не деваются, – смущенно пожав плечами, пояснил он.

В это мгновение заверещал его мобильный телефон, который он накануне оставил на подоконнике кухни. Экран высвечивал имя Войтеха.

– И что-то мне подсказывает, что они нам еще пригодятся, – хмыкнула на это Лиля.

*3 мая 2015 года, 10.48
Средний проспект В.О.*

Саша уже не помнила, когда в последний раз спала так крепко. Без снов и волнений, не просыпаясь и не слыша ничего, что происходит вокруг. Она проснулась, когда в окно уже вовсю светило счастливое весеннее солнце, наконец сумевшее пробраться и в этот город. Часов в спальне не было, поэтому который час, Саша не знала, но едва ли уже обед. Если учесть, во сколько они легли, она думала спать как раз до него, но и сейчас чувствовала себя непривычно бодрой.

Войтех все еще спал рядом, и Саша не сдержала улыбку, глядя на него. Он выглядел одновременно уставшим и расслабленным, как путник, который долгое время куда-то шел и наконец добрался до места назначения. Взлохмаченные темные волосы были обожжены в нескольких местах, щетина покрывала щеки и подбородок, но при этом он даже не пошевелился, когда Саша наклонилась, чтобы легонько поцеловать его.

Она осторожно встала с постели, подобрала брошенный на пол халат и вышла из спальни. Страшно хотелось пить. На полу в прихожей валялась куртка Войтеха, что тоже было совсем непохоже на него. Он всегда клал вещи аккуратно. Саша подняла ее, чтобы повесить на вешалку, и в этот момент что-то едва слышно звякнуло внизу. Она хотела отойти в сторону, чтобы посмотреть, но внезапно наступила босой ногой на что-то острое, змеей впившееся в кожу.

– Ай!

– Саш? – раздался из спальни сонный, но полный тревоги голос Войтеха.

Она осторожно убрала ногу и щелкнула выключателем. На полу, в том месте, где лежала куртка Войтеха, что-то блеснуло, отражая желтоватый свет электрической лампы. Саша наклонилась и подняла маленький осколок зеркала.

– Саш, в чем дело?

На пороге спальни показался Войтех, спешно натягивающий на себя джинсы. Саша показала ему осколок.

– Кажется, это выпало из твоей куртки.

– Дай взглянуть, – Войтех протянул раскрытую ладонь, и Саша осторожно положила на нее осколок.

Оба поняли, что это было не самой хорошей идеей, слишком поздно. Войтех дернулся, когда его еще сонное сознание озарила вспышка видения. Осколок выпал из его руки.

– Стой! – велел он, когда Саша наклонилась, чтобы снова его поднять. – Не трогай.

– В чем дело? – нахмурилась та. – Что ты видел?

Войтех присел на корточки, внимательно разглядывая осколок и почти физически ощущая, как в голове крутятся разрозненные кусочки мозаики, собираясь в единую картину.

– В этой куртке я был у Кати, – медленно произнес он, – когда Нев разбил проклятое зеркало. И сейчас я видел... что-то. Не знаю, как описать. Что-то нечеловеческое.

Саша хмыкнула.

– Меня мучает дежавю.

– Что ты имеешь в виду?

– Когда в том подвале под Москвой Нев разбил Зеркало Смерти, один осколок завалился мне в капюшон. Я его только в отеле обнаружила. И мне тоже показалось, что я в нем кого-то увидела. Правда, тогда я решила, что это просто нервы после всего случившегося в том городе.

Войтех почувствовал, как сердце пропустило удар.

– И что ты сделала?

– Выбросила его, – она пожала плечами. – Еще и порезалась при этом.

– Черт, – Войтех закрыл глаза и потер их ладонью, а потом снова посмотрел на Сашу. – Можешь принести мне телефон? Кажется, нам нужно срочно связаться с Невом.

Саша быстро принесла ему телефон из гостиной, и он набрал номер Нева, мысленно отмечая, что на экране высвечивается несколько пропущенных звонков от Ивана. Войтех бросил взгляд на часы, понимая, что Сапсан, на котором он должен был уехать в Москву вместе с Иваном и Анной, как раз отходит от перрона. Но сейчас ему было плевать на это по нескольким причинам. И осколок зеркала на полу был не главной.

Нев ответил быстро, и голос его звучал неожиданно бодро.

– Нев, скажите, а вы уверены, что существо, которое живет в зеркале, после его разрушения действительно изгоняется? – без предисловий спросил Войтех.

– Что?

– Существо не может прятаться в одном из осколков? Понимаете, мы

тут нашли один. Кажется, он попал мне на куртку, и я ходил с ним все это время. Когда я коснулся его, то увидел... нечто страшное. И во время вчерашнего ритуала у меня снова была галлюцинация. Вроде той, что зеркало напускает на своих жертв. Мне кажется, оно у нас с Максимом было одно на двоих.

– Так вот, что это было, – мрачно заметил Нев после недолгого молчания. – Во время ритуала я тоже чувствовал постороннее воздействие, угрожавшее стабильности Печати. Возможно, это и было действие осколка на вас.

– Саша сказала, что полтора года назад в подвале, когда вы уничтожили предыдущее зеркало, один осколок так же остался у нее, она выбросила его только в отеле, порезавшись им. Как думаете, это может быть связано?

– Пожалуй, – медленно произнес Нев, как будто еще обдумывая его вопрос. – Зеркало было уничтожено, но Саша, окропив его кровью, могла придать сил существу в осколке, если оно каким-то образом действительно может в них сохраняться. Если в тот момент осколок отражался в другой поверхности, оно могло перескочить в нее.

– Зеркало в ванной, – шепотом подсказала Саша, слышавшая весь разговор. – Это было в ванной.

Войтех повторил ее слова Неву и добавил:

– Жена фотографа говорила, что перед тем, как все началось, она продала какую-то квартиру, хозяин которой был мотающим между Москвой и Санкт-Петербургом бизнесменом. И он скорострительно скончался.

– Вполне вероятно, он жил в том номере отеля после Саши, – предположил Нев. – И существо увязалось за ним. Потому что номер отеля для него место неподходящее: там никто не живет подолгу, человека просто не «выпить» за пару дней. Затем, после смерти бизнесмена, жена фотографа принесла это существо к себе. Женщины любят поправлять прическу, глядя в два зеркала. Сама она не пострадала, ее муж оказался более податливой жертвой. А затем уже зараженное зеркало досталось Кате.

Войтех снова посмотрел на осколок.

– А что нам делать с этим?

Нев несколько долгих секунд молчал, как будто что-то решал, а затем уточнил:

– Никто из вас им не порезался?

– Я точно нет, – Войтех перевел взгляд на Сашу.

– Я наступила на него, но вроде бы не порезалась, – она подняла ногу и посмотрела на подошву, но следов крови на ней не было.

– Тогда очень осторожно положите его в какую-нибудь коробку с непрозрачными стенками и ждите меня. Сейчас главное не дать ему прыгнуть снова.

– Я вас понял, – кивнул Войтех, мысленно прощаясь с идеей вернуться в постель.

3 мая 2015 года, 10.52

Московский вокзал

– Да вы все издеваетесь, что ли?

Ваня оторвал от уха телефонную трубку, упрямо издающую длинные гудки все утро, и посмотрел на экран, где высвечивалось имя Анны. Говорить с ним не желали, а между тем до отправления поезда оставалось всего лишь чуть больше десяти минут. В этот раз у них снова были билеты в первый класс, но уже вместе с остальными пассажирами. Видимо, Ляшин (или Дворжак?) посчитал, что для трех человек, которым уже не о чем совещаться, не стоит арендовать целый вагон. Правда, в данный момент на перроне стоял один только Ваня.

Проснувшись утром, Дворжака в квартире он не обнаружил. Видимо, примирение с Сашей прошло удачно. Куда еще тот мог отправиться среди ночи? Только к ней. Хотя, с него станется... Ваня позвонил ему в половине десятого, когда до приезда такси осталось двадцать минут, а он так и не явился. Ему никто не ответил. Аня тоже не брала трубку, поэтому ей он отправил смс со временем отправления поезда. Прочитала ли она его, приедет ли на вокзал, он не знал, но с каждой проведенной на перроне минутой все больше в этом сомневался.

Проводник его, конечно же, не торопил. Ездить первым классом оказалось на удивление приятно. Почему он раньше так не делал? Ваня отошел в сторону, чтобы не мешать опаздывающим пассажирам, которым предстояло преодолеть еще немало метров, и наконец увидел ее.

Аня шла по перрону неторопливо, катя за собой небольшой чемодан. Он сразу предупредил ее, что зовет ненадолго, поэтому вещей она много и не брала. Но, конечно же, ни одна женщина не способна уехать в другой город с одной только сумочкой.

Только сейчас Ваня подумал, что он полный болван. Майские праздники в разгаре, один из самых романтичных городов их необъятной страны позвал в гости, а он предупредил Аню, что зовет ненадолго. И

сейчас ждет ее на перроне вместо того, чтобы гулять с ней по просыпающемуся от зимней спячки Питеру, ужинать в дорогих ресторанах и ночевать в хорошем отеле. Ну не идиот ли, скажите, пожалуйста?

– А ты не торопилась, – проворчал он, разочарованный собственной недалёковидностью, когда Аня подошла ближе.

– Я никогда никуда не опаздываю, – пожала плечами та, передавая ему свой чемодан.

Это было чистой правдой. Ваня периодически звал ее на свидания, и она ни разу на них не опоздала.

– Идем? – Аня кивнула в сторону призывно распахнутой двери вагона. И Ваня внезапно решился.

– Слушай, а может, ну ее, эту Москву? Давай останемся здесь.

Аня, уже успевшая шагнуть к вагону, удивленно остановилась.

– Что?

– Давай здесь останемся. Выходные же, погуляем.

Она покачала головой, и на ее лице не мелькнуло даже тени сомнения.

– Извини, но я не планировала провести эти дни в Питере. Я приехала, потому что ты попросил. И сказал, что это ненадолго. Я и вещей с собой не брала.

– Да купим все, что нужно! Я заплачу.

Аня снисходительно улыбнулась, давая понять, что заплатить за себя она может сама, но не собирается этого делать, показала проводнику паспорт и шагнула в вагон. Ване ничего не оставалось, кроме как последовать за ней. Ему даже показалось, что проводник бросил на него сочувствующий взгляд.

В вагоне было занято всего пять мест. Двое мужчин уже успели разложить ноутбуки, один смотрел в окно, и еще две девушки в дальнем углу о чем-то тихо переговаривались и смеялись. Дворжак купил для них два сочлененных места и одно отдельное, поэтому Ваня, конечно же, сразу направился к двойным креслам, по-джентльменски уступив Ане место у окна. Спустя буквально минуту поезд легко дернулся, и перрон за окном медленно поплыл назад.

– Я же говорила, что не опаздываю, – усмехнулась Аня, с удобством устраиваясь у окна.

– Ты всегда все делаешь по плану, да? – немного обиженно поинтересовался Ваня.

Она повернулась к нему, несколько мгновений разглядывала, а затем снова посмотрела в окно.

– Я стараюсь. Но это не всегда получается. И хочешь правду? – она

опять взглянула на него и улыбнулась. – Я обожаю форс-мажоры.

Ваня удивленно приподнял брови.

– В самом деле? По-моему, одно с другим не сочетается. Разве планы строят не для того, чтобы все шло по ним?

– Знаешь игру «Сим Сити»?

Он нахмурился, вспоминая. Название казалось знакомым, но в чем ее смысл, он не мог вспомнить.

– Там нужно строить город, – подсказала Аня. – Дома, дороги, обеспечивать жителей водой, электроэнергией, пожарными частями, больницами, школами. Следить за желаниями, удовлетворять потребности. Все делать по плану. Но, достигнув определенного уровня, можно открыть башню катастроф и устраивать городу стихийные бедствия. Я обожаю это делать. Сначала ты планируешь, работаешь, думаешь, как сделать лучше. А потом становится скучно. Все работает как часы, все довольны, счастливы и заплывают жиром. Катастрофы приносят отличное разнообразие и позволяют снова решать проблемы, понимаешь? Я поэтому и стала организатором праздников. С одной стороны, ты все планируешь, с другой – форс-мажоры неизбежны. И от того, как ты с ними справишься, зависит и сам праздник, и твоя репутация. Я умею решать проблемы, более того, мне это нравится. И в то же время я обожаю все планировать, чтобы этих проблем не возникло. Вот такая забавная у меня жизнь.

– Почему ты тогда не согласилась остаться в Питере? Разве это не форс-мажор?

Аня рассмеялась.

– Это твоя прихоть, а не форс-мажор. Вот звонок вчерашний – форс-мажор. Поэтому я и приехала, бросив все.

– Не жалеешь?

– Нет. У вас весело. Да и Карина мне бы не простила, если бы узнала, что я не согласилась.

– Как она?

Аня пожала плечами.

– Нормально. Дети быстро забывают плохое. Она, конечно, уже не ребенок, но, как я поняла, ничего плохого сделать ей не успели. А уж после того, как она узнала, что Войтех жив, вообще забыла обо всем.

– Втюрилась твоя Карина в Дворжака.

Аня согласно улыбнулась.

– Это пройдет. В пятнадцать легко влюбиться в человека, который внезапно оказывается не таким, как все, зато таким, как ты сама.

Ваня хотел съязвить что-то по поводу «не такого как все Дворжака»,

уже даже рот открыл, но внезапно передумал.

– Хочешь откровенность за откровенность? – спросил он, сам еще до конца не веря в то, в чем собирался признаться.

– Конечно! – Аня заинтересованно повернулась к нему, но в этот момент стюард как раз принес им чай, а потому пришлось подождать, пока он отойдет.

У Вани появилось время подумать, не говорит ли в нем стресс последних пары недель, но за полторы минуты так ничего и не изменилось.

– Я, конечно, всегда ржал над ним, но в глубине души, очень-очень глубоко, почти на уровне дна Марианской впадины, наверное, его понимаю. Будь я на его месте, сам продал бы душу дьяволу и «Прогрессивным технологиям», если бы они дали мне возможность разобраться в устройстве мира и доказать хотя бы самому себе, что я не псих.

Аня знала их всех не так хорошо, поэтому не могла по достоинству оценить необычность признания, но поняла, что сам Войтех, услышав его, был бы поражен.

– А еще глубже, чуть ниже дна, – продолжил Ваня, переходя на привычный для себя шуточный тон, – я буду скучать по этим расследованиям. И если вдруг этот чертов экстрасенс снова вляпается в какое-нибудь дерьмо, и ему понадобится команда, чтобы вдоволь в нем наплавать, я захвачу с собой весла.

Аня рассмеялась, поднесла к губам чай и сделала осторожный глоток.

– Если я ему скажу об этом, ты меня убьешь, да?

– Ты не оставишь мне выбора.

4 мая 2015 года, 12.18

г. Москва

– И что вы сделали с тем осколком? – поинтересовался Ляшин.

Они снова встретились в том же парке, но на этот раз решили пройтись, а не сидеть на скамейке. Жизнерадостный кокер-спаниель носился вокруг них, то убегая вперед, то отставая, то притаскивая хозяину какую-нибудь палку, чтобы тот бросил ему.

Войтех вернулся в Москву утром. Ему нужно было не только встретиться с Ляшиным, но и переговорить с хозяйкой квартиры, отдать ей ключи и собрать вещи. Начать пришлось, конечно же, с Ляшина.

– Поскольку теперь мы не могли быть уверены в том, что магия Нева способна изгнать это существо, мы запечатали осколок в коробку и сдали

его на хранение.

– На хранение? – удивленно переспросил Ляшин. – Куда?

– В одно... надежное место, – уклончиво ответил Войтех. – Они профессионально изолируют такие вещи уже несколько веков.

Он не стал уточнять, что коробка с осколком доберется до надежного места только через несколько дней, когда Лиля вернется в Москву и встретится с куратором. Он также не стал акцентировать внимание на том, что Нев не пытался снова изгнать демона, потому что к тому моменту потерял почти всю магическую силу. Войтеху казалось, что такие подробности – это лишнее. Вместо этого он продолжил рассказывать то, что Ляшина касалось и должно было волновать:

– К сожалению, Катя к тому моменту, конечно, успела заказать уборку в мастерской. Все осколки, которые оставались там, были вывезены клининговой компанией. Отследить их не удалось. Видимо, они теперь погребены на какой-нибудь свалке под другим мусором. Может быть, это не менее надежно, чем выбранное нами хранилище. Квартиру Кати мы с Невом проверили: демон не успел прыгнуть ни в одно другое зеркало или зеркальную поверхность. Надеюсь, что на этом его история закончится.

Он покосился на Ляшина, который как раз присел на корточки, чтобы погладить снова вернувшегося к нему пса.

– Значит, я вовремя к вам обратился, – в голосе того слышалось напряжение, но в остальном он реагировал на рассказ Войтеха достаточно спокойно. – Еще немного – и этот демон убил бы мою дочь. Как того несчастного фотографа.

– Да, мы едва успели понять, в чем дело, когда ситуация приблизилась к критической точке. Поэтому пришлось отказаться от анонимности. Катя была на краю гибели, нам пришлось себя раскрыть.

– Это не страшно, – отмахнулся Ляшин, снова выпрямляясь, поскольку не в меру активный кокер-спаниель вновь умчался по каким-то своим собачьим делам. – Главное, что с ней все в порядке. Она даже приехала в Москву, чтобы провести с нами несколько дней.

Он улыбнулся, и Войтех понял, что в последний раз Катя делала так очень давно. Ему оставалось только порадоваться за Ляшина и надеяться, что это обстоятельство сыграет им всем на руку.

– Мне кажется, вы удовлетворены нашей работой, – заметил он, поскольку больше ничего не мог рассказать. – Я выполнил свою часть сделки. Надеюсь, вы выполните и свою.

– Об этом можете не переживать, – заверил его Ляшин, снова становясь серьезным. – Я начал выполнять свою часть сделки, как только

Катя позвонила мне и все рассказала. Сразу после того, как вы провели обряд. Я ведь тогда решил, что все уже закончилось.

Войтех снова покосился на него и, не сдержавшись, хмыкнул. Ляшин это заметил.

– Что?

– Да нет, ничего. Просто... для человека вашего положения вы очень спокойно воспринимаете разговоры о демонах, темных магах и обрядах. Это довольно непривычно.

Ляшин равнодушно пожал плечами. Они как раз дошли до той части парка, где их пустынная аллея выходила на открытое пространство и уже начинали появляться посторонние люди. Охранники, которые до сих пор где-то прятались, сразу проявили себя, полагая, что Ляшин пойдет дальше. Однако тот свистом подозвал к себе собаку, которая успела убежать вперед, увлеченно вынюхивая беличий след, и повернул назад.

– Если вы не против, давайте прогуляемся в обратном направлении.

Войтех, конечно, не был против. К тому же машина, на которой его привезли, снова осталась на пустынном пятачке недалеко от той скамейки, у которой они встретились и в этот раз.

– Я прагматик, господин Дворжак, – объяснил Ляшин, когда они прошли несколько метров по аллее. – Для меня важен положительный исход любого дела. Что я при этом думаю и во что верю, не имеет такого уж большого значения. Я видел, что с Катей происходит что-то странное. Поэтому для меня не удивительно, что причиной оказалось нечто столь необычное, как демон. А уж после того, что она рассказала мне о вашем друге... У меня нет причин сомневаться в его способностях.

– Вашей дочери очень повезло с отцом, – искренне заявил Войтех. – И с тем, что вы допустили вероятность аномального объяснения, и с тем, что у вас имелись ресурсы для привлечения к этой проблеме меня и моих друзей. У фотографа, который жил в квартире до Кати, не было ни того, ни другого, – добавил он со вздохом.

– Забавно, что вы первым начали этот разговор, – усмехнулся Ляшин. – Я хотел поговорить с вами о том же.

– Что вы имеете в виду? – Войтех внутренне напрягся, не понимая, куда клонит его собеседник. Однако его интуиция тут же встрепенулась и заверила его, что все идет так, как и должно идти, и Ляшин предложит ему нечто не просто приемлемое, но и приятное.

– После разговора с Катей я тоже думал о том фотографе, – признался Ляшин. – И о его жене. Катя говорила, как ей все это время было страшно, и она не знала, что делать. Думала, что сходит с ума. Ему, наверное, тоже

было страшно, а его жена не пострадала от этой твари лишь чудом. А если бы у них были дети? И никто из них не знал, что делать. Потому что в полицию с таким не пойдешь. А если и пойдешь, то помощи не получишь. Мне кажется, что было бы правильно, если бы люди могли обратиться куда-то с подобными проблемами. И не к каким-нибудь шарлатанам, которые просто заберут у них все деньги. А к вам.

Войтех остановился и повернулся к Ляшину. Тот сделал то же самое. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза: Ляшин – со снисходительной улыбкой, Войтех – с растерянностью и страхом поверить.

– Да, я хотел бы, чтобы вы продолжили этим заниматься, – кивнул Ляшин в ответ на невысказанный вопрос. – На официальном уровне. У меня есть возможность даже дать вам некоторые полномочия: например, заставить полицию с вами сотрудничать. К сожалению, предложить финансирование из бюджета не могу, но думаю, что в определенных ситуациях вы сможете проводить расследования на коммерческой основе. И насколько я знаю, небольшой... стартовый капитал у вас уже есть.

Войтех почему-то смутился под его взглядом, опустил глаза. Да, пожалуй, определенный капитал у них есть, хватит на какое-то время. Предложение звучало очень заманчиво. Настолько заманчиво, что в глубине души Войтех согласился на него еще до того, как Ляшин закончил говорить. Однако вслух он ответил более осторожно:

– Мне нужно уточнить у моих друзей, готовы ли они заняться этим на постоянной основе. Я не уверен в прибыльности подобного начинания, а нашего «стартового капитала» едва ли хватит надолго, но лично я попробовать готов.

– С финансированием я постараюсь вам помочь, – заверил его Ляшин. – И я вынужден просить вас назначить кого угодно на пост главы этой организации, но не себя.

Войтех удивленно приподнял брови, и Ляшин поторопился объяснить:

– Когда я буду добиваться для вас каких-то полномочий, мне бы не хотелось объяснять, почему этой организацией руководит иностранец. Сейчас не подходящий для подобного момент.

С этим Войтех легко согласился. Да и не хотелось ему засесть где-то в офисе. Ему нравились сами расследования.

Тем временем они приблизились к той скамейке, у которой встретились, и Войтех с удивлением обнаружил на ней еще одного мужчину. Раньше он его никогда не видел. На вид ему было немного за шестьдесят, волосы давно поседели, и определить их первоначальный цвет теперь не представлялось возможным. Он был одет так же хорошо, как и

Ляшин, из чего Войтех сделал вывод, что они вращаются в одних кругах. Когда они приблизились к скамейке, мужчина встал и повернулся к ним, засунув руки в карманы легкого плаща. Смотрел он преимущественно на самого Войтеха.

– А это чтобы уж окончательно закрыть вопрос с ЗАО «Прогрессивные технологии», – объявил Ляшин. – Познакомьтесь: Михаил Андреевич Верхов, один из главных спонсоров почившего ЗАО.

Войтех дернулся и инстинктивно отступил назад. Верхов на это хищно улыбнулся, а Ляшин удержал его за локоть, как будто Войтех мог броситься бежать.

– Не волнуйтесь, Дворжак, мы с Михаилом Андреевичем уже обо всем договорились. Он согласен считать деньги, которые вы выпотрошили со счетов «Прогрессивных технологий», своим первым взносом в нашу новую организацию. За это я не буду никого просить проверить, откуда у господина Верхова эти деньги. В будущем он продолжит вас спонсировать в обмен на доступ к информации о ваших расследованиях.

Войтех испуганно посмотрел на Ляшина. Нет, снова работать на ЗАО, то есть на того, кто его создал, он совершенно точно не хотел.

– Успокойтесь, Дворжак, – насмешливо велел Ляшин. – На этот раз вы будете все контролировать. А господин Верхов знает, что если по результатам ваших расследований будут происходить подозрительные события, то им могут очень сильно заинтересоваться в ФСБ. Так ведь, Михаил Андреевич?

Верхов хмыкнул, глядя на Ляшина с затаенной злостью, но сумел сохранить улыбку на лице, которая стала даже более вежливой.

– Да, Эдуард Александрович. Я все прекрасно понимаю, – заверил он, нервно погладив кончиками пальцев рассеченную шрамом бровь.

Эпилог

18 августа 2015 года, 9.45

ул. Ораниенбаумская

г. Санкт-Петербург

Лето выдалось на редкость прохладным и дождливым: заканчивался август, а количество теплых солнечных дней можно было пересчитать по пальцам. Одной руки. Вот и сегодня всю ночь по крышам и подоконникам Санкт-Петербурга барабанил дождь, но к утру он неожиданно прекратился, а еще чуть позже несмело, будто стесняясь, выглянуло солнце. Саша, сидевшая за рулем большой коричневой Ауди, чувствовала непривычную легкость на душе, с трудом заставляя себя следить за ситуацией на дороге вместо того, чтобы разглядывать отражающиеся в лужах дома и необыкновенно голубое небо. В это время года пробок на дорогах почти не бывало даже по утрам, поэтому до места назначения они с Войтехом добрались немного раньше необходимого.

Новоиспеченная организация «Институт исследования необъяснимого» занимала весь последний этаж небольшого четырехэтажного здания из красного и коричневого кирпича, построенного в конце позапрошлого века. Само здание находилось на улице Ораниенбаумской Петроградской стороны и когда-то было обычным жилым домом. Его давно переоборудовали под офисы, и теперь о былом назначении напоминала только странноватая планировка внутри здания, в которой еще можно было угадать отдельные квартиры. Саше повезло найти парковочное место совсем рядом с единственным входом, но выходить из машины она не торопилась. Заглушила двигатель и бросила взгляд на сидящего рядом Войтеху.

– До сих пор не верится, что мы это сделали, – улыбнулась она.

– Ты будешь говорить это каждое утро, приезжая на работу? – поддел Войтех, глядя на нее с ответной улыбкой.

На самом деле он и сам чувствовал нечто подобное, каждое утро просыпаясь с некоторой опаской: а вдруг все это – вся новая жизнь, в которой нашлось место и новой работе, и старым друзьям, и обновленным отношениям с Сашей, – ему приснилось? Но утро начиналось, и все оставалось по-прежнему.

– Всенепременно, – пообещала она, отстегивая ремень безопасности, а

затем внезапно – как то же делала каждое утро – наклонилась к нему и легонько коснулась губами его щеки: дальше просто не дотягивалась. – И так то же буду делать. Мне нравятся эти новые привычки.

– Пожалуй, мне тоже, – согласился Войтех, вслед за ней отстегивая ремень и первым выходя из машины.

Они уже подошли ко входу в здание, когда заметили неспешно приближающихся к нему с другой стороны Нева и Лилю. Лиля держала Нева под руку и что-то воодушевленно ему рассказывала, активно размахивая картонным стаканчиком с кофе из кофейни у метро. Нев молча слушал, снисходительно улыбаясь и потягивая кофе из аналогичного стаканчика. Войтех предположил, что Лиля предлагает очередной проект по ремонту или перестановке в квартире Нева. С тех пор, как она туда переехала, она никак не могла перестать ее переделывать под свой вкус.

Ее влияние распространялось не только на квартиру, но и на самого Нева. Из его гардероба исчезли скучные одноликие серые костюмы, в которых раньше они видели его практически постоянно. На их место пришли модные джинсы, идеально сидящие рубашки, стильные джемперы и свитера, необычные куртки. Она изменила даже форму и оправу его очков. Нев ни с чем не спорил и на все соглашался. То ли ему было все равно, то ли и самому нравилось то, что она предлагает. Как минимум внешне благодаря ее усилиям он помолодел лет на пять, а то и на все десять.

Войтех остановился сам и придержал за локоть Сашу, указав на приближающуюся парочку и с улыбкой наблюдая за ними.

– Знаешь, я думала, на Нева так действует магия, – тихо призналась Саша, пользуясь тем, что те их пока еще не заметили. – Оказалось – любовь. Надеюсь, у них это надолго, мне нравится этот новый Нев.

– Никто из нас не знает, что и сколько продлится, – покачал головой Войтех. – Наверное, они правильно делают, что просто ловят момент, пока он существует... Доброе утро!

Последние его слова уже были обращены к приблизившимся друзьям, которые их наконец заметили. После обмена приветствиями Войтех потянул на себя входную дверь, пропуская внутрь сначала дам, а потом и своего старшего товарища, и только потом зашел сам.

Лифта в старом доме, конечно же, не было, а высокие потолки делали лестничные пролеты почти бесконечными, но при этом ступеньки были широкими и низкими, поэтому ежедневный подъем на последний этаж не доставлял проблем даже Саше, которая никогда не отличалась спортивными навыками и до сих пор не могла бросить курить. Несмотря на

общий возраст здания, внутри оно выглядело вполне прилично и современно, хоть и сохранило некоторые аутентичные черты. На втором этаже располагалась коллегия адвокатов, которая когда-то не пожалела денег на ремонт, а появившийся «Институт» немного обновил его. Пожалуй, действительно старыми здесь оставались только кованые перила, но они выглядели так шикарно, что сменить их ни у кого не поднялась рука.

Не спеша поднявшись на свой этаж, они вышли в достаточно просторный холл, в котором их за высокой стойкой уже встречала улыбчивая девушка-администратор Лидия. После дежурных пожеланий доброго утра она протянула Войтеху стопку писем. На этот раз даже чуть более толстую, чем в предыдущие дни.

Основной поток заявок они принимали по электронной почте, но некоторые люди предпочитали пользоваться обычной. Войтех вздохнул, протягивая за письмами руку, затянутую в тонкую перчатку. Просмотр поступающих обращений возложили на него. Пока девяносто девять целых и девять десятых процентов обращений оказывались или приколами, или бредом сумасшедших. Благодаря своей интуиции Войтех легко их отсеивал. На рассмотрение шли лишь те заявки, при чтении которых он что-то почувствовал по той или иной причине. Конечно, все понимали, что эту систему еще предстоит отладить: когда заявок станет больше, Войтех уже не сможет изучать их все.

– А это для вас, Евстахий Велориевич, – Лидия протянула запечатанный конверт без марок и штампов Неву. – Курьер принес.

– Спасибо, – поблагодарил тот, заметно удивившись. На конверте значилось его имя, поэтому вопросов он задавать не стал. Возможно, все станет понятно из содержимого.

Лиля тем временем провела своим ключом по замку и открыла дверь в коридор, из которого тут же слышались голоса:

– Менеджер? Они серьезно? Мне говорили, что я буду следователем, а тут написано: менеджер! Я ушел из Следственного комитета, чтобы стать *менеджером*?! – возмущался Дементьев.

– Менеджером проекта, – спокойно отвечал ему Долгов. – Это круче, чем просто менеджер. И потом, это визитки. Для работы со свидетелями и объектами. Люди лучше реагируют на должность менеджера, чем следователя.

Четверо новоприбывших остановились, глядя на картину маслом: в длинном светлом коридоре, куда выходили многочисленные двери кабинетов, как лев в клетке метался бывший следователь, а теперь

менеджер проекта Владимир Петрович Дементьев. И последнее обстоятельство его, мягко говоря, не радовало. Константин Долгов стоял рядом с дверью, на которой красовалась табличка «Медицинская служба» и за которой находились еще несколько кабинетов, в том числе его собственный и Сашин, прислонившись спиной к стене и сложив руки на груди, и широко улыбался.

– Что за вопли, Дементьев? – весело поинтересовалась Саша.

Тот остановился и резко повернулся к ней, держа на уровне лица свеженькую визитку.

– Менеджер. Проекта, – отдельно произнес он. – Дворжак, я ушел из Следственного комитета не для того, чтобы стать долбанным менеджером!

– Ты ушел из Следственного комитета, потому что тебя оттуда уволили за наши художества в лаборатории «Прогрессивных технологий», – невозмутимо напомнил Войтех, изо всех сил стараясь сохранять серьезное выражение лица. – Которые ты же и возглавлял. И не переживай: как верно заметил Костя, это для определенных случаев. Корочки следователей нам обещали сделать на следующей неделе. Потерпи.

Согласен ли потерпеть Дементьев или же его чувство собственного достоинства оскорблено навсегда, никто из них узнать не успел, так как в этот момент хлопнула стеклянная дверь, отделявшая кабинеты от холла со стойкой администратора, и в коридоре показался Ваня с огромным букетом чайных роз в руках. Увидев друзей в полном составе, он тут же молча развернулся и собрался уйти, откуда пришел, но Лиля громко поприветствовала его:

– Доброе утро, братец! Куда это ты?

Ваня замер и вынужден был снова повернуться к ним. На лице его при этом появилось привычное нахальное выражение, но все поняли, что на этот раз оно призвано скрыть смущение.

– Какие розы! – насмешливо протянула Саша. – Не Anne ли нашей-свет-Николаевне ты их тащишь, Сидоров?

– К начальству подлизываешься? – подлила масла в огонь Лиля.

Ваня скорчил обеим гримасу и под смешки всех присутствующих прошествовал прямо к кабинету директора Института.

– Не контора, а дом свиданий, – проворчал Дементьев и махнул рукой, убирая визитку в карман джинсов.

Прежде, чем кто-нибудь успел ему ответить, дверь кабинета директора распахнулась, и оттуда стремительно вышла Анна, держа в руках тонкую папку. Лицо ее не выражало каких-либо эмоций, из чего остальные сделали вывод, что букет Вани она посчитала неуместным. Или хотела сделать вид,

что посчитала.

– О, вы все здесь? – заметила она и язвительно добавила: – Чего стоим? Кого ждем? Инструктаж сам себя не проведет.

И с этими словами она открыла дверь большой переговорной, делая приглашающий жест.

– Ну и мегеру ты на должность директора выбрал, Дворжак, – снова проворчал Дементьев, на этот раз еще более притворно, чем в прошлый. – Каждое утро себя пятиклассником чувствую.

Обмениваясь улыбками, все шестеро сотрудников ИИН вошли в переговорную. Ваня присоединился к остальным последним, когда уже и сама Анна вошла и заняла место во главе длинного стола.

Пока все рассаживались и устраивались, Нев успел вскрыть переданный ему конверт и вытащить из него небольшую записку. Та оказалась довольно лаконичной, но заставила его сердце пропустить удар.

«Ты думал, я забыл о тебе? Я скоро приду, чтобы забрать дары, которые принадлежат мне по праву».

– Все в порядке? – встревоженно поинтересовалась Лиля, заметив, как он побледнел.

Нев торопливо спрятал записку и натянуто улыбнулся ей в ответ, заверив, что все прекрасно. Он видел, что Лиля не поверила ему, но настаивать она не стала. Конечно, он все расскажет ей позже. Ведь ее Общество охраняет Перстень, за которым неизвестный пообещал прийти. А Книга, которую они все-таки нашли среди останков его деревенского дома, и вовсе хранится у них в квартире. Она имеет право знать. Просто Аня не любила, когда они отвлекались во время инструктажей.

Убедившись, что все расселись по своим местам и готовы слушать, директор ИИН открыла тонкую папку и незаметно бросила еще один взгляд на цветы, которые Ваня положил на стол перед ней. Много лет у нее было четкое правило: никаких романов на работе, но внезапное предложение Войтеха возглавить организацию по изучению аномальных явлений, еще более внезапный переезд в Санкт-Петербург, где находился офис в то время еще будущего Института, а также удивительная настойчивость нового подчиненного грозили ей нарушением этого правила. И сопротивляться с каждым днем становилось все труднее.

Она заставила себя снова вернуться к папке.

– Итак, на повестке дня у нас три потенциально интересных дела, отобранных Войтехом: девочка-призрак из Твери, некромант-любитель в Сургуте и полтергейст под Челябинском. С чего начнем?

Конец

На этом заканчивается серия «Нормальное аномальное», но не заканчиваются приключения Войтеха Дворжака и его друзей. Новые расследования теперь уже не любителей, а профессионалов, ищите в серии «Исследования необъяснимого».

<p>All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.</p>	<p>Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.</p>
<p>«Strelbytsky Multimedia Publishing»</p>	<p>«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»</p>
<p>Saksaganskogo str., 58, office 8 Kiev, Ukraine, 01033</p>	<p>ул. Саксаганского, 58, оф.8 Киев, Украина, 01033</p>
<p>tel. +38044 331-06-20 e-mail: ds@strelbooks.com</p>	<p>тел. +38044 331-06-20 e-mail: ds@strelbooks.com</p>

**Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»**

С нашими изданиями электронных книг вы можете ознакомиться на сайтах:

www.andronum.com

www.strelbooks.com

Желаем приятного чтения!

Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Эта книга охраняется авторским правом

Copyright © 2018

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»